

ВЕСТНИК

МГИМО-УНИВЕРСИТЕТА

MGIMO

Review of International
Relations

• 19(4) • 2026

Журнал индексируется в следующих
системах и каталогах: Scopus, Web of Science, РИНЦ,
Google scholar, список ВАК, ERIH PLUS, EBSCO.

Вестник МГИМО-Университета

Научный рецензируемый журнал

<http://www.vestnik.mgimo.ru/>

Редакционная коллегия:

Торкунов А.В. – академик РАН, ректор МГИМО МИД России. Главный редактор (Россия).

Байков А.А. – кандидат политических наук, доцент, проректор по научной работе МГИМО МИД России. Заместитель главного редактора (Россия).

Харкевич М.В. – кандидат политических наук, доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России, директор по научным коммуникациям МГИМО МИД России. Шеф-редактор (Россия).

Артизов А.Н. – доктор исторических наук, руководитель Федерального архивного агентства Российской Федерации (Россия).

Войтоловский Ф.Г. – член-корреспондент РАН, доктор политических наук, профессор РАН, директор ИМЭМО РАН (Россия).

Волджи Т. – профессор политических наук Университета Аризона (США).

Гаман-Голутвина О.В. – член-корреспондент РАН, заведующая кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России (Россия).

Грум Дж. – профессор международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Давид Д. – исполнительный вице-президент Французского института международных отношений (Франция).

Казанцев А.А. – доктор политических наук, независимый исследователь (Россия).

Кокошин А.А. – академик РАН, заведующий кафедрой международной безопасности МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия).

Колосов В.А. – доктор географических наук, заведующий Лабораторией геополитических исследований, Институт географии РАН (Россия).

Лавров С.В. – министр иностранных дел Российской Федерации (Россия).

Лебедева М.М. – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой мировых политических процессов МГИМО МИД России (Россия).

Липкин М.А. – доктор исторических наук, профессор РАН, директор Института всеобщей истории РАН (Россия).

Мальгин А.В. – кандидат политических наук, проректор по развитию МГИМО МИД России (Россия).

Михнева Р. – доктор исторических наук, исполнительный директор Национальной ассоциации Болгарское наследие (Болгария).

Печатнов В.О. – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политики стран Европы и Америки МГИМО МИД России (Россия).

Саква Р. – декан Школы политики и международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Сергунин А.А. – доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета

Столбов М.И. – доктор экономических наук, заведующий кафедрой прикладной экономики МГИМО МИД России (Россия).

Терзич С. – главный научный сотрудник Института истории Сербской академии наук и искусств (Сербия).

Уолфорд У. – профессор им. Дэниэла Вебстера Факультета управления Дартмутского колледжа (США).

MGIMO Review of International Relations

Scientific Peer-Reviewed Journal

<http://www.vestnik.mgimo.ru/>

Editorial Board:

Torkunov A.V. – Rector of MGIMO University, Academician of the Russian Academy of Sciences. Editor-in-Chief (Russia).

Baykov A.A. – Vice-Rector for Science and Research of MGIMO University, PhD in Political Science, Associate Professor. Deputy Editor-in-Chief (Russia).

Kharkevich M.V. – PhD in Political Sciences, Associate professor, World Politics Department, MGIMO University. Editor-in-Charge. (Russia).

Artizov A.N. – Director of the Federal Archive Agency, Doctor of Historical Sciences (Russia).

David D. – Executive Vice-President of French Institute of International Relations, IFRI (France).

Gaman-Golutvina O.V. – Corresponding member of RAS, President of Russian Political Science Association, Head of Comparative Politics Department, MGIMO University (Russia).

Groom J. – Professor Emeritus of International Relations, University of Kent (UK).

Kazantsev A.A. – Doctor of Political Sciences, independent researcher.

Kokoshin A.A. – Head of International Security Department, Lomonosov Moscow State University Academician of the RAS (Russia).

Kolosov V.A. – Doctor of Geography, Head of the Laboratory of Geopolitical Studies, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Lavrov S.V. – Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation (Russia).

Lebedeva M.M. – PhD in Psychology, Doctor of Political Sciences, Professor, the Head of the World Politics Department, MGIMO University (Russia).

Lipkin M. – Doctor of Sciences (History). Director of the Institute of World History of the RAS, professor of the RAS (Russia).

Malghin A.V. – PhD in Political Sciences, Vice-Rector for Strategic Development MGIMO University (Russia).

Mihneva R. – Executive Director of Bulgarian Heritage National Association, Doctor of Historical Sciences (Bulgaria).

Pechatnov V.O. – Doctor of Sciences (History), Professor at the Department of History of European and American countries, MGIMO University (Russia).

Sakwa R. – Dean of the School of Politics and International Relations of the University of Kent (UK).

Sergunin A.A. – Doctor of Sciences (Politics), Professor of theory and history of international relations, Saint Petersburg University

Stolbov M.I. – Doctor of Sciences (Economics), Head of Applied Economics Department, MGIMO University (Russia).

Terzic' S. – Chief Research Fellow of the Serbian Academy of Sciences and Arts (Serbia).

Voitolovsky F. – Doctor of Sciences (Politics), Director of the Institute of World Economy and International Relations of the RAS, Corresponding Member of the RAS (Russia).

Volgy Th. – Professor of Political Sciences at the University of Arizona (USA).

Wohlforth W.C. – Daniel Webster Professor of Government, Dartmouth College (USA).

© МГИМО МИД России.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации».

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия Российской Федерации.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-29004 от 3 августа 2007 г. Перерегистрировано ПИ № ФС77-69112 от 14 марта 2017 г.

Адрес редакции: 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76, комн. 14.
Тел./факс: 8 (495) 234-84-41;

веб-сайт: www.vestnik.mgimo.ru
e-mail: vestnik@inno.mgimo.ru

ISSN-Print 2071 – 8160. Выходит 6 раз в год.
ISSN-Online 2541-9099.

Дизайн – Волков Д.Е., редакторы – Меден Н.К., Захарова Е.А., Гожина А.В.,
Кузнецов Д.А., Уруева М.С., Учаев Е.И., корректор – Кубышкина Е.В.,
вёрстка – Волков Д.Е.

Отпечатано в производственном отделе Издательского дома МГИМО.
119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76.
mgimo.ru/id; id@inno.mgimo.ru

Тираж 2000 экз. 1-й завод __ экз. Объём __, __ усл. п.л. Заказ № ____.

© Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Founder: Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media.

Certificate of registry ПИ № ФС77-29004, 3 August 2007.
Reregistered ПИ № ФС77-69112 14 March 2017.

The Publisher Address : 119454, Moscow, Prospect Vernadskogo, 76, room. 14.
Phone/fax: +7 495 433 2774.

URL: www.vestnik.mgimo.ru;
e-mail: vestnik@inno.mgimo.ru

ISSN-Print 2071 – 8160.
ISSN-Online 2541-9099.

Published by MGIMO University Press. Number of printed copies: 2000.

Содержание • 19(4) • 2026

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

Международная политическая экономия

- 7 Шевченко И.К., Никитаева А.Ю.,
Косолапова Н.А. – От глобальных
исследовательских приоритетов
к региональным стратегиям: анализ
технологической повестки эконо-
мического развития
- 36 Ваславский Я.И., Ваславская И.Ю.,
Михалев Д.А. – Культурно-институ-
циональные предпосылки экономи-
ческого роста
- 61 Шкваря Л.В., Федорченко А.В. –
Международная торговля товарами
и услугами ИКТ: опыт стран ССАГПЗ

Международная безопасность

- 83 Назаров В.П. – Новый взгляд
на угрозы безопасности и нацио-
нальные интересы США в период
администрации Трампа

- 102 Солодов Е.А., Мальцев А.М. – Пар-
тийная идеология и парламент-
ская поддержка военных операций
за рубежом

КНИЖНЫЕ РЕЦЕНЗИИ

- 139 Магадеев И.Э. – Империя перед
вызовами модернизации и войны
- 152 Савичева Е.М., Киричко Ф.А. – БРИКС
и контуры многополярного буду-
щего

Table of Contents • 19(4) • 2026

RESEARCH ARTICLES

International Political Economy

- 7 Shevchenko I.K., Nikitaeva A.Yu., Kosolapova N.A. – From Global Research Priorities to Regional Strategies: Analyzing The Technological Agenda for Economic Development
- 36 Vaslavskiy Ya.I., Vaslavskaya I.Yu., Mikhalev D.A. – The Cultural and Institutional Preconditions of Endogenous Growth
- 61 Shkvarya L.V., Fedorchenko A.V. – International Trade in ICT Goods and Services: The Experience of the GCC Countries

International Security

- 83 Nazarov V.P. – A New Perspective on Security Threats and U.S. National Interests under the Trump Administration
- 102 Solodov E.A., Malcev A.M. – Party Ideology and Parliamentary Support for Military Operations Abroad

BOOK REVIEWS

- 139 Magadeev I.E. – Empire Confronting the Challenges of Modernization and War
- 152 Savicheva E.M., Kirichko F.A. – BRICS and the Contours of a Multipolar Future

От глобальных исследовательских приоритетов к региональным стратегиям: анализ технологической повестки экономического развития

И.К. Шевченко, А.Ю. Никитаева, Н.А. Косолапова

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

В статье на основе изучения взаимосвязи и взаимовлияния технологических и экономических аспектов развития мировой экономики в контексте глокализации и анализа существующих методологий и инструментов определения технологических трендов и фронтиров предложена концептуальная логика оценки приоритетов глобальной научно-технологической повестки для их инкорпорирования в стратегии регионального развития с учётом федеральных целей и национальных технологических ориентиров развития. Предложенная методология определения технологических приоритетов стратегического развития российских регионов предполагает проведение анализа в системе координат «Глобальные технологические тренды» – «Национальные проекты технологического лидерства» – «Потенциал региона». Анализ глобальных трендов проводится по перечню, зафиксированному в качестве приоритетного в проектно-технологической логике на федеральном уровне. Сужение тематик далее может определяться потенциалом и отраслевой специализацией конкретного региона с учётом научно-технологических наработок ведущих университетов, инвестиционных условий и институциональной среды. Анализ проведён на примере тематик двух национальных проектов технологического лидерства: «Новые материалы и химия» и «Новые технологии сбережения здоровья». Выбор указанных направлений обусловлен их контрастностью по масштабу и характеру перехода от исследований к практическому применению. Региональная составляющая методологии проиллюстрирована на примере Ростовской области и технологий микро- и малотоннажной химии. Результаты анализа первой тематики свидетельствуют о том, что тренд не относится к зарождающемуся или практически значимому, он уже перешёл к коммерческой зрелости или промышленному применению. На основе сопряжённого анализа теоретических и прикладных исследований по укрупнённой тематике регенеративной медицины (в русле проекта Новые технологии сбережения здоровья), учитывая соотношение патентов и публикаций, соответствующий технологический тренд может быть отнесён к формирующемуся, с высоким потенциалом перехода к практической значимости; вывод о динамике рынка

Поступила в редакцию: 15.03.2026

Принята к публикации: 25.08.2026

УДК: 332.14:330.341.1

требует дополнительной проверки на основе рыночных данных. Апробация показала, что предложенная схема анализа даёт возможность не просто определить стадию тренда, характер развития соответствующей тематики, но, во-первых, оценить перспективность выбора соответствующего приоритета для стратегии регионального развития, во-вторых, конкретизировать механизм его практического воплощения. В результате определено, что успешная региональная стратегия заключается не в пассивной логике следования глобальным трендам, а в реализации активной субъектной позиции формирования научно обоснованной архитектуры конвертации данных трендов в контекст социально-экономических и производственных возможностей территорий.

Ключевые слова: научно-технический прогресс, стратегии регионального развития, научно-технологические фронтиры, Индустрия 4.0, глокализация, методология определения приоритетов, наукометрический анализ, потенциал региона, микро- и малотоннажная химия

В настоящее время факторы, связанные с научно-техническим прогрессом и новой промышленной революцией (Индустрией 4.0), являются одними из наиболее сильных драйверов, определяющих развитие мировой экономики в преломлении фактически ко всем уровням её иерархии. Под влиянием технологий Четвертой промышленной революции происходит смена глобальных цепочек создания стоимости, способов взаимодействия экономических субъектов, принципов организации производства и управления, бизнес-моделей, источников конкурентных преимуществ и т.д. Как и предсказывал в своих работах Дон Тэпскотт (Tapscott 1997), формирование цифровой экономики и массовое распространение новейших технологий (искусственный интеллект, большие данные, блокчейн, Интернет вещей, биотехнологии, новые производственные технологии и т.д.) оказывает масштабное трансформационное воздействие на всю глобальную экономическую систему. Причём данное воздействие может носить положительный и отрицательный характер, открывая новые возможности, но и новые риски. Несмотря на то, что научно-технический прогресс на протяжении уже достаточно продолжительного времени рассматривается как один из ключевых факторов экономического роста и развития (Ayres 1996; Yu, Jin 2024), новые технологии Индустрии 4.0 ещё в большей степени способствуют усилению такого воздействия.

Существующие исследования подтверждают, что уровень технологической сложности и уникальность национального портфеля технологий в значительной степени объясняют межстрановые и межрегиональные различия в уровнях и темпах экономического развития (Nepelski, De Prato 2020; Mewes, Broekel 2022). Выделяют несколько направлений положительного влияния создания и применения сложных технологий на экономический рост (Broekel, Klarl 2025). Во-первых, товары и услуги, производство которых требует применения сложных технологий, как правило, характеризуются меньшим конкурентным

давлением, что позволяет их производителям извлекать более высокую экономическую ренту, стимулируя дальнейшие инвестиции и, в конечном счёте, приводя к более быстрому росту (Mewes, Broekel 2022). Во-вторых, стимулирующий рост эффект сложных технологий связан с их способностью решать более сложные задачи и удовлетворять расширенные потребности, обеспечивая более широкие функциональные возможности, большую гибкость, универсальность и эффективность, чем более простые технологии. Кроме того, такие продукты обычно сочетают в себе несколько сложных технологий, что означает, что сложность одной технологии часто связана с её интеграцией с другими (сложными) технологиями. Такое более широкое применение и повторное использование технологий, а также более высокая стоимость продукции способствуют общему экономическому росту (Gambardella, Heaton, Novelli and Teece 2021). В-третьих, успешное освоение сложных технологий в прошлом позволяет субъектам более динамично и эффективно развиваться в будущем (Hidalgo, Hausmann 2009). Навыки и понимание, полученные при разработке одной сложной технологии, могут быть применены и расширены для изучения и создания ещё более сложных технологий (Balland, Rigby 2017; Balland, Jara-Figueroa, Petralia, Steijn, Rigby and Hidalgo 2020; Mewes, Broekel 2022). Согласно исследованиям Ларса Мевеса и Тома Брёкеля, регионы, обладающие возможностями в области более сложных технологий, растут экономически быстрее, чем регионы, не обладающие такими компетенциями (Mewes, Broekel 2022).

Отдельно важно выделить глобальный характер рассматриваемой связи технологического и экономического развития. Так, Даниэль Непельски и Джудитта Де Прато не только рассматривают технологическую сложность как важнейший фактор экономического развития, но и показывают с помощью анализа эмпирических данных, что положение страны в мировом технологическом пространстве влияет на уровень её доходов и экономический рост. Основным механизмом этого влияния определяется степень исключительности и уникальности технологического портфеля страны по сравнению с остальными странами (Nepelski, De Prato 2020). Следовательно, стратегически важным является учёт глобальных технологических фронтиров для определения фокуса развития конкретных экономических систем.

При этом Том Брёкель и Торбен Кларль отмечают, что именно в последнее время позитивная связь между возможностями повышения технологической сложности и экономическим ростом стала более заметной, а способность создавать и использовать сложные технологии приобретает определяющую роль (Broekel, Klarl 2025). Учёные связывают это с информационно-коммуникационной революцией. Как отмечает В. Акбердина, цифровые технологии выступают как технологии-интеграторы в новаторских промышленных и экономических моделях (Акбердина 2018).

Важно также учитывать сложность и самой категории «технологии» в современной экономической науке. Как показывают Рахул Капур и Дэвид Тис,

концептуализация технологии варьировалась в диапазоне от научных и инженерных знаний до “производственных функций” предприятия и физических артефактов, которые выполняют определённую функцию. Это даёт возможность учёным концептуально рассматривать технологию как многогранную конструкцию, включающую в себя производственные ноу-хау, решение проблем и функциональность. Хотя новые технологии открывают значительные возможности для создания добавленной стоимости, степень реализации этих возможностей в разных фирмах, отраслях и технологиях с течением времени различается. Понимание источников этих различий может дать регулирующим структурам информацию относительно того, как они могут способствовать технологическому прогрессу, чтобы стимулировать экономический рост (Кароор, Теесе 2021).

Учитывая нарастающую сложность и важность технологий, ведущие консалтинговые компании и аналитические институты предлагают свои методологии определения глобальных исследовательских и технологических фронтиров, в направлении которых выстраиваются векторы развития¹.

Значительный пул технологических трендов регулярно представляет компания Gartner, рассматривая их как в общем глобальном контексте², так и в более узкой фокусировке – применительно к конкретным технологиям/технологическим сферам или субъектам³. Выбранный формат представления технологических трендов через Цикл Хайпа (Hype Cycle) даёт возможность получить информацию не только о векторах развития самих технологий, но и о рыночных тенденциях, расширяя информационно-аналитическую базу принятия решений инвесторами и руководителями компаний.

Аналогичным образом своё видение глобальных технологических трендов публикуют компании Deloitte (выделяя инновационные направления, способные трансформировать бизнес и общество)⁴, Boston Consulting Group⁵, PwC и другие⁶.

Эксперты и аналитики компании McKinsey на ежегодной основе определяют, какие глобальные технологические фронтиры будут иметь наибольшее значение для компаний. В 2025 году соответствующий обзор - McKinsey Technology Trends Outlook - подробно раскрывал тринадцать передовых технологических тенденций, которые потенциально могут трансформировать глобальный бизнес,

¹ Technology Trends Outlook 2025 (5th ed.). 2025. *McKinsey & Company*. URL: <https://www.mckinsey.com/capabilities/mckinsey-digital/our-insights/the-top-trends-in-tech> (accessed 15.10.2025); 2025 Top Strategic Technology Trends (by G. Alvarez). 2024. *Gartner*. URL: <https://www.gartner.com/en/articles/top-technology-trends-2025> (accessed 1.07.2025).

² Top Strategic Technology Trends (by G. Alvarez). 2024. *Gartner*. URL: <https://www.gartner.com/en/articles/top-technology-trends-2025> (accessed 1.07.2025).

³ The 2025 Hype Cycle for Artificial Intelligence Goes Beyond GenAI (by H. Khandabattu). 2025. *Gartner*. URL: <https://www.gartner.com/en/articles/hype-cycle-for-artificial-intelligence> (accessed 1.07.2025).

⁴ Tech Trends 2025. 2024. *Deloitte*. Deloitte Insights. 72 p.

⁵ Our Latest Thinking on Digital, Technology, and Data. *Boston Consulting Group (BCG)* URL: <https://www.bcg.com/capabilities/digital-technology-data/insights> (accessed 1.07.2025).

⁶ Next in Tech 2025. 2025. *PwC*. URL: <https://www.pwc.com/us/en/industries/tmt/library/tmt-trends.html> (accessed 1.07.2025).

ориентируясь на контекст, в котором перед руководителями стоит задача справляться с растущей сложностью, масштабировать новые решения и укреплять доверие в мире, где границы между цифровым и физическим, централизованным и децентрализованным продолжают стираться⁷. Отдельно важно отметить, что по оценкам McKinsey усилилась глобальная конкуренция за критически важные технологии. Страны и корпорации значительно увеличили усилия по локализации наиболее важных технологических производств, причём такой фокус на самообеспечении связан не только с безопасностью, но и с уменьшением подверженности геополитическим рискам и созданием новой волны добавленной стоимости. Результатом, по мнению экспертов McKinsey, является новая эра конкуренции, основанной на технологиях, когда страны заинтересованы в важнейших отраслях⁸.

Подход ПАО «Ростелеком», представленный в методологии мониторинга глобальных трендов цифровизации, основан на анализе и систематизации передовых цифровых технологий, динамике их развития и взаимосвязях, что формирует комплексное представление о передовых, перспективных и только зарождающихся инновационных направлениях для целей долгосрочного планирования в различных отраслях⁹.

Системно определяя глобальные технологические тренды, в том числе с использованием системы интеллектуального анализа больших данных iFORA и форсайт-метода, для выстраивания научно-технической политики учёные Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ (Гершман и др. 2025; Chulok, Kotsemir, Radomirova, Shashnov 2024) используют такую характеристику как динамичность термина, характеризующую рост частоты его употребления в корпусе документов по изучаемой тематике и его связь с другими понятиями. В соответствии с данными экспертов ИСИЭЗ ВШЭ¹⁰, в 2025 году наиболее важные темы в исследовательской повестке традиционно представляемой по пяти направлениям: устойчивое развитие, внедрение технологий, поддержка исследований, государственное регулирование, повышение конкурентоспособности и формирование компетенций были связаны с оценкой климатических рисков, возобновляемыми источниками энергии, экономическим ростом, искусственным интеллектом и др. (рис. 1).

⁷ Technology Trends Outlook 2025 (5th ed.). 2025. *McKinsey & Company*. URL: <https://www.mckinsey.com/capabilities/mckinsey-digital/our-insights/the-top-trends-in-tech#> (accessed 15.10.2025)

⁸ Technology Trends Outlook 2025 (5th ed.). 2025. *McKinsey & Company*. URL: <https://www.mckinsey.com/capabilities/mckinsey-digital/our-insights/the-top-trends-in-tech#> (accessed 15.10.2025)

⁹ Мониторинг глобальных трендов цифровизации. Ростелеком. 2025. URL: https://www.company.rt.ru/projects/digital_trends/ (дата доступа 15.01.2026).

¹⁰ Тренды мировой научно-технической политики в III квартале 2025 г. 2025. Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ. 12.12.2025. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/1109965056.pdf> (дата доступа 15.01.2026).

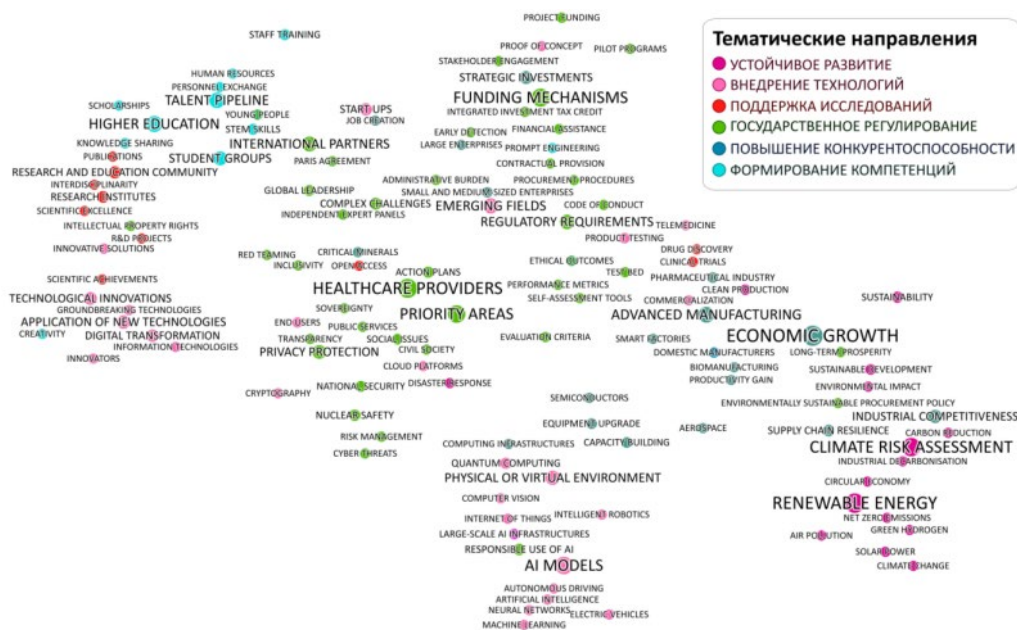

Рисунок 1. Семантическая карта повестки научно-технической политики зарубежных стран-лидеров в 3 кв. 2025 г.

Figure 1. Semantic Map of the Science and Technology Policy Agenda of Leading Foreign Countries, Q3 2025

Источник: Бредихин С. В., Сварчевская М. В. 2025. Тренды мировой научно-технической политики в III квартале 2025 года. М.: ИСИЭЗ НИУ ВШЭ. URL: <https://issek.hse.ru/news/1109965058.html>

По итогам 2025 года произошла смена лидирующей тематики. Наиболее существенный вклад в исследовательскую повестку внесли тематики, связанные с направлением «Формирование компетенций», такие как формирование STEM-компетенций, креативность, развитие талантов, в то время как в 2024 г. наиболее существенным было направление «Поддержка исследований». Интересным представляется тот факт, что по сравнению с предыдущим годом уменьшилось и количество существенных тематик в лидирующем направлении с 5 в 2024 г. до трех в прошедшем, а также стал более конкретным фокус этих тематик.¹¹

Таким образом, над определением глобальных трендов научно-технологического развития работает значительное количество научных коллективов и крупных компаний. При этом ограниченным представляется число исследований, посвящённых тому, как конвертировать информацию о технологических трендах в приоритеты и стратегии социально-экономического

¹¹ Бредихин С. В., Сварчевская М. В. 2025. Тренды мировой научно-технической политики в III квартале 2025 года. М.: ИСИЭЗ НИУ ВШЭ. URL: <https://isek.hse.ru/news/1109965058.html> (дата доступа: 15.01.2026).

развития. Решение такой задачи требует комплексного рассмотрения технологических тенденций и потенциала их реализации в конкретных пространственно-временных условиях.

Так, Каролин Наст, Том Брёкель и Дорис Энтнер считают, что возрастающая сложность технологий и связанных с ними научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) является одной из двух ключевых тенденций современного научно-технического прогресса. Второй тенденцией является растущая роль государственного вмешательства и поддержки в инновационных процессах (Nast, Broekel, Entner 2024). Ученые показывают (применительно к США), что современные схемы государственной поддержки способствуют внедрению инноваций в более сложные технологии (Nast, Broekel, Entner 2024). В продолжение этого Том Брёкель и Торбен Кларль отмечают, что требуется промышленная политика, целенаправленная на поддержку отраслей, работающих в сложных технологических областях. Это может включать стратегические инвестиции в исследования и разработки в секторах с высоким потенциалом роста, способствуя развитию отраслевых кластеров, расширяющих возможности обмена знаниями и развития инноваций (Broekel, Klarl 2025). При этом государственная поддержка не является реакцией на растущую сложность. Скорее, она выступает в качестве движущей силы роста сложности и, учитывая положительное влияние сложности на экономический рост, может способствовать экономическому росту (Nast, Broekel, Entner 2024).

Соответственно, эффективная реализация потенциала новых технологий, новых индустрий и инновационных бизнес-моделей возможна при условии разработки и реализации целостных стратегий социально-экономического развития с чётким выделением в них научно-технологических приоритетов.

При этом особенности современного этапа экономико-технологического развития мировой хозяйственной системы в значительной степени определяются феноменом глокализации – сочетания глобализации и локализации (регионализации), когда наряду с нарастанием процессов глобализации (ещё более увеличивающимся вследствие цифровизации мировой экономики) одновременно происходит сохранение и усиление региональной специфики, рост влияния локальных факторов, характерных для определённой территории. То есть глобальные и локальные тенденции взаимосвязаны, взаимообусловлены, взаимопроникают друг в друга (Голубь, Шведов, Агжитов 2013). Тенденции универсализации сочетаются в этом контексте с тенденциями конкретизации, отражая переход концепции глокализации, которую можно выразить фразой «мысли глобально, действуй локально», с корпоративного уровня на уровень экономики в целом. На размывание «вектора глобализации в ходе масштабно усиливающейся регионализации в её разнообразных проявлениях, включая макрорегионализацию и глокализацию», указывает в своих исследованиях А.В. Торкунов (Торкунов 2022).

Тем более это верно для российской экономики, в которой вариативность региональных экономических систем проявляется не только в уровне социально-экономического потенциала, но и в разной укладности и отраслевой структуре, сильно дифференцированном инновационном и научно-техническом потенциале, различных природно-климатических условиях и т.д. (Алехин и др. 2017).

Учитывая разную эффективность инструментов стимулирования инновационного развития регионов в условиях недостатка критически важных ресурсов, существенным представляется переход к комплексным программам инновационного развития регионов через экосистемный подход, который предполагает формирование среды для взаимодействия компаний, региональных органов власти, научных и образовательных учреждений и институтов развития. Однако реализация такого подхода не только увеличивает возможности региональных властей, но и требует более серьёзных затрат на формирование экосистем, а значит, и серьёзного обоснования подходов по анализу трендов и прогнозированию направлений развития региональных инноваций. В связи с этим изменяется роль научных и образовательных организаций не только как центров подготовки кадров для индустрии, «генераторов идей», воплощающихся в технологии, обеспечивающие решение стратегических задач развития РФ, но и как структур, способных разрабатывать методологию выявления региональных стратегических приоритетов развития.

Несмотря на то, что в настоящее время в экономической науке накоплен значительный методологический задел в области определения региональных приоритетов развития, среди которых можно отметить методики, предлагаемые Эксперт РА, CNEWS, DSMGroup, необходимо отметить, что большинство методик ориентировано на анализ уже существующих рынков и строится по схеме: краткая характеристика рынка, его сегментов и их динамики, анализ крупнейших игроков рынка и новичков, вышедших на рынок, рейтинг компаний, прогноз развития на основе ретроспективного анализа и наметившихся тенденций. Но для развития региональных инновационных систем важно понимание не только направлений развития уже существующих рынков, но и улавливание слабых сигналов о зарождающихся направлениях развития, которые в стратегической перспективе приведут к возникновению новых отраслей, технологий и рынков. С этой позиции интересными представляются подходы, разработанные Московской школой управления Сколково¹² и ПАО «Ростелеком».

Методология Сколково ориентирована на макроэкономический анализ, с ориентацией на оценку уровня развития экономики страны, в связи с этим под развивающимися рынками понимаются «экономики с быстрыми темпами

¹² Развивающиеся рынки: геном роста. 2024. Доклад Московской школы управления «СКОЛКОВО». URL: <https://www.skolkovo.ru/researches/razvivayushiesya-rynki-genom-rosta-2024/> (дата доступа: 25.01.2026).

индустриализации и экономического роста, претендующие на ведущие роли на мировой арене»¹³.

Использование в исследовании фундаментального анализа процессов позволяет применять полученные по данной методике данные для прогнозирования и сценарирования в перспективе 5–10 лет. В основе методики лежит расчёт индекса развивающихся рынков (EMD). EMD разработан Институтом исследований развивающихся рынков бизнес-школы СКОЛКОВО в 2016 году и позволяет оценить уровень экономической зрелости рынков на основе 42 параметров, распределённых по семи категориям: экономическая структура, население, капитал, трудовые ресурсы, институты, риски, инфраструктура. Рассмотрение этих категорий связано с тем, что «ключевыми факторами, определяющими потенциал экономического роста рассматриваемой страны, являются факторы производства – капитал, труд (рабочая сила) и человеческий капитал («предпринимательские способности»). Однако для того, чтобы факторы производства привели к экономическому росту, страны должны эффективно распределять эти ресурсы с помощью сложной экономической структуры и развитых инфраструктурных сетей. Для обеспечения устойчивого экономического роста крайне важно иметь эффективные институты, обеспечивающие верховенство закона, защиту инвесторов, благоприятную среду для предпринимательства и т.д. Наконец, уязвимость к внешним рискам, хотя и редко поддающаяся контролю, оказывает значительное влияние на траекторию развития экономик»¹⁴. На основе этого индекса выделяют три группы развивающихся рынков: рынки на продвинутой, промежуточной и ранней стадиях развития, с характеристиками каждой группы и наблюдаемыми на них тенденциями.

Подход ПАО «Ростелеком», как было отмечено ранее, позволяет на основе анализа большого объёма количественных и качественных данных (100+ млн научных публикаций, 40+ млн патентов, 30+ трлн долларов инвестиций в 3+ млн компаний и 1,5+ млн публикаций в СМИ)¹⁵ с использованием технологий искусственного интеллекта (ML, NLP) и экспертной верификацией выявлять на ежегодной основе более 100 технологических и 50 отраслевых трендов.

Тем не менее, несмотря на наличие исследований, посвящённых определению глобальных технологических трендов и региональных векторов развития, методологий, объединяющих эти два предметных поля, недостаточно. При этом нельзя оставлять за рамками рассмотрения и федеральные приоритеты, являющиеся императивными для регионального развития, но с адаптацией к специфике конкретных территорий.

¹³ Развивающиеся рынки: геном роста. 2024. Доклад Московской школы управления «СКОЛКОВО». С. 11. URL: <https://www.skolkovo.ru/researches/razvivayushiesya-rynki-genom-rosta-2024/> (дата доступа: 25.01.2026).

¹⁴ Развивающиеся рынки: геном роста. 2024. Доклад Московской школы управления «СКОЛКОВО». С. 13. URL: <https://www.skolkovo.ru/researches/razvivayushiesya-rynki-genom-rosta-2024/> (дата доступа: 25.01.2026).

¹⁵ Мониторинг глобальных трендов цифровизации. 2025. Ростелеком. URL: https://www.company.rt.ru/projects/digital_trends/?ysclid=m79cbf4o37351393885 (дата доступа 25.01.2026)

Это даёт основание заключить, что приоритеты глобальной научно-технологической повестки требуется инкорпорировать в стратегии регионального развития с учётом федеральных целей и национальных технологических ориентиров развития. На теоретико-прикладной поиск решения данной задачи нацелено данное исследование.

Методология определения технологических приоритетов стратегического развития регионов Российской Федерации

Предлагаемая в данном исследовании методология определения технологических приоритетов стратегического развития российских регионов предполагает проведение анализа в системе координат «Глобальные технологические тренды» - «Национальные проекты технологического лидерства» - «Потенциал региона». В данном случае анализ глобальных трендов проводится не по всему кругу тематик, а по перечню, зафиксированному в качестве приоритетного в проектно-технологической логике на федеральном уровне. Сужение тематик далее определяется потенциалом и отраслевой специализацией конкретного региона с учетом научно-технологических наработок ведущих университетов, расположенных в нем, инвестиционных условий и институциональной среды. Это позволяет реализовать на практике сфокусированную модель тройной спирали Генри Ицковица и Лоэта Лейдесдорфа, где роль университета заключается в создании передовых технологий на основе получения нового знания (Wei, Wang, Deng, Wang, Ye 2025). Но в данном случае принципиально важно понимать, на какой стадии развития находится та или иная научно-технологическая область для фиксации её в качестве стратегического приоритета развития. Методология исследования научно-технологических трендов строится следующим образом:

- за основу принята методология мониторинга глобальных трендов цифровизации ПАО «Ростелеком», ориентированная на выявление перспективных направлений технологического развития в ключевых областях цифровизации в международном масштабе;¹⁶

- при выборе базовой методологии важной была фокусировка именно на высокотехнологичных рынках, в наибольшей степени зависящих от новых научных разработок, поскольку это даёт возможность создать платформу для преодоления негативных тенденций, зафиксированных в Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации (слабое взаимодействие реального сектора экономики с сектором научных исследований и разработок,

¹⁶ Мониторинг глобальных трендов цифровизации. 2025. *Ростелеком*. URL: https://www.company.rt.ru/projects/digital_trends/?ysclid=m79cbf4037351393885 (дата доступа 25.01.2026)

а также разомкнутость единого инновационного цикла проведения научных исследований, создания разработок и коммерциализации технологий);¹⁷

– при проведении анализа учитывались четыре основные стадии жизненного цикла технологического тренда по методологии ПАО «Ростелеком»: зарождение, практическая значимость, коммерческая зрелость и промышленное применение. Их выделение даёт возможность говорить не только о догоняющем развитии, но и о выборе конкурентоспособных стратегических приоритетов;

– оценка стадии жизненного цикла проводилась на основании динамики информационного массива: зарождение тренда оценивалось по научной публикационной активности, отражающей фундаментальные и прикладные исследования; практическая значимость технологического тренда – по патентной активности, зафиксированной в международных системах учета интеллектуальной собственности;

– в качестве источника информации для анализа использовалась открытая система Lens.org (содержит 284,8 млн научных записей, собранных и согласованных на основе Microsoft Academic, PubMed и Crossref, дополненных информацией открытого доступа OpenAlex и UnPaywall и ссылками на ORCID, а также 161,6 млн патентных записей из более чем 95 различных юрисдикций)¹⁸.

Результаты исследования

Для пилотной апробации представленной методологии были выбраны тематические направления двух национальных проектов технологического лидерства (НПТЛ): «Новые материалы и химия» и «Новые технологии сохранения здоровья».

Выбор указанных направлений обусловлен задачами апробации методологии. Они, с одной стороны, входят в число федерально закреплённых приоритетов технологического лидерства и предполагают тесную связь научных исследований с формированием новых производств. С другой стороны, направления различаются по масштабу и характеру перехода от исследования к практическому применению: «Новые материалы и химия» представляет собой широкую межотраслевую область с накопленным массивом публикаций и патентов, тогда как регенеративная биомедицина является более узким наукоёмким направлением, для которого характерны длительная технологическая и регуляторная апробация разработок. Такое сопоставление позволяет проверить, даёт ли предложенная схема различимые результаты применительно к технологическим направлениям разного масштаба и степени зрелости. Выбор данных те-

¹⁷ О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 № 145. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202402280003> (дата доступа: 23.01.2026).

¹⁸ Lens URL: <https://www.lens.org/> (accessed 15.01.2026)

матик не означает ранжирования национальных проектов по значимости; они используются как контрастные случаи для пилотной апробации методологии.

Тематический блок «Новые материалы и химия»

Анализ паспорта НПТЛ «Новые материалы и химия»¹⁹ позволил укрупнённо выделить ключевые слова для анализа. Поиск публикаций и патентов проводился по ключевым словам «биотехнологии», «биотехнологические продукты», «новые материалы и химия», «композиционные материалы» (biotechnology OR (biotechnological AND (products OR (new AND (materials AND (chemistry OR (composite AND materials))))))). Динамика публикаций представлена на рисунке 2.

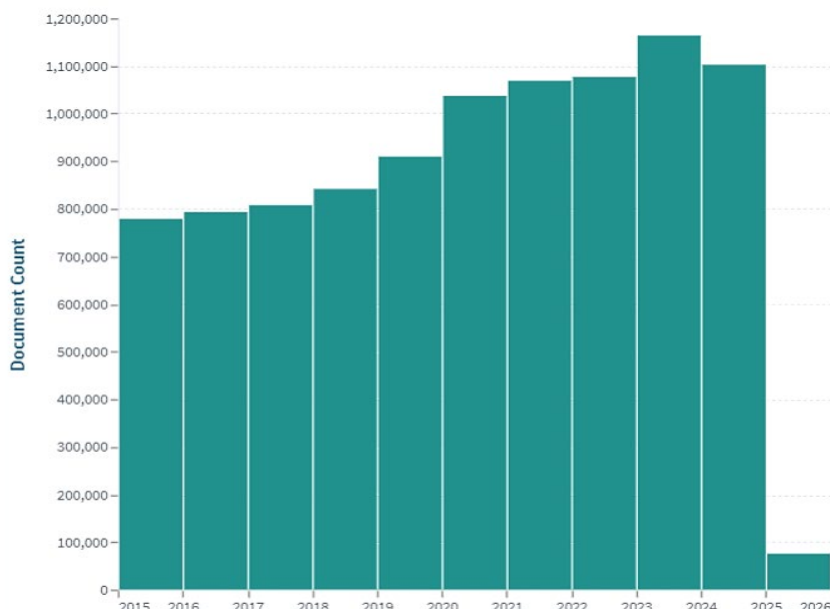

Рисунок 2. Динамика числа публикаций по тематике новых материалов и химии
Figure 2. Publication dynamics in the field of new materials and chemistry

Источник: Lens.org

Общее количество публикаций по соответствующему поисковому запросу составило 21 222 988 (по данным на 14.02.2025). Сужение временного диапазона до периода 2015–2025 позволило сформировать для анализа массив из 9654500 публикаций. В 2015 году было опубликовано 778 554 работ по данной тематике, в 2024 – 1 102 498 (рост количества публикаций в 2024 г. в 1,4 раза по сравнению

¹⁹ Паспорт национального проекта по обеспечению технологического лидерства «Новые материалы и химия». (утв. Министерством промышленности и торговли Российской Федерации). По состоянию на 19 мая 2025 г. URL: <https://base.garant.ru/412361320/> (дата доступа 23.01.2026)

с 2015 г.). При этом отношение числа публикаций в 2024 г. к показателю 2023 г. составило 0,95. То есть, учитывая, что не все публикации, вышедшие в 2024 году, были проиндексированы на момент формирования информационного массива для анализа, можно говорить о фактически нулевом темпе роста. Однако также нужно учесть сохранение очень большого ежегодного числа публикаций по новым материалам и химии.

Лидирующие по количеству публикаций научные организации представлены на рисунке 3. Отмечая, что Российская академия наук находится в этом ряду на втором месте, общее количество научных организаций и университетов из Китая свидетельствует об их доминирующем положении (как минимум, в количественном плане) в данном исследовательском поле.

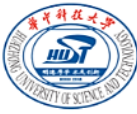
 Chinese Acade... 215,652	 Russian Academ... 101,533	 University of Chi... 67,135	 Zhejiang Univer... 51,962	 Shanghai Jiao T... 51,032
 Tsinghua Univer... 49,817	 Sichuan University 41,354	 University of Sci... 41,132	 Peking University 40,876	 Harbin Institute ... 40,006
 Central South U... 39,841	 Xi'an Jiaotong U... 37,874	 Spanish Nationa... 37,513	 Huazhong Univ... 37,446	 Harvard University 36,798

Рисунок 3. Ведущие институты в сфере исследований по тематике новых материалов и химии в Lens.org
Figure 3. Leading research institutions in the field of new materials and chemistry on Lens.org
Источник: Lens.org

Среди наиболее цитируемых работ последних лет особенно выделяют некоторые группы: статьи, отражающие применение новых цифровых решений в области химии и медицины, научные обзоры публикаций, статьи

по коронавирусу COVID-19, работы, посвящённые содержанию и интерпретации новых категорий для выстраивания общего онтологического поля, а также новые стандарты и протоколы (рис. 4). Это в полной мере корреспондирует с областями знаний, к которым относятся публикации по выбранным ключевым словам: Химия (1913 974 публикаций), Медицина (1608415), Компьютерные науки (1485374), Инжиниринг (1338362), Композитные материалы (1305860).

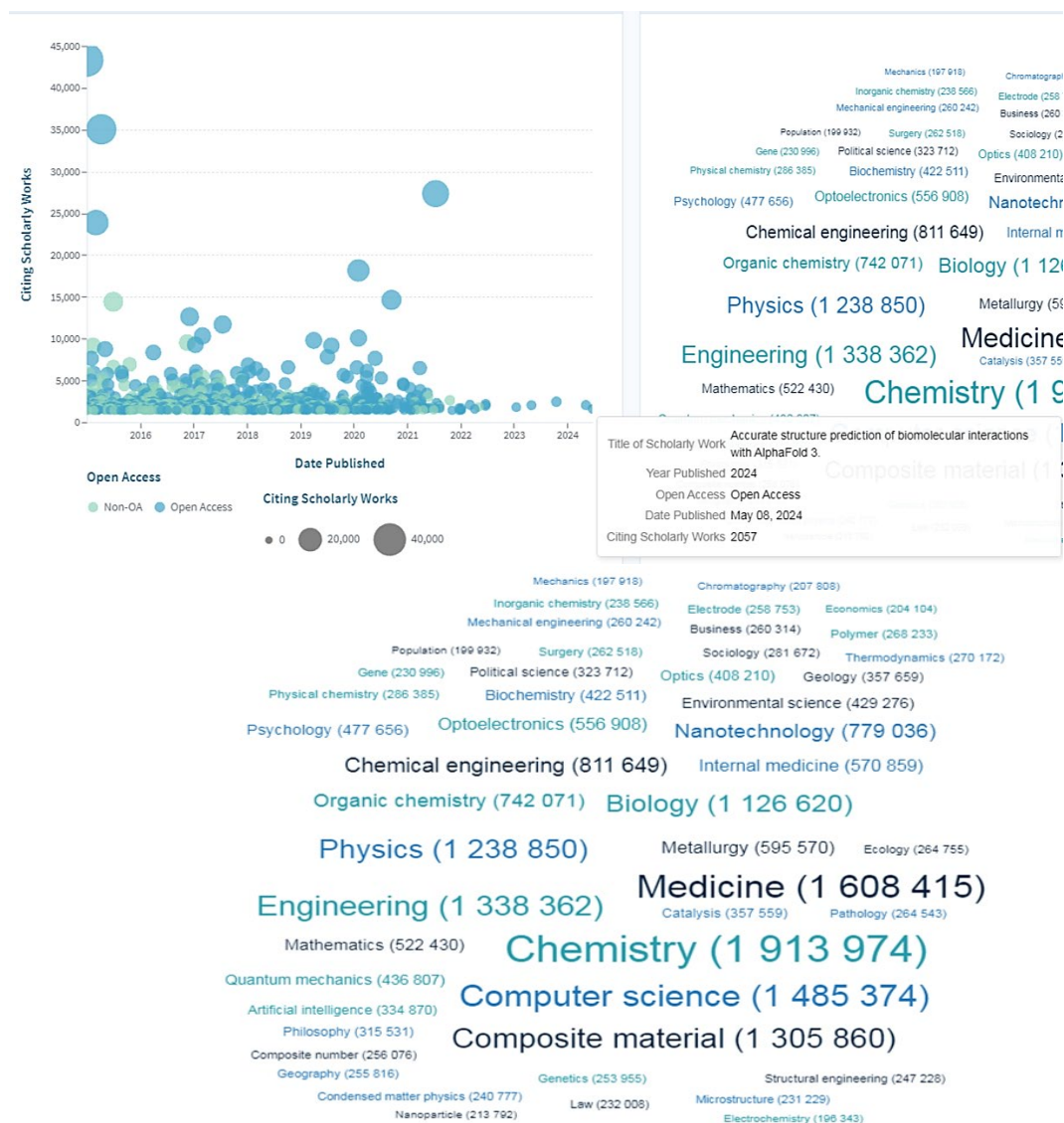

Рисунок 4. Области знаний и цитирования работ по новым материалам и химии
Figure 4. Fields of Study and Citation Patterns in New Materials and Chemistry

Источник: *Lens.org*

География публикаций по странам приведена на рисунке 5. Представленные на рисунке данные подтверждают лидирующие позиции Китая по количеству публикаций в рассматриваемой сфере.

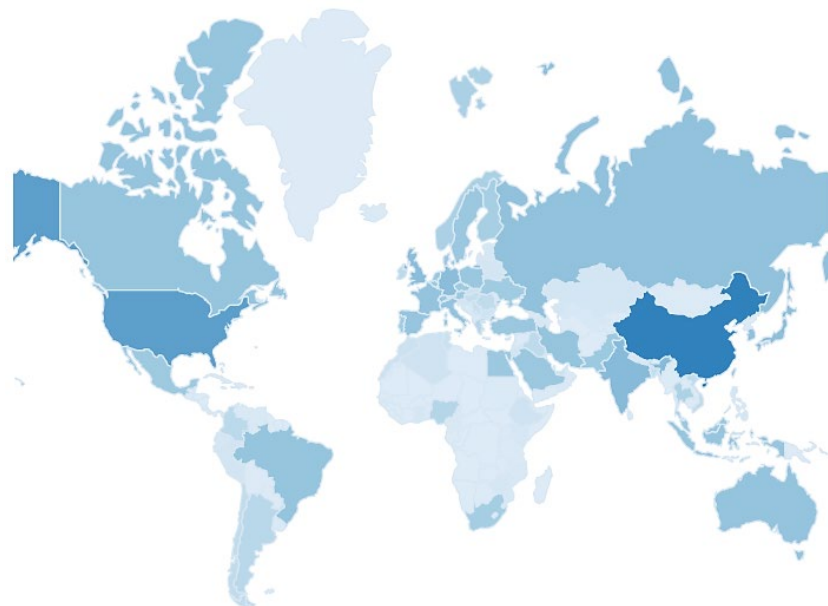

Рисунок 5. География публикаций по новым материалам и химии
Figure 5. Geography of publications on new materials and chemistry

Источник: Lens.org URL: https://www.lens.org/lens/search/scholar/analysis?q=biotechnology%20OR%20biotechnological%20products%20OR%20new%20materials%20and%20chemistry%20OR%20composite%20materials&p=0&n=10&s=_score&d=%2B&f=false&e=false&l=en&authorField=author&dateFilterField=publishedYear&orderBy=%2B_score&presentation=false&preview=true&stemmed=true&useAuthorId=false&publishedYear.from=2015&publishedYear.to=2025

При анализе патентов период рассмотрения был сужен до диапазона 2017–2025 гг. в силу очень большого количества документов²⁰. Количество патентов за этот период составило 9 609 853, динамика патентов и информация о ведущих заявителях представлены на рисунке 6. Темп прироста количества патентов в последние годы отрицателен, но общее большое их количество сохраняется. Среди заявителей – лидеров находятся крупнейшие мировые цифровые компании: Samsung, IBM, Intel, Canon и др.; при этом в числе лидеров отсутствуют университеты и научные организации. Но нужно отметить общее высокое число патентов в рассматриваемой сфере. MIT, занимающий 57-ю строку в рейтинге, подал за указанный период 8 723 документа, Южный китайский

²⁰ Patents (9 609 853) = biotechnology OR (biotechnological AND (products OR (new AND (materials AND (and AND (chemistry OR (composite AND materials))))))) Filters:Published Date = (2017-02-01 - 2025-02-14)

технологический университет (60-я позиция) – 8 362 документа. При этом география публикаций и патентов не является идентичной – к лидерству Китая по публикациям в части патентов присоединяются США (рис. 7).

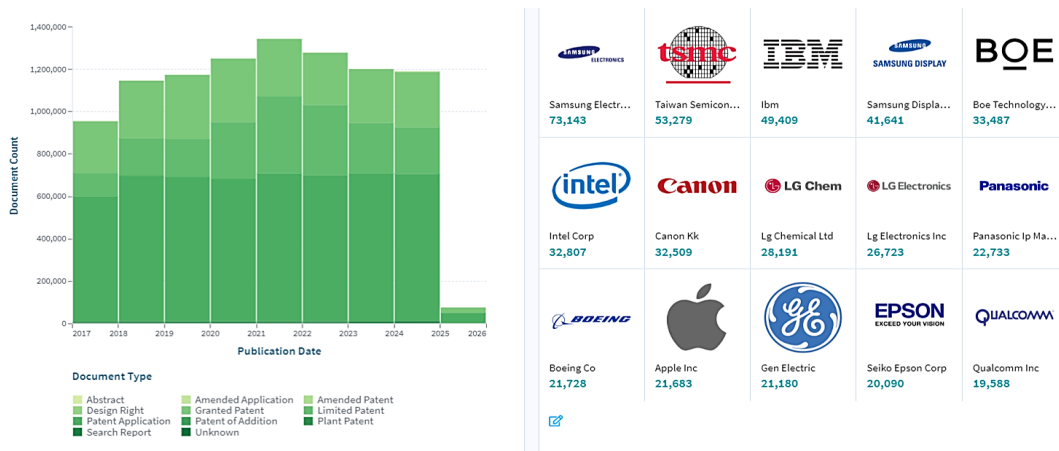

Рисунок 6. Динамика количества патентов и заявители-лидеры по количеству патентов в сфере новых материалов и химии
Figure 6. Dynamics of patenting and leading applicants in new materials and chemistry
Источник: Lens.org

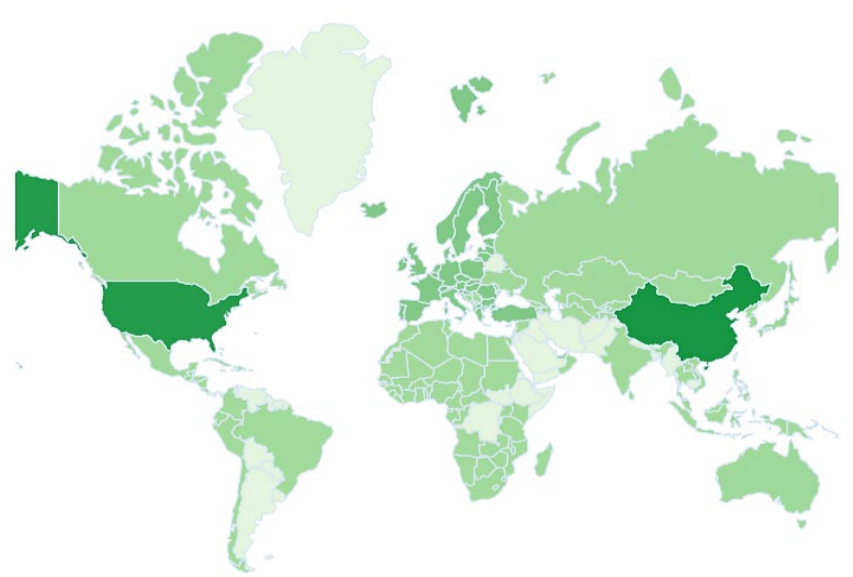

Рисунок 7. География патентов по новым материалам и химии по юрисдикции
Figure 7. Geography of patents on new materials and chemistry by jurisdiction
Источник: Lens.org

Самые распространённые классификационные коды патентов представлены на рисунке 8. Они отражают очень широкий охват, не случайно самое большое количество патентов соответствует коду кросс-секторального развития

новых технологий. Нужно отметить среди наиболее цитируемых большое число именно активных патентов (рис. 9).

Top CPC Classification Codes					Top IPCR Classification Codes				
80,327 A23V2002/00 Human Necessities Food compositions, function of food ingredients or	86,660 A61K45/06 Human Necessities Mixtures of active ingredients without chemical characterisation,	45,521 A61P25/00 Human Necessities Drugs for disorders of the nervous system	58,471 A61P29/00 Human Necessities Non-central analgesic, antipyretic or antiinflammatory	144,054 A61P35/00 Human Necessities Antineoplastic agents	70,773 A61B5/00 Human Necessities In this group, the following term is used with the meaning	46,763 A61K45/06 Human Necessities Mixtures of active ingredients without chemical characterisation,	64,971 A61K9/00 Human Necessities Medicinal preparations characterised by special physical	74,522 A61P35/00 Human Necessities Antineoplastic agents	46,614 B07B1/46 Performing Operations transporting Constructional details of screens
62,584 A61P43/00 Human Necessities Drugs for specific purposes, not provided for in groups A61P1/00 -	46,234 B32B27/08 Performing Operations transporting of synthetic resin	50,540 B32B7/12 Performing Operations transporting using interposed adhesives or	64,431 B33Y10/00 Performing Operations transporting Processes of additive	64,915 H01M10/052 Electricity Li-accumulators	42,644 B33Y10/00 Performing Operations transporting Processes of additive	45,070 C08K3/22 Chemistry metallurgy of metals	47,399 H01L21/02 Electricity Group takes precedence over groups.	53,840 H01L23/00 Electricity This group does not cover details of semiconductor bodies or of	56,016 H01L29/66 Classification not available in current version
113,534 H01M10/0525 Electricity Rocking-chair batteries, i.e. batteries with lithium insertion	55,069 Y02A50/30 General Tagging of New Technological Developments general Tagging of Cross-Sectional Technologies	278,784 Y02E60/10 General Tagging of New Technological Developments general Tagging of Cross-Sectional Technologies	50,558 Y02P70/10 General Tagging of New Technological Developments general Tagging of Cross-Sectional Technologies	99,974 Y02P70/50 General Tagging of New Technological Developments general Tagging of Cross-Sectional Technologies	41,961 H01L29/78 Classification not available in current version	83,444 H01M10/0525 Electricity Rocking-chair batteries, i.e. batteries with lithium insertion	59,042 H01M4/36 Electricity Selection of substances as active materials, active masses,	61,549 H01M4/62 Electricity Selection of inactive substances as ingredients for	58,595 H10K99/00 Electricity Subject matter not provided for in other groups of this subclass

Рисунок 8. Классификационные коды патентов по новым материалам и химии

Figure 8. Classification codes of patents on new materials and chemistry

Источник: Lens URL: https://www.lens.org/lens/search/patent/analysis?q=biotechnology%20OR%20biotechnological%20products%20OR%20new%20materials%20and%20chemistry%20OR%20composite%20materials&p=0&n=10&s=_score&d=%2B&f=false&e=false&l=en&authorField=author&dateFilterField=publishedDate&orderBy=%2B_score&presentation=false&preview=true&stemmed=true&useAuthorId=false&publishedDate.from=2017-02-01&publishedDate.to=2025-02-14

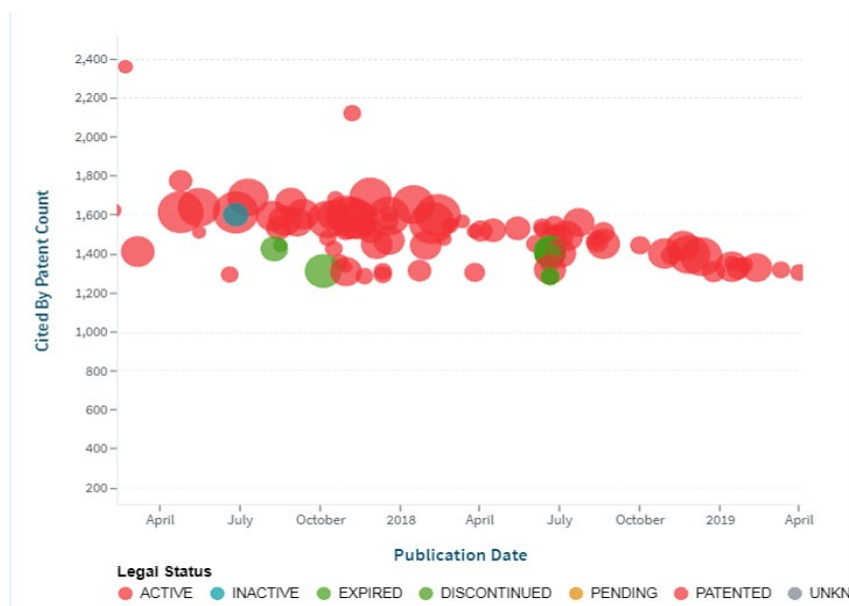

Рисунок 9. Самые цитируемые патенты по новым материалам и химии

Figure 9. The most cited patents on new materials and chemistry

Источник: Lens.org

Проведённый анализ свидетельствует о том, что рассматриваемое направление по совокупности используемых показателей уже перешло к стадии коммерческой зрелости либо промышленному применению.

Новые технологии сбережения здоровья: регенеративная биомедицина

Поскольку НПТЛ «Новые технологии сбережения здоровья» включает ряд федеральных проектов, анализ был проведён по тематическому блоку федерального проекта «Регенеративная биомедицина, технологии превентивной медицины, обеспечение активного и здорового долголетия» на основе соответствующего поискового запроса («регенеративная биомедицина»)²¹.

Публикационная активность по данной тематике выросла с 426 статей в 2015 году до 2 509 публикаций в 2024 г. Темп прироста 488 % (рис. 10).

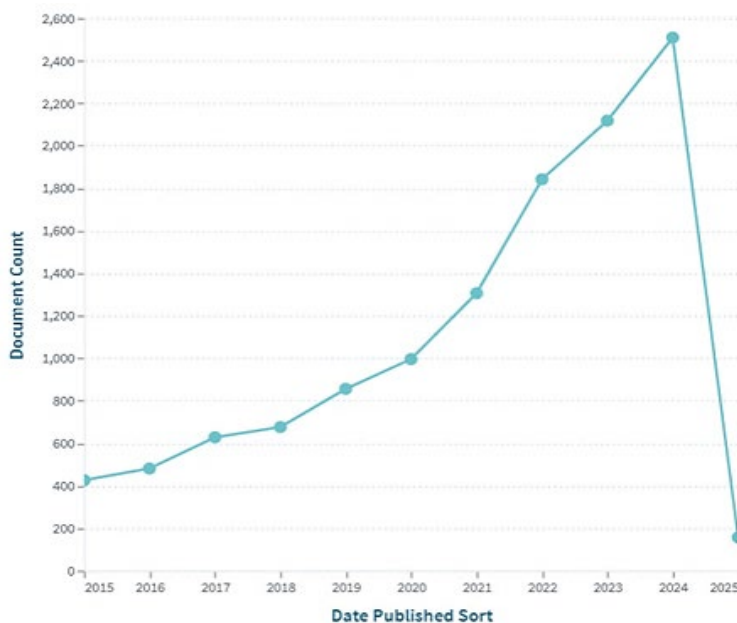

Рисунок 10. Динамика числа публикаций по тематике регенеративной биомедицины

Figure 10. Publication activity trends in the field of regenerative biomedicine

Источник: Lens.org URL: <https://www.lens.org/lens/search/scholar/analysis?q=regenerative%20biomedicine>

В лидерах исследований Китайская академия наук, Уханьский университет, Институт биомедицины и здравоохранения Гуанчжоу (рис. 11).

²¹ Lens.org URL: <https://www.lens.org/lens/search/scholar/analysis?q=regenerative%20biomedicine>

Рисунок 11. Ведущие институты и самые активные страны в сфере исследований по тематике «регенеративная биомедицина»

Figure 11. Top institutions and countries by research activity in the field of regenerative biomedicine

Источники: Lens.org URL: <https://www.lens.org/lens/search/scholar/analysis?q=regenerative%20biomedicine>

Наиболее цитируемые публикации (рис. 12) связаны с мониторингом аутофагии и системами доставки лекарств (около 5 тыс. цитирований за 8 лет), за пятилетний период наибольшую цитируемость имели работы, связанные с изучением ферроптоза (более 2000 цитирований), публикации последнего года связаны с изучением нановолокон (148 цитирований) и платформ на основе искусственного интеллекта для анализа медицинских изображений (132 цитирования).

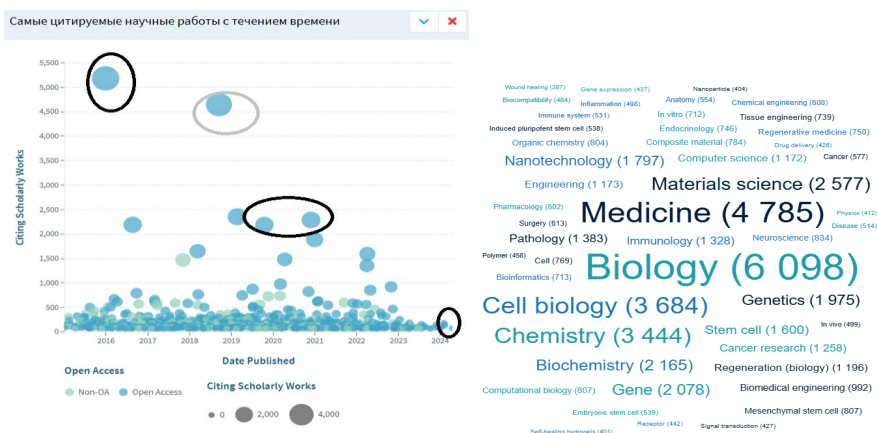

Рисунок 12. Цитирования и распределение публикаций по тематике регенеративной биомедицины по областям знаний

Figure 12. Citations and distribution of publications on the topic of regenerative biomedicine by field of knowledge

Источники: Lens.org URL: <https://www.lens.org/lens/search/scholar/analysis?q=regenerative%20biomedicine>

С 2015 года количество патентов по тематике возросло с 235 в 2015 до 630 в 2024 г., темп прироста 168 % (рис. 13).

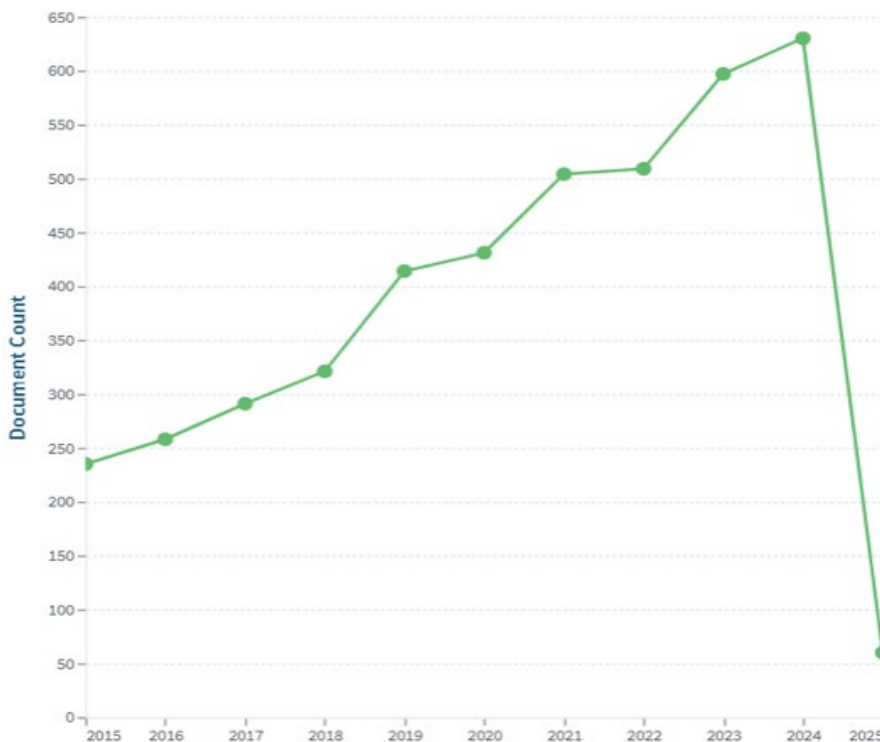

Рисунок 13. Динамика числа патентов в сфере регенеративной медицины
Figure 13. Dynamics of the number of patents in the field of regenerative medicine

Источник: Lens.org URL: <https://www.lens.org/lens/search/patent/analysis?q=regenerative%20biomedicine>

В лидерах по патентной юрисдикции находятся США. При этом наиболее активными заявителями являются компания НМ.Clause (Франция), специализирующаяся на геномных исследованиях в области агротехнологий, и Merck Patent GmbH (Германия), работающая в сфере медико-биологической и биофармацевтической продукции, а также высокотехнологичных материалов (рис. 14).

Лучшие заявители				
				
Hm Clause Inc 188	Merck Patent G... 104	Dexcom Inc 53	Univ California 52	Massachusetts ... 52
				
Massachusetts ... 50	Bristol Myers S... 48	Moderna Inc 42	Siwa Corp 38	Neuracle Scien... 34
				
Medimmune LLC 34	Rubius Therap... 28	Immatics Biote... 28	Accelaron Phar... 26	Univ Northwes... 25

Рисунок 14. Организации и страны – лидеры патентной активности в сфере регенеративной медицины

Figure 14. Organizations and countries leading in patent activity in the field of regenerative medicine

Источник: Lens.org URL: <https://www.lens.org/lens/search/patent/analysis?q=regenerative%20biomedicine>

Классификационные коды патентов показывают, что наибольшее количество патентов связано с противоопухолевыми препаратами, а также антигенами и антителами (рис. 15).

Лучшие коды классификации CPC					Основные классификационные коды IPCR				
620 A61K2039/505 Human Necessities comprising antibodies	461 A61K45/06 Human Necessities Mixtures of active ingredients without chemical	357 A61P25/00 Human Necessities Drugs for disorders of the nervous system	240 A61P25/28 Human Necessities for treating neurodegenerative disorders of the central nervous	362 A61P29/00 Human Necessities Non-central analgesic, antipyretic or	129 A01H5/08 Human Necessities Fruits	122 A01H5/10 Human Necessities Seeds	156 A61B5/00 Human Necessities In this group, the following term is used with the	140 A61K35/28 Human Necessities Bone marrow Haematopoietic stem cells	130 A61K38/00 Human Necessities The terms or expressions used in this group
980 A61P35/00 Human Necessities Antineoplastic agents	260 A61P35/02 Human Necessities specific for leukemia	401 A61P43/00 Human Necessities Drugs for specific purposes, not provided for in	302 A61P9/00 Human Necessities Drugs for disorders of the cardiovascular	391 C07K2317/24 Chemistry metallurgy containing regions, domains or residues from	161 A61K38/17 Human Necessities from animals from humans	304 A61K39/00 Human Necessities Preparation of antigen or antibody	274 A61K39/395 Human Necessities Antibodies Immunoglobulins	268 A61K45/06 Human Necessities Mixtures of active ingredients without chemical	140 A61K47/68 Human Necessities the modifying agent being an antibody, an
241 C07K2317/31 Chemistry metallurgy multispecific	262 C07K2317/33 Chemistry metallurgy Crossreactivity, e.g. for species or epitope, or lack	386 C07K2317/565 Chemistry metallurgy Complementarity determining region [CDR]	435 C07K2317/76 Chemistry metallurgy Antagonist effect on antigen, e.g. neutralization or	607 C07K2317/92 Chemistry metallurgy Affinity (K _D), association rate (K _a), dissociation	158 A61K48/00 Human Necessities Medicinal preparations containing	270 A61K9/00 Human Necessities Medicinal preparations characterised by	441 A61P35/00 Human Necessities Antineoplastic agents	125 C07K14/47 Chemistry metallurgy from mammals	465 C07K16/28 Chemistry metallurgy against receptors, cell surface antigens or cell

Рисунок 15. Классификационные коды патентов в сфере регенеративной медицины

Figure 15. Classification codes of patents in the field of regenerative medicine

Источник: Lens.org URL: <https://www.lens.org/lens/search/patent/analysis?q=regenerative%20biomedicine>

Наиболее цитируемые патенты – в области платформ на основе искусственного интеллекта для анализа медицинских изображений, что совпадает с высокой цитируемостью публикаций по данной тематике (рис. 16).

Рисунок 16. Самые цитируемые патенты в сфере регенеративной медицины

Figure 16. The most cited patents in the field of regenerative medicine

Источник: Lens.org URL: <https://www.lens.org/lens/search/patent/analysis?q=regenerative%20biomedicine>

На основе сопряжённого анализа теоретических и прикладных исследований по укрупнённой тематике регенеративной медицины, а также с учетом соотношения патентов и публикаций соответствующий технологический тренд может быть отнесён к формирующемуся, с высоким потенциалом перехода к стадии практической значимости. Вывод о динамике рынка требует дополнительной проверки на основе рыночных и инвестиционных данных.

Региональная апробация: Ростовская область и технологии микро- и малотоннажной химии

Для иллюстрации третьего контура предлагаемой методологии – «Потенциал региона» – рассмотрим Ростовскую область и технологии микро- и малотоннажной химии, прежде всего микрофлюидного синтеза. Выбор данного случая обусловлен тем, что это достаточно узкое направление внутри НПТЛ «Новые материалы и химия», позволяющее проследить переход от федерального приоритета к конкретной региональной специализации. Национальный проект предусматривает развитие производства химической продукции, разработку наукоёмких технологий и создание инфраструктуры для опытно-промышленного производства и масштабирования разработок.²²

Региональный задел формируется на базе Южного федерального университета. В феврале 2026 г. в университете был открыт Центр микро- и малотоннажной химии и химического инжиниринга, созданный при поддержке Минобрнауки России и Минпромторга России в рамках национального проекта «Новые материалы и химия». Центр ориентирован на ускорение разработки и внедрения новых химических продуктов, а его интеллектуальная микрофлюидная платформа обеспечивает прямой переход от лабораторной методики к масштабированию производства.²³ В июне 2026 г. ЮФУ, ГК «Титан», Правительство Ростовской области и Правительство Омской области заключили соглашение о стратегическом сотрудничестве в области малотоннажной химии, новых материалов и химических технологий. Предусмотренная модель кооперации предполагает выполнение НИОКР на инфраструктуре ЮФУ и последующее масштабирование и промышленное освоение разработок на производственных мощностях индустриального партнёра.²⁴

²² Основные показатели и мероприятия национального проекта «Новые материалы и химия». Правительство Российской Федерации. URL: <https://government.ru/info/54322/> (дата обращения: 04.09.2026).

²³ В ЮФУ открылся флагманский центр микро- и малотоннажной химии. Международный исследовательский институт интеллектуальных материалов Южного федерального университета. 20.02.2026. URL: <https://nano.sfedu.ru/press-center/news/novosti/v-yufu-otkrylsya-flagmanskij-tsentr-mikro-i-malotonnazhnoy-khimii/> (дата обращения: 04.09.2026).

²⁴ На ПМЭФ-2026 подписано четырехстороннее соглашение о сотрудничестве между ЮФУ, ГК «Титан» и правительствами двух регионов. Южный федеральный университет. 04.06.2026. URL: <https://sfedu.ru/press-center/news/80611> (дата обращения: 04.09.2026).

С позиции предложенной системы координат данный случай характеризуется одновременным наличием трех факторов. Глобальный контур задаётся устойчивым спросом на специализированные химические продукты и технологические решения; национальный – включением микро- и малотоннажной химии в задачи проекта «Новые материалы и химия»; региональный – сочетанием исследовательских компетенций, новой инфраструктуры, кадровой подготовки и партнёрства с промышленностью. При этом региональная специализация должна быть сформулирована не как развитие химии в целом, а как создание и масштабирование критически значимых малотоннажных продуктов с использованием микрофлюидного синтеза и химического инжиниринга. Такое сужение соответствует предлагаемой логике перехода от широкого федерального направления к нише, опирающейся на конкретный научно-технологический задел территории.

Кейс показывает и ограничение методологии: наличие научной инфраструктуры и партнёрств ещё не тождественно сформировавшейся региональной специализации. Для окончательной оценки необходимы данные о портфеле разработок, патентах организаций региона, заказах предприятий, кадровом обеспечении и фактическом выпуске продукции. Поэтому на данном этапе технологии микро- и малотоннажной химии могут быть охарактеризованы как перспективная специализация Ростовской области, для которой уже созданы базовые элементы региональной инновационной экосистемы, но результаты промышленного масштабирования нуждаются в последующем мониторинге.

Заключение

Практическая апробация предложенной методологии анализа глобальных технологических трендов в логическом контуре Национальных проектов технологического лидерства показала, что представленная схема анализа даёт возможность не просто определить стадию тренда, характер развития соответствующей тематики, но, во-первых, оценить перспективность выбора соответствующего приоритета для стратегии регионального развития, во-вторых, конкретизировать механизм его практического воплощения.

В частности, проведённый анализ тематического блока «Новые материалы и химия» показал, что рассматриваемый тренд не относится к стадии зарождения или начальной практической значимости, а уже перешёл к коммерческой зрелости либо промышленному применению. Соответственно, при выборе данной сферы в качестве стратегического приоритета региону – органам власти во взаимодействии с университетами и индустрией – требуется: 1) определить более локальную зону быстрого роста, основанную на имеющемся фундаментальном заделе университетов; 2) формировать экосистемы и искать партнёров

для совместного решения задач на основе взаимодополнения компетенций; 3) использовать более эффективные методы работы, обеспечивающие повышение научной результативности поиска и экономической эффективности синтеза новых материалов, в том числе за счёт технологий искусственного интеллекта и новых исследовательских протоколов. Следовательно, региональную поддержку целесообразно оказывать прежде всего на этапе коммерциализации разработок и формируемых технологий, не исключая поддержки фундаментальных исследований в выбранных нишах.

В то же время анализ публикационных и патентных трендов в регенеративной медицине свидетельствует о том, что направления в этой области продолжают формироваться, а специфика самой сферы не позволит научным разработкам без поддержки государства и индустрии преодолеть разрыв между исследованием и выходом на рынок.

Пример Ростовской области показывает, что переход от федерального приоритета к региональной стратегии требует обязательного сужения тематики до конкретной технологической ниши и проверки наличия научной инфраструктуры, промышленных партнёров и кадрового контура.

При этом нужно учитывать, что логика современного стратегического развития регионов предполагает, что регулированием охватывается вся территориально-отраслевая структура экономики региона. При этом возможно выделение тех сфер деятельности, сфокусированное стимулирование и сопряжённое развитие которых позволят превратить их в явные точки и полюса технологического и, соответственно, экономического роста.

Такие сферы должны определяться, исходя из трёх ключевых установок: 1) перспективность глобальных технологических фронтиров; 2) национальные проекты технологического лидерства; 3) накопленный научно-технологический и экономический потенциал региона. Таким образом, успешная региональная стратегия заключается не в пассивной логике следования глобальным трендам, а в реализации активной субъектной позиции формирования научно обоснованной архитектуры конвертации данных трендов в контекст социально-экономических и производственных возможностей территорий. Настоящее исследование предоставляет концептуальную карту, проиллюстрированную эмпирическим материалом, для выстраивания навигации в сложном пространстве выбора стратегических приоритетов регионального развития в глобальной экономико-технологической среде.

В качестве ограничения исследования можно отметить его фокусировку на методологии анализа именно глобальных трендов с учётом промышленной повестки федерального уровня как аналитической основы для выбора стратегических приоритетов регионального развития. Дальнейшие исследования будут связаны с развитием методологии оценки технологического потенциала территорий в предложенной концептуальной рамке и механизмами встраивания глобальных и национальных технологических приоритетов в стратегии

и программы развития субъектов Российской Федерации. Представленный региональный кейс носит иллюстративный характер; дальнейшая апробация должна включать количественную оценку публикационной и патентной специализации региона, спроса со стороны предприятий и результатов промышленного масштабирования.

Об авторах:

Инна Константиновна Шевченко – доктор экономических наук, ректор ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», 344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42. E-mail: ikshevchenko@sfedu.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4157-9488>.

Анастасия Юрьевна Никитаева – доктор экономических наук, заведующая кафедрой информационной экономики ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», 344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42. E-mail: aunikitaeva@sfedu.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0406-7440>.

Наталья Алексеевна Косолапова – доктор экономических наук, декан экономического факультета ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», 344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42. E-mail: nakosolapova@sfedu.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2044-160X>.

Ответственный автор:

Никитаева Анастасия Юрьевна, aunikitaeva@sfedu.ru.

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 332.14:330.341.1
Received: March 15, 2026
Accepted: August 25, 2026

From Global Research Priorities to Regional Strategies: Analyzing The Technological Agenda for Economic Development

 Inna K. Shevchenko, Anastasia Y. Nikitaeva, Natalya A. Kosolapova
[DOI 10.24833/2071-8160-2026-4-109-7-35](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2026-4-109-7-35)

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Abstract: This article develops a framework for translating global science and technology trends into priorities for regional development in Russia. The framework combines three analytical dimensions: global technological dynamics, federal priorities under National Projects for Technological Leadership, and the scientific, industrial, institutional, and investment capacity of regions. Its purpose is to avoid both mechanical imitation of global trends and inward-looking regional planning. The analysis uses publication and patent data from Lens.org and compares two contrasting fields: "New Materials and Chemistry," a broad, mature domain, and regenerative biomedicine within the project "New Technologies for Health Preservation," a narrower, emerging field.

For new materials and chemistry, the 2015–2025 dataset contains 9 654 500 publications. Annual output increased from 778 554 publications in 2015 to 1 102 498 in 2024, with recent annual growth approaching zero. The patent dataset for 2017–2025 comprises 9 609 853 documents and is dominated by large corporate applicants. China leads publication activity, whereas both China and the United States occupy leading positions in patenting. Taken together, these indicators suggest that the field as a whole has moved beyond emergence and early practical validation toward a more mature stage of commercialization or industrial use, although individual technological niches remain heterogeneous.

Regenerative biomedicine displays a different trajectory. Publications increased from 426 in 2015 to 2 509 in 2024, a rise of 488 percent, while patents grew from 235 to 630, or 168 percent. The combination of rapid scientific expansion and slower, but sustained, patent growth identifies the field as emerging, with substantial potential to advance toward practical application. Claims about market growth, however, require separate investment and market data.

The regional component is illustrated through Rostov Oblast and micro- and small-tonnage chemistry, particularly microfluidic synthesis. The case shows how a broad federal priority can be narrowed to a regionally grounded technological niche supported by university infrastructure, workforce development, and industrial partnerships. At the same time, the evidence does not yet establish a fully formed specialization: patents, industrial demand, production volumes, and scaling outcomes require further monitoring. The study therefore concludes that publication and patent analysis is most useful as an initial screening instrument within a broader, place-based priority-setting process.

Keywords: scientific and technological progress, regional development strategies, scientific and technological frontiers, Industry 4.0, glocalization, priority determination methodology, scientometric analysis, regional capability, micro- and small-tonnage chemistry

About the authors:

Inna K. Shevchenko – Doctor of Sciences (Economics), Rector, Southern Federal University, 105/42 Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russia.

E-mail: ikshevchenko@sfedu.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4157-9488>.

Anastasia Y. Nikitaeva – Doctor of Sciences (Economics), Head of the Department of Information Economics, Southern Federal University, 105/42 Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russia. E-mail: aunikitaeva@sfedu.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0406-7440>.

Natalya A. Kosolapova – Doctor of Sciences (Economics), Dean of the Faculty of Economics, Southern Federal University, 105/42 Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russia. E-mail: nakosolapova@sfedu.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2044-160X>.

Conflict of interest:

The authors declare no conflict of interest.

References:

- Ayres R. 1996. Technology, progress and economic growth. *European Management Journal*. 14(6). pp. 562–575. DOI: 10.1016/S0263-2373(96)00053-9.
- Balland P.-A., Rigby D. 2017. The geography of complex knowledge. *Economic Geography*. 93. P. 1–23. DOI: 10.1080/00130095.2016.1205947.
- Balland P.-A., Jara-Figueroa C., Petralia S.G., Steijn M.P.A., Rigby D.L. and Hidalgo C.A. 2020. Complex economic activities concentrate in large cities. *Nature Human Behaviour*. 4. P. 248–254. DOI: 10.1038/s41562-019-0803-3.
- Chulok A., Kotsemir M., Radomirova Y., Shashnov S. 2024. Setting S&T perspective priorities in an era of complexity and uncertainty: a case for megacities. *Foresight*. Vol. 26, No. 2. P. 365–391. DOI: <https://doi.org/10.1108/FS-10-2023-0215>.
- Broekel T., Klarl T. 2025. The long-term evolution of technological complexity and its relationship with economic growth. *Technovation*. 144. Article 103233. DOI: 10.1016/j.technovation.2025.103233.
- Gambardella A., Heaton S., Novelli E. and Teece D.J. 2021. Profiting from enabling technologies? *Strategic Science*. 6. P. 75–90. DOI: 10.1287/stsc.2020.0119.
- Hidalgo C.A., Hausmann R. 2009. The building blocks of economic complexity. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 106. P. 10570–10575. DOI: 10.1073/pnas.0900943106.
- Kapoor R., Teece D.J. 2021. Three faces of technology's value creation: Emerging, enabling, embedding. *Strategy Science*. 6(1). P. 1–4. DOI: 10.1287/stsc.2021.0124.
- Mewes L., Broekel T. 2022. Technological complexity and economic growth of regions. *Research Policy*. 51. Article 104156. DOI: 10.1016/j.respol.2020.104156.
- Nast C., Broekel T., Entner D. 2024. Fueling the fire? How government support drives technological progress and complexity. *Research Policy*. 53. Article 105005. DOI: 10.1016/j.respol.2024.105005.
- Nepelski D., De Prato G. 2020. Technological complexity and economic development. *Review of Development Economics*. 24. P. 448–470. DOI: 10.1111/rode.12650.
- Tapscott D. 1997. *The Digital Economy: Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence*. Leeds: McGraw Hill. 342 p.
- Wei S.X., Wang H.Y., Deng S., Wang W., Ye F.Y. 2025. Measuring the university–industry–government relations synthesized by the Triple Helix and the diversity. *Journal of Informetrics*. 19(3). Article 101686. DOI: 10.1016/j.joi.2025.101686.
- Yu E., Jin J. 2024. Scientific research, technology, and economic growth in a cross section of countries. *Applied Economics*. 57(18). P. 2255–2266. DOI: 10.1080/00036846.2024.2323021.
- Akberdina V.V. 2018. Transformatsiya promyshlennogo kompleksa Rossii v usloviyakh tsifrovizatsii ekonomiki [The Transformation of the Russian Industrial Complex Under Digitalisation]. *Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. 19(3). P. 82–99. DOI: 10.29141/2073-1019-2018-19-3-8. (In Russian)
- Alekhin V.V., Amirbekova A.S., Babikova A.V. et al. 2017. *Konkurentosposobnost natsionalnykh ekonomik i regionov v kontekste globalnykh vyzovov mirovoy ekonomiki* [Competitiveness of National Economies and Regions in the Context of Global Challenges to the World Economy]. In 3 vols. Vol. 2. Rostov-on-Don; Taganrog: Southern Federal University. 232 p. (In Russian)
- Golub A.B., Shvedov V.G., Agzhitev A.A. 2013. K voprosu o znachenii protsessov globalizatsii i glocalizatsii v sotsialno-ekonomicheskom razviti regionov [On the Significance of Globalization and Glocalization Processes in the Socio-Economic Development of Regions]. *Vlast i upravlenie na Vostoke Rossii*. 2(63). P. 8–13. (In Russian)

Gershman M.A. et al. 2025. Nauchno-tekhnicheskaya politika: globalnye strategii dostizheniya tekhnologicheskogo liderstva [Science and Technology Policy: Global Strategies for Achieving Technological Leadership]. Ed. by L.M. Gokhberg, M.A. Gershman; National Research University Higher School of Economics. Moscow: ISSEK HSE. 248 p. (In Russian)

Torkunov A.V. 2022. Rossiya i politicheskiy poriadok v menyayushchemsya mire: tsennosti, instituty, perspektivy [Russia and Political Order in a Changing World: Values, Institutions, Prospects]. Polis. Politicheskie issledovaniya. 5. P. 7–22. DOI: 10.17976/jpps/2022.05.02. (In Russian)

Список литературы на русском языке

Акбердина В. В. 2018. Трансформация промышленного комплекса России в условиях цифровизации экономики. *Известия Уральского государственного экономического университета*. 19(3). С. 82–99. DOI: 10.29141/2073-1019-2018-19-3-8.

Алехин В. В., Амирбекова А. С., Бабинова А. В. и др. 2017. *Конкурентоспособность национальных экономик и регионов в контексте глобальных вызовов мировой экономики*: в 3 т. Т. 2. Ростов-на-Дону; Таганрог: Южный федеральный университет. 232 с.

Голубь А. Б., Шведов В. Г., Агжитов А. А. 2013. К вопросу о значении процессов глобализации и локализации в социально-экономическом развитии регионов. *Власть и управление на Востоке России*. 2(63). С. 8–13.

Гершман М. А. и др. 2025. *Научно-техническая политика: глобальные стратегии достижения технологического лидерства* / под ред. Л. М. Гохберга, М. А. Гершмана; Национальный исследовательский

Торкунов А. В. 2022. Россия и политический порядок в меняющемся мире: ценности, институты, перспективы. *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 7–22. DOI: 10.17976/jpps/2022.05.02.

Культурно-институциональные предпосылки экономического роста

Я.И. Ваславский¹, И.Ю. Ваславская², Д.А. Михалев²

¹ Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, Москва, Россия

² Набережночелнинский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета, Набережные Челны, Россия

Нобелевская премия по экономике 2025 г. была присуждена Джоэлю Мокиру, Филиппу Агьону и Питеру Ховитту за объяснение того, как инновации обеспечивают устойчивый экономический рост. Это решение объединило два взаимодополняющих направления анализа данного процесса – историко-культурное и экономико-математическое. Цель статьи – реконструировать эволюцию представлений об эндогенных источниках роста, раскрыть формальное содержание модели Агьона–Ховитта и сопоставить её с концепцией «культуры роста» Дж. Мокира. Исследование основано на сравнительном анализе теоретических моделей и критическом обзоре историко-экономической и эмпирической литературы. Показано, что в модели Агьона–Ховитта инновации возникают в результате целенаправленных инвестиций в НИОКР, а устойчивый рост обеспечивается последовательным повышением качества технологий и вытеснением устаревших производственных решений. Развитие этой модели позволило формализовать взаимосвязь между конкуренцией, технологическим разрывом, ожидаемой инновационной рентой и интенсивностью НИОКР. Эмпирические исследования в целом подтверждают значение инновационной активности фирм, конкурентной среды, человеческого капитала и институтов распространения знаний. По мере приближения к технологическому фронтиру возрастает роль собственных исследований и способности создавать, а не только заимствовать технологии. Дж. Мокир обращается к более общему вопросу: какие культурные и институциональные условия позволяют обществу непрерывно создавать и практически использовать полезные знания. Его концепция подчёркивает значение интеллектуальной открытости, конкуренции идей и институтов передачи знаний, однако её положения с трудом поддаются количественной проверке. Сделан вывод, что труды лауреатов образуют не единую модель, а многоуровневую исследовательскую программу, связывающую культурно-институциональные предпосылки инноваций, микроэкономические стимулы к их созданию и макроэкономическую динамику. Ограничения этой программы связаны, с одной стороны, с упрощающими предпосылками формальных моделей, а с другой – с риском чрезмерного обобщения европейского исторического опыта.

УДК: 330.35:330.341.1.

Поступила в редакцию: 02.02.2026

Принята к публикации: 16.04.2026

Ключевые слова: модель Агьона–Ховитта, экономический рост, инновации, теория эндогенного роста, созидательное разрушение, технологический прогресс, культура роста, институты производства и распространения знаний, Нобелевская премия по экономике

Нобелевская премия по экономике 2025 г. была присуждена Джоэлю Мокиру, Филиппу Агьону и Питеру Ховитту за объяснение того, как инновации обеспечивают устойчивый экономический рост. Этим решением были отмечены два различных, но взаимодополняющих подхода к объяснению возникновения и поддержания такого роста. Дж. Мокир как экономический историк исследовал, почему непрерывный технологический прогресс стал возможен именно в Новое время, связывая его с расширением полезных знаний, интеллектуальной открытостью и институциональными изменениями в Европе. Ф. Агьон и П. Ховитт предложили экономико-математическую модель, показывающую, как инвестиции в НИОКР, временная инновационная рента и «созидательное разрушение» поддерживают долгосрочный рост на микро- и макроуровне. Объединение этих работ в рамках одной премии делает особенно продуктивным их сопоставление. Цель статьи состоит в том, чтобы проследить эволюцию теорий роста от экзогенного технологического прогресса к эндогенным инновациям, представить формальное ядро модели Агьона–Ховитта, рассмотреть её дальнейшее развитие и эмпирические проверки, а также определить, каким образом концепция «культуры роста» Дж. Мокира дополняет экономический анализ инноваций. Такое сопоставление позволяет связать культурные и институциональные предпосылки производства знаний с экономическими стимулами к их превращению в новые технологии.

Шумпетерианская логика «созидательного разрушения» и её место в современной теории роста систематизированы в обзорной статье Д.А. Веселова. В ней созидательное разрушение рассматривается как фундаментальный элемент неошумпетерианской парадигмы и как основание для анализа нескольких взаимосвязанных проблем: влияния конкуренции на инновационную активность, замедления роста производительности в развитых экономиках и воздействия инновационного роста на социально-экономическое неравенство. В этот круг исследований включаются как формальные модели эндогенного инновационного развития Ф. Агьона и П. Ховитта, так и предложенное Дж. Мокиром объяснение культурно-институциональных предпосылок технологического прогресса (Веселов 2026). Настоящая статья развивает этот обзорный ракурс, уделяя особое внимание внутренней логике базовой модели Агьона–Ховитта и её сопоставлению с концепцией «культуры роста»..

Й. Шумпетер связывал экономическое развитие с появлением «новых комбинаций» факторов производства, которые нарушают сложившееся равновесие и создают новые рынки, товары и способы организации производства

(Schumpeter 1954). Важную роль в этом процессе играет сочетание новых специализированных технологий с уже существующими решениями, инфраструктурой и источниками энергии. Именно взаимодействие взаимодополняющих технологий способно сформировать ядро новой технологической парадигмы и постепенно преобразовать прежнюю индустриальную основу экономики (Ваславский, Ваславская 2024).

Экономический рост и технологическое развитие относятся к центральным предметам современной экономической науки. От их динамики зависят производительность, уровень жизни, занятость и конкурентоспособность национальной экономики (Aghion and Howitt 1994). Поэтому одной из ключевых задач экономической теории остаётся объяснение того, как капитал, труд, знания, инновации и технологические изменения обеспечивают устойчивое увеличение выпуска и производительности.

Факторы технологического прогресса не получили исчерпывающего объяснения, однако стилизованные формальные модели позволяют выделить отдельные механизмы роста и проверить их следствия. В теориях эндогенного роста производство знаний и инноваций рассматривается как внутренний источник экономической динамики, а не задаётся извне. Эти модели учитывают несовершенную конкуренцию, ограниченную возможность разработчиков полностью присваивать отдачу от созданных знаний, распространение знаний между фирмами и странами, международную взаимозависимость и возрастающую отдачу в отдельных секторах. Благодаря этому можно анализировать частные и общественные стимулы к созданию и накоплению знаний (Grossman and Helpman 1994).

На ранних этапах развития теории роста основное внимание уделялось накоплению капитала и инвестициям. Эта логика получила формальное выражение в моделях Р. Харрода (Harrod 1939) и Е. Домара (Domar 1946), связывавших норму сбережений и инвестиционную активность с темпами увеличения национального дохода. Неоклассическая модель Р. Солоу предложила иной способ описания долгосрочной динамики: при убывающей предельной производительности капитала устойчивый рост выпуска на душу населения обеспечивается прежде всего технологическим прогрессом, который в модели задаётся экзогенно. Тем самым было показано, что одного лишь накопления капитала недостаточно для объяснения долговременного роста производительности. Р. Солоу одновременно подчёркивал неизбежность упрощающих предпосылок в экономическом моделировании. Аналитическая ценность модели определяется не отсутствием абстракций, а тем, насколько осмысленно они выбраны и позволяют ли полученные выводы объяснять наблюдаемые процессы. Чрезмерно нереалистичные или внутренне противоречивые предпосылки, напротив, ограничивают объяснительную и прикладную ценность модели (Solow 1956).

Переход от модели Солоу к теориям эндогенного роста сопровождался последовательным углублением представлений о роли знаний, инноваций и конкуренции. В модели П. Ромера технологический прогресс становится

результатом экономических решений, а монополистическая конкуренция и расширение разнообразия промежуточных товаров создают стимулы для производства новых идей (Romer 1989). Знание обладает свойством неконкурентности в потреблении и лишь частично поддается исключению из использования, поэтому его накопление не подчиняется обычной логике убывающей отдачи. Возможность получения временной инновационной ренты создаёт стимул превращать новые идеи в товары и производственные решения, имеющие практическую ценность. Одним из важных следствий модели является зависимость темпов роста от запаса человеческого капитала: образование, квалификация рабочей силы и накопленные знания определяют способность экономики создавать и осваивать технологии. Международная торговля также может ускорять рост, расширяя рынки для инновационных товаров, усиливая конкуренцию и облегчая распространение знаний между странами (Romer 1989).

Таким образом, модель Ромера подчёркивает взаимосвязанную роль человеческого капитала и международной экономической интеграции. Они расширяют возможности создания и распространения знаний и тем самым помогают объяснить различия в темпах долгосрочного роста стран. Вместе с тем даже учёт неодинаковых запасов человеческого капитала не позволяет полностью объяснить устойчивые межстрановые различия в производительности и уровне развития. Эмпирические исследования указывают на необходимость учитывать качество институтов, распределение ресурсов и способность экономики преобразовывать знания в производственные результаты (Hall and Jones 1999; DeLong 1988).

Одной из наиболее значимых моделей эндогенного роста стала модель Агьона–Ховитта, формализовавшая шумпетеровский механизм «созидательно-го разрушения» (Aghion and Howitt 1992; Aghion and Howitt 2023). В отличие от неоклассических моделей, где технологический прогресс задаётся извне, здесь инновации возникают вследствие целенаправленных инвестиций в НИОКР. Успешная инновация повышает качество промежуточного товара, предоставляет её обладателю временную монопольную ренту и одновременно обесценивает технологию прежнего производителя. Поэтому темп роста зависит от частоты и масштаба инноваций, производительности исследовательского сектора и институтов, определяющих стимулы к созданию и распространению новых технологий (Zilibotti et al. 1999). Переход от модели Ромера к модели Агьона–Ховитта отражает движение от объяснения роста через расширение разнообразия товаров к анализу последовательного повышения их качества, конкуренции фирм за технологическое лидерство и эндогенного вытеснения устаревших решений.

Для понимания вклада Ф. Агьона и П. Ховитта необходимо обратиться к базовой модели 1992 г. (Aghion and Howitt 1992). Она сформировала математическое ядро последующей неошумпетерианской традиции и стала отправной точкой для многочисленных теоретических расширений, эмпирических проверок

и прикладных выводов. Современные обзоры нередко сосредотачиваются прежде всего на результатах этого направления и выводах для экономической политики (Веселов 2026). Поэтому далее воспроизводятся основные элементы исходной модели, необходимые для понимания заложенного в ней механизма инновационного роста.

Теоретические основы модели Агьона–Ховитта

Модель Агьона–Ховитта описывает закрытую экономику с тремя секторами: производства конечного товара, производства промежуточного товара и НИОКР. Время t изменяется непрерывно. Предполагается, что выпуск конечной продукции полностью используется для потребления (1) (Aghion and Howitt 1992):

$$y = c, \quad (1)$$

Совокупное предложение труда L постоянно и распределяется между производственным сектором (L_F) и сектором НИОКР (n) в соответствии с равенством (2) (Aghion and Howitt 1992):

$$L = L_F + n, \quad (2)$$

Производство промежуточного товара линейно зависит от используемого труда (3), а выпуск конечной продукции описывается функцией (4), где α – эластичность выпуска по промежуточному товару (Aghion and Howitt 1992):

$$x = L_F, \quad (3)$$

$$y = Ax^\alpha, 0 < \alpha < 1, \quad (4)$$

Параметр A_t характеризует качество технологии текущего поколения; A_0 – начальный технологический уровень, t – номер поколения, γ – размер шага повышения качества (5):

$$A_t = A_0 \gamma^t, \quad \gamma > 1, \gamma = const, \quad (5)$$

Рост выпуска обеспечивается инновациями в секторе НИОКР. Число инновационных событий ϑ описывается пуассоновским процессом (6) (Aghion and Howitt 1992):

$$\vartheta \sim P(\lambda n), \quad (6)$$

где λ – производительность исследовательской технологии; $\lambda > 0, \lambda = const$.

Количество труда, направляемое в научно-исследовательский сектор, определяется условием равенства заработной платы и ожидаемой приведённой стоимости будущей инновации (7):

$$\omega_t = \lambda V_{t+1}, \quad (7)$$

где ω_t – заработная плата исследователя, V_{t+1} – ожидаемая приведённая стоимость инновации следующего поколения. Величина V_{t+1} определяется уравнением доходности актива (8):

$$\left(1 + \frac{r}{\lambda n_{t+1}}\right) V_{t+1} = \frac{\pi_{t+1}}{\lambda n_{t+1}}, \quad (8)$$

где π_{t+1} – монопольная прибыль от владения инновацией следующего поколения, r – процентная ставка.

Уравнение (8) показывает, что занятость в секторе НИОКР определяется сопоставлением текущей заработной платы исследователя с ожидаемой приведённой стоимостью будущей инновации. Темп технологического прогресса, в свою очередь, зависит от производительности исследовательской технологии и институциональных условий коммерциализации результатов НИОКР (Aghion and Howitt 1992). Экономический рост возникает благодаря последовательному появлению инноваций, повышающих качество промежуточных товаров и вытесняющих устаревшие технологии.

Дальнейшее развитие модели Агьона–Ховитта было связано с усложнением рыночных взаимодействий и включением в модель связи между инновациями, конкуренцией и распределением технологических преимуществ. Ключевыми этапами стали работы «Competition, Imitation and Growth with Step-by-Step Innovation» (Aghion et al. 2001) и «Competition and Innovation: An Inverted-U Relationship» (Aghion et al. 2005).

В модели поэтапных инноваций состояние каждой отрасли определяется величиной технологического разрыва $n \geq 0$ между фирмой-лидером и фирмой-последователем (Aghion et al. 2001). Значение $n = 0$ соответствует состоянию neck-and-neck, то есть технологическому равенству фирм, а $n \geq 1$ – лидерству одной из них.

Функция издержек НИОКР задаётся выражением (9):

$$\psi(x) = \frac{\beta x^2}{2}, \quad (9)$$

где x – интенсивность НИОКР, $\beta > 0$ – параметр издержек исследовательской деятельности.

Динамика приведённой стоимости прибыли фирм описывается системой уравнений Беллмана (10)–(12). Для технологического лидера при $n \geq 1$:

$$rV_n = \pi_n + x_n(V_{n+1} - V_n) + (\bar{x}_n + h)(V_0 - V_n) - \frac{\beta (x_n)^2}{2}, \quad (10)$$

где V_n – приведённая стоимость прибыли лидера в состоянии n ,

π_n – текущая прибыль лидера в состоянии n ,

x_n – интенсивность НИОКР лидера,

$\bar{x}_n$ – интенсивность НИОКР фирмы-последователя,

h – интенсивность имитации,

r – ставка межвременного дисконтирования; в равновесии она совпадает с равновесной процентной ставкой.

Для фирмы-последователя при $n \geq 1$:

$$rV_n = \pi_n + \bar{x}_n(V_0 - V_n) - \frac{\beta (\bar{x}_n)^2}{2}, \quad (11)$$

Для состояния технологического равенства ($n = 0$):

$$rV_n = \pi_0 + x_0(V_1 - V_0) + x_0(V_1 - V_0) - \frac{\beta (x_0)^2}{2}, \quad (12)$$

где V_0 – приведённая стоимость прибыли фирмы в состоянии технологического равенства, π_0 – её текущая прибыль, x_0 – интенсивность НИОКР каждой фирмы при $n = 0$.

Оптимальная интенсивность НИОКР определяется условиями первого порядка (13)–(15):

$$x_n = \frac{V_{n+1} - V_n}{\beta}, \quad (13)$$

где x_n – оптимальная интенсивность НИОКР лидера.

$$\bar{x}_n = \frac{V_0 - V_n}{\beta}, \quad (14)$$

где $\bar{x}_n$ – оптимальная интенсивность НИОКР фирмы-последователя.

$$x_0 = \frac{V_1 - V_0}{\beta}, \quad (15)$$

где x_0 – оптимальная интенсивность НИОКР каждой фирмы в состоянии технологического равенства.

Далее в работе Aghion et al. (2001) выводится устойчивое распределение отраслей. Если μ_n обозначает устойчивую долю отраслей с технологическим разрывом n , условия равенства потоков между состояниями задаются уравнениями (16)–(18):

$$2\mu_0 x_0 = \sum_{n \geq 1} \mu_n (\bar{x}_n + h), \quad (16)$$

где μ_0 – доля отраслей в состоянии технологического равенства.

$$\mu_1 (x_1 + \bar{x}_1 + h) = 2\mu_0 x_0, \quad (17)$$

где μ_1 – доля отраслей с разрывом $n = 1$.

$$\mu_n (x_1 + \bar{x}_n + h) = \mu_{n-1} x_{n-1}, \quad n \geq 2, \quad (18)$$

где μ_n – доля отраслей с разрывом $n \geq 2$.

Устойчивый темп роста определяется средней частотой продвижения отраслей к технологическому фронтиру (G):

$$g = (2\mu_0 x_0 + \sum_{k \geq 1} \mu_k x_k) \ln \gamma, \quad (G)$$

где g – темп экономического роста, γ – размер шага повышения производительности в технологической лестнице, μ_k – доля отраслей с разрывом k , x_k – интенсивность НИОКР лидеров в состоянии $k \geq 1$.

В частном случае, когда технологический разрыв ограничен одной ступенью, вводится разность прибылей:

$$r^0 = \pi_1 - \pi_0, \quad r^{-1} = \pi_0 - \pi_{-1}.$$

Система условий оптимизации принимает вид (19)–(29):

$$\frac{x_0^2}{2} + (r + h)x_0 = \frac{r^0}{\beta}, \quad (19)$$

$$\frac{x_1^2}{2} + (r + h + x_0)x_1 = \frac{r^{-1}}{\beta} + \frac{x_0^2}{2}, \quad (20)$$

Темп роста в этом случае определяется выражением (21):

$$g = \frac{2x_0(x_1 + h)}{2x_0 + x_1 + h} \ln \gamma, \quad (21)$$

Если в модели 1992 г. технологическое развитие представлено как стохастическая последовательность инноваций, каждая из которых заменяет действующую технологию и передаёт временную монопольную ренту новому лидеру, то в модели 2001 г. инновационная динамика становится пошаговой. Ключевой сдвиг состоит в формализации конкуренции между лидером и последователем: инновации изменяют величину технологического разрыва, а отрасли переходят между состояниями относительного лидерства и технологического равенства. Введение дискретного показателя разрыва n и марковской динамики $n_{t+1} = n_{t \pm 1}$ позволяет описать последовательное продвижение фирм по технологической лестнице и эндогенное распределение отраслей по величине разрыва. Тем самым связываются конкуренция, ожидаемая прибыль и инвестиции в НИОКР.

Формализация пошаговых инноваций создала основу для последующего анализа взаимосвязи конкуренции и инновационной активности (Aghion et al. 2001). В работе Aghion et al. (2005) эта логика была обобщена в виде перевёрнутой U-образной зависимости между интенсивностью конкуренции и инновациями, а через них – и экономическим ростом. В этой модели простейшая монополистическая структура уступает место олигополистическим рынкам, где в каждой продуктовой нише несколько фирм производят несовершенные заменители

и конкурируют по ценам или объёмам выпуска. Благодаря этому инновационные стимулы зависят от положения фирмы относительно её технологических соперников.

Нелинейная зависимость возникает вследствие взаимодействия двух механизмов (Aghion et al. 2005). Для фирм, находящихся на одинаковом технологическом уровне, усиление конкуренции создаёт стимул «бежать от конкуренции» посредством инноваций. Для технологически отстающих фирм, напротив, рост конкурентного давления может сокращать ожидаемую прибыль от догоняющих инвестиций и усиливать шумпетеровский эффект вытеснения. В результате инновационная активность становится эндогенной функцией структуры рынка и распределения технологических разрывов между фирмами.

В этой логике человеческий капитал и условия, позволяющие людям становиться изобретателями и предпринимателями, приобретают принципиальное значение для траектории развития. Важно не сужать круг потенциальных участников инновационного процесса и формировать институциональную среду, в которой предпринимательская активность направляется на продуктивное использование ресурсов (Aghion and Howitt 1996).

Эмпирические исследования, опирающиеся на теорию «созидательного разрушения», проверяют её основные выводы о роли инноваций, конкуренции и институтов. Обзор Ф. Агьона, У. Акцигита и П. Ховитта показывает, что шумпетерианская теория позволяет анализировать взаимосвязь конкуренции на товарных рынках и инноваций, динамику роста фирм и их ухода с рынка, а также влияние институтов на эти процессы (Aghion et al. 2013). Важное следствие состоит в том, что рост обеспечивается не простым накоплением капитала и труда, а созданием технологий, повышающих качество продукции и вытесняющих менее эффективные решения. Исследования «расстояния до технологического фронта» дополнительно показывают, что оптимальная стратегия развития зависит от исходного уровня страны или фирмы: по мере приближения к фронтиру возрастает отдача от собственных НИОКР по сравнению с заимствованием и имитацией технологий (Acemoglu et al. 2006).

Эмпирические исследования международного распространения технологий подчёркивают значение способности экономики осваивать знания и технологии, созданные за её пределами. На данных по 21 отрасли промышленности шести стран Европейского союза за 1980–1997 гг. показано, что человеческий капитал усиливает положительное воздействие зарубежных НИОКР на производительность (Apergis et al. 2009). Вместе с тем оценки отдачи от государственных расходов на исследования заметно различаются в зависимости от модели, временного горизонта и институционального контекста; в отдельных спецификациях они оказываются статистически незначимыми или отрицательными (Van Elk et al. 2019). На уровне фирм влияние появления новых конкурентов на инновации и производительность действующих компаний также зависит от их положения относительно технологического фронта (Aghion

et al. 2009). Исследования в шумпетерианской традиции в целом выявляют положительную связь между НИОКР, инновациями и производительностью, однако показывают, что эта связь не является механической и опосредуется качеством институтов, конкуренцией и способностью фирм осваивать знания (Zachariadis 2003).

Последующие исследования распространили шумпетерианский подход на широкий круг проблем. Инновации и перераспределение ресурсов между фирмами рассматриваются как важные источники различий в производительности (Acemoglu et al. 2018). Анализ автомобильной промышленности показывает, что налоги на выбросы и другие экологические стимулы способны направлять технологические изменения в сторону более чистых решений (Aghion et al. 2016). Исследования демографии и автоматизации выявляют, каким образом изменение предложения труда создаёт стимулы к внедрению трудосберегающих технологий (Acemoglu and Restrepo 2021). Динамика совокупной факторной производительности и НИОКР в развитых странах в ряде случаев лучше согласуется с моделями «созидательного разрушения», чем с полуэндогенными моделями, связывающими рост главным образом с увеличением объёма исследовательских ресурсов (Ha and Howitt 2007). При этом воздействие конкуренции на совокупную факторную производительность зависит от институциональной среды и расстояния до технологического фронта (Scopelliti 2009).

В совокупности эмпирическая литература показывает, что модель Агьона–Ховитта стала одним из основных аналитических инструментов исследования инновационного роста. «Созидательное разрушение» при этом следует понимать не как универсальный эмпирический закон, а как проверяемый механизм, значение которого различается по отраслям, странам и стадиям технологического развития. Исследования на уровне фирм показывают, что существенную роль играют появление новых производителей, расширение более продуктивных компаний, уход с рынка неэффективных фирм и перераспределение ресурсов, хотя относительный вклад этих каналов зависит от используемых данных и метода оценки (Garcia-Macia et al. 2019).

Критика и ограничения модели

Несмотря на значительное влияние модели Агьона–Ховитта на развитие теории эндогенного роста, границы её применимости неоднократно становились предметом критики. Основные замечания относятся к упрощённой структуре экономики, предпосылкам о поведении фирм, характеру инновационного процесса и способу учёта институциональной среды.

Во-первых, базовая модель предполагает совершенную конкуренцию в секторе конечного товара и временную монополию производителя промежуточного товара. Такая конструкция позволяет аналитически выделить инновационную

ренту, но лишь частично отражает реальные рынки, где крупные корпорации одновременно конкурируют, кооперируются, контролируют технологические платформы и взаимодействуют с государством (Romer 1994; Barro and Sala-i-Martin 1995). В результате за пределами базовой модели остаются макроэкономические шоки, политические решения и внешние ограничения, способные влиять на создание и распространение инноваций.

Во-вторых, в базовой модели успешная инновация заменяет предыдущее поколение технологии и лишает прежнего производителя монопольной ренты. В реальной экономике новые и устаревающие технологии нередко длительное время сосуществуют, дополняют друг друга или обслуживают разные сегменты спроса. Поэтому фактическое «созидательное разрушение» обычно протекает менее одномоментно и более неоднородно, чем предполагает исходная конструкция (Катуков, Малыгин, Смородинская 2019; Guarini 2011).

В-третьих, базовая модель уделяет ограниченное внимание накоплению физического капитала, хотя оно может выступать не только результатом роста, но и условием создания и внедрения инноваций. Эмпирические исследования показывают, что отдача от НИОКР зависит от образования, качества институтов, развитости финансовой системы и зрелости национальной инновационной системы. Поэтому связь между инвестициями в знания и ростом нелинейна и зависит от институционального контекста (Phelps 1980).

Ещё одно ограничение связано с упрощённым представлением инновационного цикла. В базовой модели не проводится явного различия между радикальными и постепенными инновациями, хотя они различаются по масштабу издержек, степени неопределённости, срокам коммерциализации и воздействию на существующие технологии (Самоволева 2022). Реальный инновационный процесс носит кумулятивный и стохастический характер, а возникновение нового знания не всегда немедленно приводит к росту производительности (Silverberg and Verspagen 2004).

Перечисленные ограничения не отменяют концептуального значения модели Агьона–Ховитта, но определяют условия её корректного применения. При анализе технологического суверенитета базовую конструкцию необходимо дополнять учётом открытости экономики, международных технологических зависимостей, стратегических отраслей и координации между государством, бизнесом и научными организациями. Современная инновационная динамика формируется не только рыночной конкуренцией отдельных фирм, но и взаимодействием технологических платформ, государственных программ, исследовательской инфраструктуры и институтов финансирования (Vaslavskiy 2023).

Вклад Джоэля Мокира в теорию экономического роста

Дж. Мокир – экономический историк, исследующий взаимосвязь между технологическим прогрессом, знаниями, институтами и долгосрочным

ростом. Соединение экономической теории с историческим и социологическим анализом позволило ему поставить вопрос не только об экономических механизмах появления инноваций, но и о происхождении тех условий, при которых непрерывный рост производительности стал исторически возможен (Мокур 2005b).

В интерпретации Дж. Мокира долгосрочный экономический рост проявляется в постепенном и кумулятивном улучшении материальных условий человеческой жизни: в снижении заболеваемости и физических страданий, преодолении дефицита и расширении доступа к благам и комфорту. Тем самым рост понимается не только как увеличение выпуска, но и как исторический процесс повышения способности общества удовлетворять человеческие потребности (Мокур 2005a).

Центральный тезис Дж. Мокира состоит в том, что устойчивый рост требует институциональной и культурной среды, благоприятной для накопления, распространения и практического применения знаний. Согласно концепции «культуры роста», изменения в ценностных установках и институтах Западной Европы XVII–XVIII вв. создали предпосылки для превращения технологических улучшений из отдельных эпизодов в непрерывный процесс (Мокур 2016). В отличие от моделей, объясняющих рост преимущественно накоплением капитала и труда, Мокир выдвигает на первый план производство и передачу полезных знаний. Промышленная революция в этой перспективе становится результатом взаимодействия научного знания, инженерных навыков и интеллектуальной среды, допускающей проверку и распространение новых идей.

В работах Дж. Мокира технический прогресс предстаёт не как простая последовательность случайных изобретений, а как результат эволюции институтов, образующих «рынок полезных знаний». Он различает пропозициональные знания – представления о природных явлениях и закономерностях – и прескриптивные знания, то есть практические инструкции и технологии (Мокур 2002). Расширение первой группы знаний увеличивает пространство возможных технических решений, тогда как механизмы отбора и проверки определяют, какие из них получают практическое применение. Новые идеи могут возникать случайно или в ходе целенаправленного поиска и, подобно мутациям, проходят отбор на пригодность в конкретных условиях (Мокур 1990a). Этот подход дополняет модели Ромера и Агьона–Ховитта историческим объяснением того, почему инвестиции в НИОКР оказываются продуктивными лишь в определённой культурной и институциональной среде.

Поэтому ключевой вопрос заключается не только в том, какие стимулы поддерживают инновации, но и в том, каким образом накопление знаний стало самоподдерживающимся процессом. Низкие барьеры входа и выхода с рынка, венчурное финансирование, гарантированный спрос, стандартизация и взаимодействие предприятий с университетами создают важные стимулы

к инновациям. Однако, по Дж. Мокиру, их действие зависит от широты пропозициональной базы знаний. Если общество располагает развитой предпринимательской средой, но не расширяет представления о природных процессах и причинных связях, пространство технических решений остаётся узким, а экономические стимулы не обеспечивают непрерывного технологического прогресса (Мокур 2002).

Расширение базы знаний требует значительных ресурсов и связано с социальными и политическими издержками. Поэтому элиты, частные меценаты и налогоплательщики, контролирующие необходимые ресурсы, не всегда готовы финансировать исследования, результаты которых неопределённые и могут оспаривать сложившийся порядок. В результате принципиальное значение имеют не только объём средств, направляемых на НИОКР, но и способы их распределения, автономия исследователей и доступность созданных знаний для потенциальных пользователей (Мокур 2002).

Особое место в работах Дж. Мокира занимает Британская промышленная революция, которую он объясняет накоплением полезных знаний и сближением научных принципов с практическими инженерными навыками. Рост производительности и последующее ускорение экономического развития стали возможны благодаря взаимодействию научных сообществ, практических навыков, институтов распространения знаний и экономических стимулов. Опережающее развитие Великобритании в этой перспективе объясняется не одним фактором, а сочетанием идей, культурных норм, институциональной структуры и технологических возможностей (Мокур 2009).

Анализируя последующее замедление британского технологического развития, Дж. Мокир рассматривает сопротивление новым технологиям как один из возможных факторов утраты лидерства. Такое сопротивление могло проявляться в политических установках, системе трудовых отношений, образовании и профессиональной подготовке. При этом Мокир не трактует его как единственную причину замедления и подчёркивает трудность количественного измерения подобных эффектов (Мокур 1990b).

Дж. Мокир также связывает периоды интеллектуальной нетерпимости и ограничения нестандартных идей с замедлением технического развития. В этой логике устойчивый рост определяется не столько простым увеличением капитала, сколько постоянным расширением и применением знаний в производстве. Источником роста выступают одновременно технические изменения и эволюция институциональной среды, снижающей барьеры для обсуждения, проверки и распространения новых идей (Мокур 1990a).

Исторический успех Европы Дж. Мокир объясняет сочетанием высокой мобильности и политического многообразия. Перемещение людей, капитала, товаров и знаний между юрисдикциями дополнялось политической фрагментацией и конкуренцией, благодаря которым ни один центр не мог надолго монополизировать власть над идеями. Учёные, инженеры и предприниматели

получали возможность искать покровительство и продолжать работу в других государствах, что поддерживало непрерывность инновационного процесса (Мокир 1994).

Вклад Дж. Мокира состоит в синтезе экономической истории и теории технологического развития. Он предложил историко-культурное объяснение предпосылок, которые в моделях Ромера и Агьона–Ховитта обычно задаются экзогенно или сводятся к параметрам производительности исследовательского сектора и качества институтов. Поэтому концепция Мокира не является формальным расширением теории эндогенного роста, но дополняет её, раскрывая культурные, исторические и когнитивные условия производства и использования знаний.

Концепция «культуры роста» Джоэля Мокира и её критическая оценка

Фундаментальное значение концепции Дж. Мокира сочетается с рядом методологических ограничений. Прежде всего категория «культура роста» отличается высокой степенью обобщения и с трудом поддаётся непосредственной операционализации. Хотя Мокир подробно показывает, как изменения ценностей и институтов могли способствовать промышленной революции, культурный сдвиг трудно количественно измерить, установить его временные границы и отделить его влияние от материальных, политических и технологических факторов. Это затрудняет строгую проверку причинных связей и сопоставление альтернативных объяснений.

Н. Крафтс сопоставляет подход Дж. Мокира с объяснением Р. Аллена и показывает различие между ними по степени формализации и количественной проверяемости. Мокир опирается на категории «полезных знаний» и культуры, благоприятствующей их производству, которые трудно непосредственно включить в модели роста. Аллен, напротив, объясняет промышленную революцию через относительные цены труда, энергии и капитала, что позволяет точнее оценивать экономические стимулы к внедрению технологий. Подход Мокира богаче в историко-культурном отношении, но хуже поддаётся операционализации; подход Аллена удобнее для количественного анализа, но охватывает не все институциональные и интеллектуальные предпосылки технологического прогресса. Поэтому эти объяснения целесообразно рассматривать как конкурирующие и одновременно взаимодополняющие (Crafts 2010).

К ограничениям концепции относится и риск недооценки материальных факторов, включая демографические изменения, относительные цены ресурсов и структуру спроса. Р. Аллен связывает распространение трудосберегающих технологий в Великобритании с сочетанием высокой стоимости труда и доступной энергии, которое делало механизацию экономически выгодной (Allen 2009). Г. Кларк также акцентирует долгосрочные материальные и демографические

предпосылки выхода из мальтузианской ловушки (Clark 2008). Эти подходы показывают, что культурные и институциональные изменения не следует рассматривать как самостоятельное и исчерпывающее объяснение промышленной революции.

Концепция «культуры роста» действует на ином уровне анализа, чем количественные модели или теории макроэкономической стабилизации. Монетаристские исследования сосредоточены прежде всего на устойчивости денежного обращения и предсказуемости макроэкономической политики (Моисеев 2018), тогда как Дж. Мокир, П. Ромер, Ф. Агьон и другие исследователи долгосрочного роста изучают производство знаний, инновационные стимулы и институты, влияющие на производительность. Поэтому речь идёт не о «постмонетаристской» смене одной парадигмы другой, а о расширении предмета экономического анализа: краткосрочная стабилизация и долгосрочные источники роста отвечают на разные, хотя и взаимосвязанные вопросы.

Указанные ограничения во многом обусловлены междисциплинарной задачей, которую решает Дж. Мокир. Включение культурного и интеллектуального контекста расширило диалог между экономической историей, институциональной теорией и экономикой инноваций. Его исследовательская программа позволяет рассматривать рост как результат совместной эволюции знаний, институтов, стимулов и ценностных установок. Присуждение Нобелевской премии по экономике подчёркивает значимость такого расширения теории роста, но не снимает необходимости дальнейшей операционализации культурных механизмов и их сравнительной проверки.

Нормативные предпосылки и границы применимости концепции Джозеля Мокира

Объяснительная схема Дж. Мокира опирается на ценности европейского Просвещения: свободу исследования, терпимость к интеллектуальному несогласию, институциональный плюрализм и конкуренцию идей. В его концепции эти установки выступают не только нормативными предпочтениями, но и историческими переменными, формирующими «культуру роста» – совокупность убеждений, норм и институтов, благоприятных для накопления знаний и инноваций (Мокир 2016). Вместе с тем выбор именно таких факторов неизбежно задаёт сравнительную перспективу и влияет на интерпретацию альтернативных траекторий развития.

Центральное место европейского Просвещения в аргументации Дж. Мокира создаёт риск универсализации специфического исторического опыта. При таком подходе иные способы организации науки, государства и экономики могут рассматриваться преимущественно как отклонения от европейской траектории, а культурно-институциональные различия – приобретать оценочный оттенок.

Это не опровергает концепцию «культуры роста», но требует чётко разграничивать исторически уникальные условия Европы и механизмы, претендующие на более широкую применимость, а также проверять последние на материале других регионов.

В российском интеллектуальном и издательском пространстве заметную роль в распространении работ Дж. Мокира сыграли переводы и издания Института Гайдара. В результате его концепция часто обсуждается в контексте либеральной экономической мысли, подчёркивающей индивидуальную свободу, децентрализованные институты и рыночную конкуренцию. Такая рецепция делает особенно заметной одну сторону аргумента Мокира, но может оставлять в тени его рассуждения о государственных инвестициях в знания, общественных благах и необходимости институциональной координации.

Исторический успех Европы Дж. Мокир связывает прежде всего с формированием среды, благоприятной для накопления и распространения знаний, а не с отсутствием государственной политики как таковой. Его аргумент относится к сочетанию политической конкуренции, открытости интеллектуальных сетей и институтов, способных поддерживать исследования. Поэтому сведение концепции «культуры роста» к тезису о минимальном государстве или безусловном превосходстве рынка было бы чрезмерным упрощением. При оценке её границ важно отличать исходную историческую аргументацию Мокира от более узких идеологических интерпретаций.

Вместе с тем опыт XXI в. показывает, что ускоренный технологический прогресс возможен при различных сочетаниях рынка и государства, в том числе при активной промышленной политике и значительном государственном участии в формировании инновационных экосистем. Траектория Китая и ряда других стран свидетельствует, что культурное и институциональное наследие не является непреодолимым ограничением: его влияние зависит от способности государства проводить последовательную политику, инвестировать в образование и исследования, включаться в глобальные сети производства и обмена знаниями и реформировать институты. Этот опыт не опровергает значение культуры, но требует рассматривать её во взаимосвязи с экономической политикой и институтами государственного управления.

Важное место в аргументации Дж. Мокира занимает опыт Петровской России и Советского Союза, используемый для выявления возможностей и ограничений централизованных моделей развития. Рассматривая советские технологические достижения середины XX в., включая запуск первого искусственного спутника Земли, Мокир признаёт способность плановой системы быстро концентрировать ресурсы и обеспечивать отдельные научно-технологические прорывы. Подобные результаты могли восприниматься как свидетельство преимуществ централизованной координации в областях, требующих высокой концентрации научных и материальных ресурсов. Одновременно Мокир отмечает, что рыночные провалы в сфере науки оправдывают государственное

вмешательство и элементы планирования, тогда как оптимальное соотношение государства и рынка не выводится из теории однозначно и определяется конкретными историческими условиями.¹

Вместе с тем трактовка плановой экономики преимущественно как механизма временной концентрации ресурсов может недооценивать институты долгосрочного воспроизводства научных школ, инженерных коллективов и кадров, формировавшиеся вне рыночной конкуренции. Признание рыночных провалов само по себе не отменяет критику централизованной координации, однако требует более ясного критерия, позволяющего различать государственное вмешательство, компенсирующее недостатки рынка, и такое вмешательство, которое подавляет разнообразие исследований и распространение инноваций.

На материале Советского Союза Дж. Мокир обосновывает тезис о долгосрочных ограничениях централизованной модели. По его мнению, советская система могла обеспечивать приоритетные прорывы, но затрудняла широкое экспериментирование, конкуренцию идей и распространение результатов между секторами. Устойчивый технологический прогресс, согласно этой логике, требует терпимости к ошибочным и эксцентричным гипотезам: большинство из них не приводит к практическому успеху, однако без такого разнообразия уменьшается вероятность появления немногих прорывных решений.

Этот тезис носит обобщающий характер и не полностью учитывает институциональное разнообразие советской науки и инженерной деятельности. Закрытые и иерархически организованные коллективы в отдельных областях создавали значимые научные и технические решения, что не позволяет свести появление инноваций к простой зависимости от свободного «рынка идей». Вместе с тем успешность отдельных мобилизационных проектов ещё не доказывает способность той же системы обеспечивать массовое распространение технологий. Поэтому необходимо исследовать, при каких сочетаниях автономии, иерархии, масштабов инвестиций и государственного целеполагания возникают как отдельные прорывы, так и устойчивый инновационный рост.

При анализе советского опыта важно учитывать возможное несовпадение культурных установок общества и реально действующих институциональных структур. Культурные нормы обладают высокой инерционностью и не меняются синхронно с политическими реформами. Поэтому институциональные преобразования нельзя автоматически считать свидетельством столь же быстрых культурных изменений. Распад марксистско-ленинской идеологии в конце 1980-х – начале 1990-х гг. не означал мгновенного исчезновения сформированных ранее ценностей и практик, подобно тому как установление теократического режима в Иране не повлекло одномоментной и всеобъемлющей перестройки религиозной культуры населения (Mokyr 2025).

¹ Великое обогащение: как Западная Европа стала экономическим лидером мира в XVIII–XIX вв. *Коммерсантъ*. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4481841> (дата обращения 11.03.2026)

Если культура действительно меняется медленно, технологические достижения СССР нельзя объяснить только отсутствием либеральных ценностей или ограничениями интеллектуальной среды. Они показывают, что нелиберальные институты при определённых условиях способны создавать крупные инновации и обеспечивать технологические прорывы. Однако из этого не следует, что мобилизационная модель столь же успешно поддерживает долговременное технологическое обновление в широком круге отраслей. Поэтому необходимо различать способность концентрировать ресурсы для решения приоритетной задачи и способность постоянно создавать, отбирать и распространять разнообразные инновации.

Исторический опыт также показывает, что общества, позднее ставшие образцами либерального капитализма, на ранних этапах индустриализации широко использовали протекционизм, государственное регулирование и целенаправленную поддержку отдельных отраслей. Экономическое развитие Великобритании XVIII в. сочеталось с меркантилистской политикой и ограничениями конкуренции, поэтому между либеральными институтами и инновационным ростом нельзя устанавливать простую линейную зависимость. Советская модель, несмотря на её долгосрочные ограничения, относится к более широкому кругу исторических случаев, когда концентрация ресурсов в нелиберальной институциональной среде обеспечивала отдельные технологические достижения.

Дореволюционную Россию Дж. Мокир, напротив, рассматривает как участницу европейской системы межгосударственной конкуренции, несмотря на её авторитарное устройство. Институциональные и технологические заимствования Российской империи он связывает с внешним давлением европейских держав и осознанием технологического отставания. Реформы после Крымской войны и последующие попытки модернизации интерпретируются как проявление той же конкурентной логики, которая, по Мокиру, способствовала европейскому экономическому и технологическому развитию.²

Новейшие исследования Дж. Мокира развивают концепцию «культуры роста», обращаясь к долгосрочному сравнению Европы и Китая. В ряде работ прослеживается, как различия в организации общества, институтах и культурных установках влияли на траектории развития в период с X по XX вв. Культура воздействует на экономические результаты не только через индивидуальные убеждения, но и через закрепление норм в малых группах и организациях. Закрепляясь в организационных структурах, такие нормы начинают длительное время влиять на экономическое и политическое поведение и одновременно воспроизводят культурные основания самих организаций (Greif et al. 2025).

² Великое обогащение: как Западная Европа стала экономическим лидером мира в XVIII–XIX вв. *Коммерсантъ*. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4481841> (дата обращения 11.03.2026)

В интерпретации А. Грейфа, Дж. Мокира и Г. Табеллини различия в передаче знаний, формах сотрудничества и гибкости институтов создали неодинаковые возможности для инноваций в Европе и Китае. Китай XI в. обладал высоким уровнем экономического и технологического развития, однако последующая централизация политической власти и особенности социальной организации ограничивали институциональное разнообразие. Европа, напротив, сочетала политическую фрагментацию с развитием автономных организаций, что, по мнению авторов, облегчало накопление знаний и создавало предпосылки для промышленной революции (Greif et al. 2025).

Исследование А. Грейфа, Дж. Мокира и Г. Табеллини связывает расхождение европейской и китайской траекторий с различными формами социальной организации. В Китае важную роль играли родственные кланы, тогда как в Европе получили распространение корпорации, объединявшие людей не только на основе происхождения. Обе формы обеспечивали сотрудничество и взаимную поддержку, но строились на разных принципах членства и управления. По мнению авторов, клановая организация усиливала родственные связи и взаимодействовала с централизованным государством, тогда как корпорации способствовали развитию более автономных институтов сотрудничества, не основанных на родстве, что имело долгосрочные последствия для экономического роста (Greif et al. 2025).

Современная траектория Китая требует осторожности при перенесении выводов долгосрочного исторического сравнения на экономику XXI в. Быстрая индустриальная и технологическая модернизация показывает, что унаследованные формы социальной организации могут существенно преобразовываться под воздействием государственной политики, рыночных стимулов, образования, включения в глобальные производственные цепочки и сети обмена знаниями. Одновременно замедление роста в ряде европейских стран свидетельствует, что институциональный плюрализм и культурная открытость сами по себе не гарантируют высокой инновационной динамики. Следовательно, историческая структура общества сохраняет значение, но влияет на рост во взаимодействии с качеством экономической политики, человеческим капиталом и способностью государства проводить последовательную экономическую и технологическую политику.

Заключение

Таким образом, подходы Дж. Мокира и Ф. Агьона – П. Ховитта дополняют друг друга, но не сливаются в единую теорию. Модель Агьона–Ховитта формализует экономический механизм, в рамках которого инвестиции в НИОКР, конкуренция и временная инновационная рента обеспечивают последовательное технологическое обновление. Концепция Мокира объясняет, как исторически формируются институты и культурные установки, делающие производство

и распространение полезных знаний устойчивыми. Их сопоставление показывает, что для объяснения долгосрочного роста необходимо одновременно учитывать исследовательские стимулы, человеческий капитал, открытые каналы передачи знаний, конкурентную среду и институты, способные координировать крупные инвестиции. Формальные модели нуждаются в расширении для учёта роли государства, международной технологической взаимозависимости и разнообразия инновационных систем, тогда как историко-культурные объяснения – в более строгой операционализации и сравнительной проверке. Сочетание этих уровней анализа составляет один из главных вкладов работ лауреатов в современное понимание экономического роста, основанного на инновациях.

Об авторах:

Ян Ильич Ваславский – доктор экономических наук, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политической теории Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации. 119454, Россия, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76. E-mail: vaslavsky@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-0707-1699

Ирина Юрьевна Ваславская – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики предприятий и организаций Высшей школы экономики и права Набережночелнинского института (филиала) Казанского (Приволжского) федерального университета. 423812, Россия, Республика Татарстан, г. Набережные Челны, проспект Мира, д. 68/19. E-mail: IJVaslavskaya@kpfu.ru
ORCID: 0000-0002-1363-3865

Данил Алексеевич Михалёв – аспирант кафедры экономики предприятий и организаций Высшей школы экономики и права Набережночелнинского института (филиала) Казанского (Приволжского) федерального университета. 423812, Россия, Республика Татарстан, г. Набережные Челны, проспект Мира, д. 68/19. E-mail: danil.mikhalev.2001@mail.ru
ORCID: 0009-0009-1026-920X

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 330.35:330.341.1.

Received: February 02, 2025

Accepted: April 16, 2026

The Cultural and Institutional Preconditions of Endogenous Growth

 Yan I. Vaslavskiy¹, Irina Yu. Vaslavskaya², Danil A. Mikhalev²
[DOI 10.24833/2071-8160-2026-4-109-36-60](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2026-4-109-36-60)

¹MGIMO University, Moscow, Russia

²Naberezhnye Chelny Institute (branch), Kazan (Volga Region) Federal University, Naberezhnye Chelny, Russia

Abstract: Prompted by the 2025 Nobel Prize in Economic Sciences awarded to Joel Mokyr, Philippe Aghion, and Peter Howitt, this article asks how sustained innovation-driven growth can be explained by integrating endogenous growth theory with cultural and institutional analysis of knowledge production. It traces the shift from exogenous technological change to the Schumpeterian Aghion–Howitt framework and compares that framework with Mokyr’s concept of a “culture of growth.” Methodologically, it combines comparative analysis of models, reconstruction of mechanisms, and a critical review of historical and empirical research on innovation, competition, human capital, institutions, and technological diffusion.

The analysis shows that the Aghion–Howitt framework explains growth as an endogenous sequence of quality-improving innovations generated by R&D investment. Successful innovators obtain temporary monopoly rents, while each new technology displaces the previous one, producing “creative destruction.” Later extensions link innovation intensity to technological gaps between leaders and followers and explain the inverted-U relationship between competition and innovation: moderate competition may encourage firms to “escape competition,” whereas excessive pressure can reduce expected returns to research for lagging firms. Evidence supports the importance of R&D, firm entry and exit, resource reallocation, human capital, institutional quality, and distance to the technological frontier, but shows that their effects vary across countries, industries, and stages of development.

Mokyr addresses a historical question: why some societies became capable of producing, transmitting, and applying useful knowledge. His approach identifies intellectual openness, competition among ideas and jurisdictions, mobility, research autonomy, and institutions for preserving and disseminating knowledge as conditions that can turn isolated inventions into sustained technological progress. The article argues, however, that Mokyr’s cultural variables are difficult to operationalize and risk generalizing a European historical trajectory. Conversely, formal growth models simplify technological coexistence, the role of the state, international dependence, and the institutional diversity of innovation systems.

The conclusion is that these approaches do not constitute a single theory. Together, they form a multilevel research program linking cultural and institutional preconditions for knowledge creation, microeconomic incentives for innovation, and macroeconomic growth. This synthesis explains why neither market incentives, state coordination, nor cultural openness alone is sufficient to account for long-run technological development.

Keywords: The Aghion–Howitt model, economic growth, innovation, endogenous growth theory, creative destruction, technological progress, a culture of growth, institutions for the production and dissemination of knowledge, Nobel Prize in Economics

About the authors:

Yan I. Vaslavskiy – Doctor of Economics, PhD in Political Science, Associate Professor, Department of Political Theory, MGIMO University. 76 Vernadskogo Prospekt, Moscow, 119454, Russia. E-mail: vaslavsky@yandex.ru ORCID: 0000-0003-0707-1699

Irina Yu. Vaslavskaya – Doctor of Economics, Professor, Department of Economics of Enterprises and Organizations, Higher School of Economics and Law, Naberezhnye Chelny Institute (branch), Kazan (Volga Region) Federal University. 68/19 Mira Prospekt, Naberezhnye Chelny, Republic of Tatarstan, 423812, Russia. E-mail: IJVaslavskaya@kpfu.ru ORCID: 0000-0002-1363-3865

Danil A. Mikhalev – Postgraduate Student, Department of Economics of Enterprises and Organizations, Higher School of Economics and Law, Naberezhnye Chelny Institute (branch), Kazan (Volga Region) Federal University. 68/19 Mira Prospekt, Naberezhnye Chelny, Republic of Tatarstan, 423812, Russia. E-mail: danil.mikhalev.2001@mail.ru ORCID: 0009-0009-1026-920X

Conflict of interest:

The authors declare no conflict of interest.

References:

- Acemoglu D., Aghion P. and Zilibotti F. 2006. Distance to Frontier, Selection, and Economic Growth. *Journal of the European Economic Association*. 4(1). P. 37–74. DOI: 10.1162/jeea.2006.4.1.37
- Acemoglu D., Akcigit U., Alp H., Bloom N. and Kerr W. 2018. Innovation, Reallocation, and Growth. *American Economic Review*. 108(11). P. 3450–3491. DOI: 10.1257/aer.20130470
- Acemoglu D. and Restrepo P. 2021. Demographics and Automation. *The Review of Economic Studies*. 89(1). P. 1–44. DOI: 10.1093/restud/rdab031
- Aghion P., Dechezleprêtre A., Hémous D., Martin R. and Van Reenen J. 2016. Carbon Taxes, Path Dependency, and Directed Technical Change: Evidence from the Auto Industry. *Journal of Political Economy*. 124(1). P. 1–51. DOI: 10.1086/684581
- Aghion P. and Howitt P. 2023. The Creative Destruction Approach to Growth Economics. *European Review*. 31(4). P. 312–325. DOI: 10.1017/s1062798723000212
- Aghion P., Akcigit U. and Howitt P. 2013. What Do We Learn from Schumpeterian Growth Theory? *Elsevier eBooks*. P. 515–563. DOI: 10.1016/b978-0-444-53540-5.00001-x.
- Aghion P., Blundell R., Griffith R., Howitt P. and Prantl S. 2009. The Effects of Entry on Incumbent Innovation and Productivity. *The Review of Economics and Statistics*. 91(1). P. 20–32. DOI: 10.1162/rest.91.1.20
- Aghion P. et al. 2005. Competition and Innovation: An Inverted-U Relationship. *The Quarterly Journal of Economics*. 120(2). P. 701–728. DOI: 10.1162/0033553053970214.
- Aghion P. et al. 2001. Competition, Imitation and Growth with Step-by-Step Innovation. *The Review of Economic Studies*. 68(3). P. 467–492. DOI: 10.1111/1467-937x.00177.
- Aghion P. and Howitt P. 1992. A Model of Growth through Creative Destruction. *Econometrica*. 60(2). P. 323–351. DOI: 10.2307/2951599
- Aghion P. and Howitt P. 1994. Growth and Unemployment. *The Review of Economic Studies*. 61(3). P. 477–494. DOI: 10.2307/2297900.
- Aghion P. and Howitt P. 1996. Research and Development in the Growth Process. *Journal of Economic Growth*. 1(1). P. 49–73. DOI: 10.1007/bf00163342.
- Allen R.C. 2009. *The British Industrial Revolution in Global Perspective*. Cambridge, U.K.: Cambridge University Press.

Apergis N., Economidou C. and Filippidis I. 2009. International Technology Spillovers, Human Capital and Productivity Linkages: Evidence from the Industrial Sector. *Empirica*. 36(4). P. 365–387. DOI: 10.1007/s10663-008-9098-8

Barro R.J. and Sala-i-Martin X. 1995. *Economic Growth*. Second edition. Cambridge. U.K.: The MIT Press Cambridge.

Clark G. 2008. A Farewell to Alms: a Brief Economic History of the World. *Choice Reviews Online*. 45(05). DOI: 10.5860/choice.45-2713

Crafts N. 2010. Explaining the first Industrial Revolution: Two Views. *European Review of Economic History*. 15(1). P. 153–168. DOI: 10.1017/s1361491610000201

DeLong B. 1988. Productivity Growth, Convergence and Welfare: Comment. *American Economic Review*. 78(5). P. 1138–1154. <https://www.jstor.org/stable/pdfplus/1807174.pdf>

Domar E.D. 1946. Capital Expansion, Rate of Growth, and Employment. *Econometrica*. 14(2). P. 137–147. DOI: 10.2307/1905364

Garcia-Macia D., Hsieh C. and Klenow P.J. 2019. How Destructive is Innovation? *Econometrica*. 87(5). P. 1507–1541. DOI: 10.3982/ecta14930

Greif A., Mokyr J. and Tabellini G. 2025. Culture and Social Organizations in the Great Reversal: Europe and China, 1000–2000. *SSRN Electronic Journal*. DOI: 10.2139/ssrn.5372122

Grossman G.M. and Helpman E. 1994. Endogenous Innovation in the Theory of Growth. *The Journal of Economic Perspectives*. 8(1). P. 23–44. DOI: 10.1257/jep.8.1.23

Guarini G. 2011. Innovation and Growth in the Grossman-Helpman's 1991 Model with Increasing Returns. *Economics Bulletin*. 31(1). P. 147–155. <https://econpapers.repec.org/article/eblecbull/eb-10-00707.htm>

Ha J. and Howitt P. 2007. Accounting for Trends in Productivity and R&D: A Schumpeterian Critique of Semi-Endogenous Growth Theory. *Journal of Money Credit and Banking*. 39(4). P. 733–774. DOI: 10.1111/j.1538-4616.2007.00045.x

Hall R.E. and Jones C.I. 1999. Why Do Some Countries Produce So Much More Output Per Worker than Others? *The Quarterly Journal of Economics*. 114(1). P. 83–116. DOI: 10.1162/003355399555954.

Harrod R.F. 1939. An Essay in Dynamic Theory. *Economic Journal*. 49(193). P. 14–33.

Mokyr J. 1990a. *The Lever of Riches*. Oxford University Press eBooks.

Mokyr J. 1990b. Punctuated Equilibria and Technological Progress. *The American Economic Review*. 80(2). P. 350–354.

Mokyr J. 1992. Technological Inertia in Economic History. *The Journal of Economic History*. 52(2). P. 325–338.

Mokyr J. 1994. Cardwell's Law and The Political Economy of Technological Progress. *Research Policy*. 23(5). P. 561–574. DOI: 10.1016/0048-7333(94)01006-4.

Mokyr J. 2002. *The Gifts of Athena: Historical Origins of the Knowledge Economy*. Princeton, New Jersey, U.S.: Princeton University Press.

Mokyr J. 2005a. The Intellectual Origins of Modern Economic Growth. *The Journal of Economic History*. 65(2). P. 285–351.

Mokyr J. 2005b. Long-Term Economic Growth and the History of Technology. P. Aghion and S.N. Durlauf (eds.). *Handbook of Economic Growth*. P. 1113–1180. Amsterdam, The Netherlands: North-Holland.

Mokyr J. 2009. *The Enlightened Economy: An Economic History of Britain 1700–1850*. New Haven, Connecticut, U.S.: Yale University Press.

- Mokyr J. 2016. *A Culture of Growth: The Origins of the Modern Economy*. Economics Books.
- Mokyr J. 2025. Culture versus Institutions in the Great Enrichment. Ménard C., Shirley M.M. (eds). *Handbook of New Institutional Economics*. Springer, Cham. DOI: 10.1007/978-3-031-50810-3_34
- Phelps E.S. 1980. Investment in Humans, Technological Diffusion, and Economic Growth. *Elsevier eBooks*. P. 133–139. DOI: 10.1016/b978-0-12-554002-5.50015-7
- Romer P.M. 1989. Endogenous Technological Change. *The Journal of Political Economy*. 98(5). Part 2: The Problem of Development: A Conference of the Institute for the Study of Free Enterprise Systems. October. 1990. P. 71–102 DOI: 10.3386/w3210
- Romer P.M. 1994. The Origins of Endogenous Growth. *The Journal of Economic Perspectives*. 8(1). P. 3–22. DOI: 10.1257/jep.8.1.3
- Scopelliti A. 2009. Competition and Economic Growth: an Empirical Analysis for a Panel of 20 OECD Countries. University Library of Munich, Germany, MPRA Paper. 20127, posted 19 January 2010. <http://mpra.ub.uni-muenchen.de/20127/>
- Schumpeter J.A. 1942. *Capitalism, Socialism, and Democracy*. New York, U.S.: Harper & Brothers.
- Schumpeter J.A. 1954. *History of Economic Analysis*. New York, U.S.: Oxford University Press.
- Silverberg G. and Verspagen B. 2004. A Percolation Model of Innovation in Complex Technology Spaces. *Journal of Economic Dynamics and Control*. 29(1–2). P. 225–244. DOI: 10.1016/j.jedc.2003.05.005
- Solow R.M. 1956. A Contribution to the Theory of Economic Growth. *The Quarterly Journal of Economics*. 70(1). P. 65–94. DOI: 10.2307/1884513
- Temin P. 2012. *The Roman Market Economy*. New Jersey. U.S.: Princeton University Press.
- Van Elk R., Ter Weel B., Van Der Wiel K. and Wouterse B. 2019. Estimating the Returns to Public R&D Investments: Evidence from Production Function Models. *De Economist*. 167(1). P. 45–87. DOI: 10.1007/s10645-019-09331-3
- Vaslavskiy Y.I. 2023. Theoretical Interpretation of the Role and Place of Private Companies in the Processes of System Formation in the Economy. *Economics of Contemporary Russia*. №1. P. 48–62. DOI: 10.33293/1609-1442-2023-1(100)-48-62
- Zachariadis M. 2003. R&D, Innovation, and Technological Progress: A Test of the Schumpeterian Framework without Scale Effects. *Canadian Journal of Economics/Revue Canadienne D Économique*. 36(3). P. 566–586. DOI: 10.1111/1540-5982.t01-2-00003
- Zilibotti F., Aghion P., Howitt P. and Garcia-Penalosa C. 1999. Endogenous Growth Theory. *Canadian Journal of Economics/Revue Canadienne D Économique*. 32(5). P. 1338–1341. DOI: 10.2307/136487
- Katukov D.D., Malygin V.E., Smorodinskaya N.V. 2019. Faktor sozidatel'nogo razrusheniya v sovremennyh modelyakh i politike ekonomicheskogo rosta [The Factor of Creative Destruction in Modern Economic Growth Models and Growth Policy]. *Voprosy Ekonomiki*. №7. P. 95–118. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-7-95-118 (In Russian)
- Kuznecov V.I. 2021. Analiz ekonomiki Kitaya v XXI veke [Analysis of China's Economy in the 21st Century]. *Statistika i ekonomika*. 18(2). P. 57–70. DOI: 10.21686/2500-3925-2021-2-57-70. (In Russian)
- Samovoleva S.A. 2022. Radikal'nye i inkremental'nye innovacii: osnovnye harakteristiki i problemy razgranicheniya [Radical and Incremental Innovations: Difficulties in Definition and Differentiation]. *Upravlenie naukoj: teoriya i praktika*. 4(4). P. 117–134. DOI: 10.19181/smtp.2022.4.4.7. (In Russian)

Moiseev S.R. 2018. «Renessans» monetarizma: chem zhila znamenitaya teoriya v 2000–2018 godah [Monetarism's "Renaissance": How The Well-Known Theory Lived in 2000–2018]. *Voprosy Ekonomiki*. P. 26–44. DOI: 10.32609/0042-8736-2018-1-26-44 (In Russian)

Vaslavskij Ya.I., Vaslavskaya I.Yu. 2024. O vozmozhnostyah realizacii preimushchestv chetvyortoj promyshlennoj revolyucii v sistemoobrazovanii ekonomiki i obshchestva [On the Possibilities of Realizing the Advantages of the Forth Industrial Revolution in the System Formation of the Economy and Society]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 1(189). P. 77–86. DOI: 10.24158/tipor.2024.1.9. (In Russian)

Veselov D.A. 2026. Istochniki ustojchivogo rosta (Nobelevskaya premiya po ekonomike 2025 goda) [The sources of sustainable growth (Nobel Memorial Prize in Economic Sciences 2025)]. *Voprosy ekonomiki*. №1. P. 5–22. DOI: 10.32609/0042-8736-2026-1-5-22. (In Russian)

Список литературы на русском языке

Ваславский Я.И., Ваславская И.Ю. 2024. О возможностях реализации преимуществ четвёртой промышленной революции в системообразовании экономики и общества. *Теория и практика общественного развития*. 1(189). С. 77–86. DOI: 10.24158/tipor.2024.1.9.

Веселов Д.А. 2026. Источники устойчивого роста (Нобелевская премия по экономике 2025 года). *Вопросы экономики*. №1. С. 5–22. DOI: 10.32609/0042-8736-2026-1-5-22.

Катуков Д.Д., Малыгин В.Е., Смородинская Н.В. 2019. Фактор созидательного разрушения в современных моделях и политике экономического роста. *Вопросы экономики*. №7. С. 95–118. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-7-95-118

Кузнецов В.И. 2021. Анализ экономики Китая в XXI веке. *Статистика и экономика*. 18(2). С. 57–70. DOI: 10.21686/2500-3925-2021-2-57-70.

Моисеев С.Р. 2018. «Ренессанс» монетаризма: чем жила знаменитая теория в 2000–2018 годах. *Вопросы экономики*. №1. С. 26–44. DOI: 10.32609/0042-8736-2018-1-26-44

Самоволева С.А. 2022. Радикальные и инкрементальные инновации: основные характеристики и проблемы разграничения. *Управление наукой: теория и практика*. 4(4). С. 117–134. DOI: 10.19181/smtp.2022.4.4.7.

Международная торговля товарами и услугами ИКТ: опыт стран ССАГПЗ

Л.В. Шкваря¹, А.В. Федорченко²

¹ Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова

² Института востоковедения РАН

В условиях глобальной цифровой трансформации страны Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) всё активнее вовлекаются в международную торговлю товарами и услугами ИКТ, стремясь диверсифицировать свою экономику, традиционно зависимую от экспорта углеводородов. Цель данного исследования состоит в выявлении ключевых направлений, масштабов и специфики участия государств – членов ССАГПЗ в трансграничной торговле товарами и услугами ИКТ. Исследовательский вопрос сформулирован следующим образом: каковы современные тренды, драйверы и барьеры развития трансграничной торговли товарами и услугами ИКТ в странах ССАГПЗ, и какую роль она играет в реализации национальных стратегий экономического развития. Методологическая база исследования включает комплексный анализ статистических данных международных организаций, отчётов отраслевых агентств и эмпирических материалов по странам региона. В работе использованы методы сравнительного анализа, экономико-статистической обработки временных рядов для оценки динамики соответствующих внешнеторговых потоков в странах-участниках. Результаты проведённого анализа свидетельствуют о том, что государства ССАГПЗ, располагая финансовыми возможностями, активно расширяют своё участие на региональном и глобальном уровнях в торговле товарами и услугами ИКТ, которая оценивается ими сейчас как средство повышения эффективности и устойчивости национальных экономик. Исследование выявило как успехи (рост ассортимента и партнёрских связей), так и трудности (в том числе дифференциацию процессов цифровизации в регионе), с которыми сталкивается рассматриваемая группа стран в развитии цифрового сегмента внешней (международной) торговли. Для преодоления трудностей, по нашему мнению, первостепенное значение приобретает усиление административного потенциала на страновом уровне и в рамках ССАГПЗ, что может стимулировать развитие цифрового торгового сотрудничества на региональном уровне и с внерегиональными партнёрами. Значимость полученных выводов обусловлена их практической ценностью для разработки скоординированной политики ССАГПЗ в сфере развития международной торговли в цифровом сегменте. Кроме того, результаты вносят вклад в академическую дискуссию о развитии цифрового сегмента международной торговли на примере одного из наиболее динамично развивающихся регионов мира с высокой степенью зависимости от иностранных технологий.

УДК: 339.5:004(532+535+536)

Поступила в редакцию: 02.02.2026

Принята к публикации: 25.05.2026

Ключевые слова: ССАГПЗ, международная торговля, цифровизация, товары ИКТ, услуги ИКТ, цифровая торговля, мировая экономика, международная экономическая интеграция, цифровое взаимодействие

Цифровизация выступает одним из наиболее фундаментальных трендов мирового развития (Красных 2022; Купчишина 2018; Смирнов 2026) и может обеспечить долгосрочные положительные эффекты для стран и регионов в различных сферах – технологической (Акимов 2019; Андреева 2020; Edquist et al. 2019), экономической (Мельянцев 2020), интеграционной (Валиахметова, Цуканов 2022), гуманитарной (Нуреев 2021), политической, экологической, в том числе как возможность стимулирования ВИЭ (Alharbi, Csala 2020) и формирования (включения) в новые «цифровые» цепочки поставок (Fu 2020). Эта тенденция активно распространяется на все составляющие процесса общественного воспроизводства – производство, распределение, обмен и потребление – и заметно активизируется в сфере торговли, особенно международной (Шкваря, Фролова 2022), сохраняя приоритетное значение и для государств с развивающимися рынками, перед которыми открывается возможность преодолеть традиционное отставание (Leão et al. 2023). Цифровая торговля – это глобальный тренд, трансформирующий мировую экономику, меняющий подходы к общественному – глобальному и страновому – воспроизводству товаров и услуг как непрерывному циклическому процессу.

Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) переживает сложный период с точки зрения развития социально-экономической, политической ситуации и международной торговли, хотя нестабильность на региональном уровне не является чем-то новым и необычным. Даже на фоне мирового энергоперехода попытки глобальных акторов поставить эти ресурсы под внешний контроль не ослабевают (Исаев 2013; Колпаков и др. 2023; Филоник, Батурина 2022). В условиях обострения геополитических конфликтов, особенно в первой половине 2026 г., а также сохранения глобальной тенденции к декарбонизации (Филоник, Батурина 2022), страны региона остро заинтересованы в том, чтобы сформировать и укрепить на длительную перспективу ненефтяные основы экономического роста и, соответственно, свои позиции в международном разделении труда (Филоник 2020).

В ССАГПЗ с энтузиазмом относятся к цифровизации, её встраиванию в национальную экономику, включению в мировые цифровые процессы, использованию цифровой трансформации для обеспечения социально-экономического прогресса, что отражено в ряде стратегических документов и планов на государственном уровне и в рамках объединения в целом, и их политика в этом направлении носит систематический и перспективный характер (Асмятуллин 2025). В регионе не вызывает вопросов и не рассматривается

как препятствие то обстоятельство, что практически все технологии, научные исследования (особенно фундаментальные), кадры (включая разработчиков, инженеров и др.) в основном привлекаются извне – через трансфер технологий (Соловьёва 2020), деятельность особых экономических зон (Бирюков, Бирюкова 2016) и фундаментальных проектов, как, например, NEOM. Значительные финансовые ресурсы в форме экспортной выручки за углеводороды, накопленные на протяжении более чем полувека и поступающие в настоящее время (Русакович 2019), позволяют странам ССАГПЗ находиться в русле новейших векторов цифровизации и инвестировать солидные средства в её наиболее современные и перспективные достижения, нарабатывая новые конкурентные преимущества (Айдрус 2026). При этом большое, а возможно, и определяющее, значение обретает международная торговля в цифровом сегменте – как с точки зрения импорта цифровых технологий и услуг, так и с точки зрения перспектив их производства и экспорта в страны региона и арабского мира в целом, формируя в этом процессе собственные тренды, нарабатывая специфику, прежде всего товарно-географическую, укрепляя свои позиции в перспективном и респектабельном сегменте мировой торговли.

Важно охарактеризовать эти тренды и определить имеющиеся достижения, особенно с учётом их дальнейшей эволюции (Крылов, Федорченко 2022) применительно к странам ССАГПЗ.

Материалы и методы

Исследование базируется на аналитических данных российских исследователей, а также на международных базах ЮНКТАД. Метод статистического анализа позволил выявить особенности торговли товарами и услугами ИКТ стран ССАГПЗ. В соответствии с международной статистической методологией цифровая торговля охватывает операции, заказанные и/или доставленные в цифровой форме, и не тождественна торговле товарами ИКТ (IMF et al. 2023). Поэтому в эмпирической части мы исследуем международную торговлю ССАГПЗ товарами ИКТ и услугами ИКТ, т. к. именно эти аспекты позволяют понять вектор диверсификации и цифровизации экономики региона ССАГПЗ. Период исследования охватывает 2015–2024 гг.; при этом для сопоставления всех шести стран по товарам ИКТ последним полным годом является 2023 г., поскольку за 2024 г. данные представлены только по Саудовской Аравии и ОАЭ. Статистика услуг ИКТ также неполна и охватывает Бахрейн, Кувейт, Оман и ОАЭ.

В научной литературе существует значительное количество исследований, посвящённых странам ССАГПЗ как субъектам мировой экономики и политики. Авторы изучают и систематизируют тенденции социально-экономического развития стран ССАГПЗ (Мельянцев 2020; Филоник 2020), их позиций в мире и макрорегионе (включая степень глобальной конкурентоспособности

национальных экономик) (Айдрус 2026), их исключительной роли ключевых экспортёров углеводородов и в целом положения на мировых рынках (Хромова 2023; Бирюков, Бирюкова 2016). Наряду с этим появляется всё больше научных работ, анализирующих специфику цифровых процессов в регионе (Акимов 2019; Асмятуллин 2025), а также факторы их углубления и совершенствования (Русакович 2019; Соловьёва 2020).

Однако на сегодня практически нет научных наработок, которые раскрывали бы особенности трансграничной торговли странами ССАГПЗ цифровыми продуктами и перспективы развития этого сегмента их внешнеторговой деятельности. Кроме того, в применении к цифровому сегменту теории международной торговли (например, теория фрагментации производства, концепции «цифрового суверенитета»), хотя и помогают анализировать международную торговлю стран ССАГПЗ в цифровом сегменте, но их применение не носит прямолинейного характера, а скорее позволяет объяснить различные аспекты, в том числе и противоречия, с которыми сталкиваются страны региона в данной сфере. Авторы статьи стремятся сократить этот пробел. Кроме того, сложившаяся в регионе ситуация нуждается в формировании и разработке в перспективе новой теоретической рамки, которая позволила бы объяснить выявленные закономерности, что делает исследование перспективным с научной и теоретической точек зрения.

Страны ССАГПЗ: анализ внешней торговли

Страны ССАГПЗ на протяжении длительного периода остаются важнейшими участниками международной торговли, традиционно выступая крупнейшими в мире экспортёрами энергоресурсов. Приток валютной выручки обеспечивает устойчивое и высокое положительное сальдо внешнеторгового баланса (см. табл. 1 и рис. 1).

Таблица 1. Динамика торговых потоков стран ССАГПЗ в 2015–2024 гг., млн долл.
Table 1. Dynamics of trade flows of the GCC countries in 2015–2024, million dollars

	2015	2020	2021	2022	2023	2024
Экспорт						
Бахрейн	16540	14066	22369	30194	24814	24278
Катар	77971	51504	87203	130964	97751	94286
Кувейт	54122	40116	63128	99985	83981	75993
ОАЭ	300477	335297	425160	515621	570245	603646
Оман	31927	33479	44591	66063	59011	63016
КСА	203550	173854	276179	411184	320018	305499
ССАГПЗ, совокупный экспорт	684587	648316	918630	1254011	1155820	1166718
Импорт						
Бахрейн	12408	12683	14188	15537	15367	15610
Катар	32610	25835	27985	33479	31431	35802

Окончание таблицы 1.

	2015	2020	2021	2022	2023	2024
Импорт						
Кувейт	30963	27738	31889	34568	37490	37063
ОАЭ	263417	246961	347529	420493	470536	543887
Оман	29007	28507	30995	38573	38775	43464
КСА	174676	137997	152849	189877	206940	232806
ССАГПЗ, совокупный импорт	543081	479721	605435	732527	800539	908632

Источник: составлено по данным ЮНКТАД. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.TradeMerchTotal> (accessed 17.08.2026)

Как видно из табл. 1, как совокупный экспорт, так и совокупный импорт ССАГПЗ увеличились в 1,7 раза. По мнению исследователей, и с этим (на период исследования) можно согласиться, во многом именно благодаря внешней торговле в странах региона поддерживается социально-экономический и технический прогресс, обеспечивается устойчивое и престижное положение в мире, особенно в арабском. Особо следует отметить оказание в рамках региона развитыми странами официальной помощи развитию и инвестирование в менее развитые экономики (Хромова 2023).

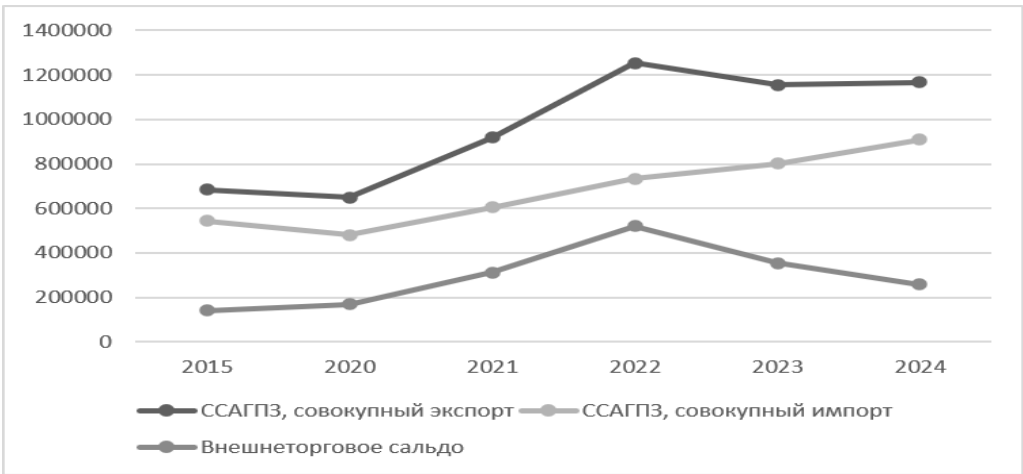

Рисунок 1. Изменение стоимостных объёмов экспорта, импорта и совокупного сальдо в ССАГПЗ в 2015–2024 гг., млн долл.

Figure 1. Change in the value of exports, imports and the total balance in the GCC in 2015–2024, million dollars.

Примечание: учтён весь объём внешней торговли стран ССАГПЗ, включая региональную торговлю.

Источник: составлено по данным табл. 1.

В настоящее время сложившаяся в сфере внешней торговли ситуация (положительное внешнеторговое сальдо и его высокая волатильность как одна из традиционных характеристик и проблем стран данной группы) требует пересмотра основ экономического роста. Во-первых, «рентная» модель

перестала соответствовать экономическим интересам данной группы государств, т. к. не обеспечивает устойчивость социально-экономического развития из-за растущей нестабильности и разбалансированности мирового рынка и высоких рисков мировой экономики, таких как геополитическая и региональная напряжённость, негативно влияющая на возможность углеводородного экспорта стран ССАГПЗ, особенно с началом американской агрессии против Ирана, растущие разногласия между странами в мировой торговле, увеличивающиеся (в том числе для стран региона) климатические и технологические риски и др. Во-вторых, активное движение стран мира к постнефтяному и экологическому развитию способно в перспективе подорвать основы благополучия «аравийских» монархий, и последние стремятся, в том числе посредством внешней торговли, найти новое место в сфере мировой энергетики, которая во многом будет базироваться на цифровых возможностях (Филоник и др. 2017). И наконец, в условиях геополитического обострения в регионе в 2026 г., повлекшего за собой нарушение логистики через Ормузский пролив, спровоцировавшего повреждение инфраструктуры, обусловившего рост издержек и снижение инвестиционной привлекательности региона, а главное – резко негативно повлиявшего на энергетические секторы и торговлю, странам ССАГПЗ жизненно важно сфокусироваться на цифровых аспектах развития.

Современные глобальные и региональные вызовы ставят правительства и бизнес-сообщества стран ССАГПЗ перед необходимостью активизировать цифровые проекты (строительство дата-центров, внедрение систем кибербезопасности, реализация ИИ-стратегий), а также и цифровую торговлю с региональными и внерегиональными партнёрами. Можно говорить и о том, что возникает мультипликативный эффект: рост в традиционных секторах (производство, услуги) даёт толчок развитию местного ИТ-сектора и создаёт спрос на цифровые решения для повышения эффективности, что стимулирует торговлю ИКТ-товарами и цифровыми услугами.

Глобальные процессы международной торговли в цифровом сегменте характеризуются ростом стоимостных объёмов. Причём международная торговля в этом сегменте испытывает заметное влияние глобальных факторов: COVID-19, геополитические и геоэкономические вызовы и угрозы оказывали существенное негативное воздействие на общую динамику. Это позволяет говорить о неустойчивости динамики международной торговли в данном сегменте, стремящейся тем не менее к увеличению глобальных потоков.

Трансграничная торговля товарами ИКТ, её база и динамика

База для экспорта и импорта в цифровом сегменте в регионе уже сформировалась (Albous, Lacheret 2025), что подтверждают и статистические данные относительно стоимостных объёмов торговли товарами ИКТ стран ССАГПЗ, и их изменения в направлении роста товарообмена в данном сегменте (табл. 2).

Стоит помнить, что ССАГПЗ представляет собой общий рынок и таможенный союз, облегчающие перемещение товаров между странами; при этом режим зависит от происхождения товара и соблюдения таможенных правил. Но ОАЭ и сами по себе стали конкурентным рынком и центром ИКТ-индустрии.

Таблица 2. Динамика экспорта и импорта ИКТ-товаров стран ССАГПЗ в 2015–2024 гг., млн долл.
Table 2. Dynamics of exports and imports of ICT goods in the GCC countries in 2015–2024, million dollars

	2015	2020	2021	2022	2023	2024
Экспорт						
Бахрейн	559	129	163	151	180	...
Кувейт	83	78	94	120	221	...
Оман	51	255	206	233	371	...
Катар	0	0	4	2	0	...
КСА	327	513	1158	1790	3156	6878
ОАЭ	7535	30336	35829	38597	42737	35608
Совокупный экспорт товаров ИКТ ССАГПЗ	8555	31311	37454	40893	46665	42486*
Мир	1879356	2335617	2814625	2901949	2672140	2943526
Импорт						
Бахрейн	755	673	681	607	797	...
Кувейт	2535	2239	2188	2382	2564	...
Оман	906	1511	1333	1318	1481	...
Катар	1849	1484	1724	1682	1743	...
КСА	13053	10565	11329	11661	13333	16373
ОАЭ	14003	32640	42263	46883	62565	60579
Совокупный импорт товаров ИКТ ССАГПЗ	33101	49112	59518	64533	82483	76952*
Мир	2064725	2551458	3081256	3164161	2902363	3213723

Примечание: учитывается весь объём внешней торговли стран ССАГПЗ, включая региональную торговлю. За 2024 г. данные по странам ССАГПЗ представлены только для Саудовской Аравии и ОАЭ; совокупные показатели за этот год являются суммой доступных наблюдений и несопоставимы с предыдущими годами.
Источник: составлено по данным ЮНКТАД. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.IctGoodsValue> (accessed 17.08.2026)

Как видно из табл. 2, за 2015–2023 гг. совокупный экспорт товаров ИКТ стран ССАГПЗ вырос в 5,45 раза, тогда как мировой экспорт – в 1,42 раза; импорт стран ССАГПЗ увеличился в 2,49 раза при росте мирового импорта в 1,41 раза. Это свидетельствует об опережающей динамике торговли товарами ИКТ в странах объединения, хотя и при сохранении некоторых барьеров в этом процессе (Massalha 2025). В мировом товарообороте ИКТ ССАГПЗ всё ещё не занимают сколько-нибудь заметного места, а их торговля остаётся весьма волатильной (см. рис. 2). Торговое сальдо стран ССАГПЗ в данном товарном сегменте на протяжении исследуемого периода оставалось отрицательным: дефицит вырос с 24,546 млрд долл. в 2015 г. до 35,818 млрд долл. в 2023 г., хотя коэффициент покрытия импорта экспортом повысился с 25,8 до 56,6%. Это говорит

о сохраняющейся зависимости ССАГПЗ от импорта товаров ИКТ, мирового рынка и основных внешнеторговых партнёров в данном сегменте.

Импорт товаров ИКТ в ССАГПЗ (трансфер иностранных технологий, прежде всего в свободные экономические зоны) остаётся основой инновационного и цифрового развития.

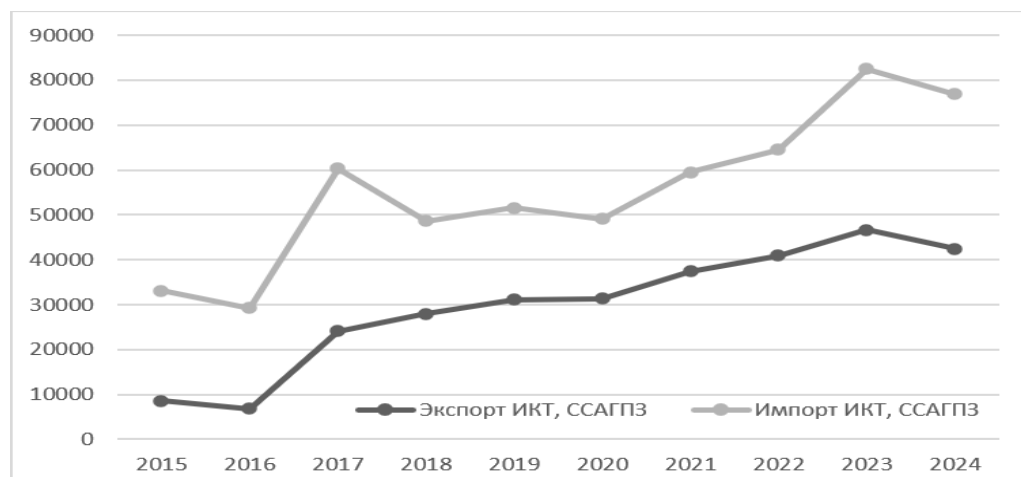

Рисунок 2. Динамика экспорта и импорта ИКТ-товаров стран ССАГПЗ в 2015–2024 гг., млн долл.

Figure 2. Dynamics of exports and imports of ICT goods from the GCC countries in 2015–2024, million dollars.

Источник: составлено по данным табл. 2. Примечание: показатели за 2024 г. включают только Саудовскую Аравию и ОАЭ и несопоставимы с предшествующими годами.

Обращает на себя внимание, что, согласно статистике ЮНКТАД, в 2023 г. на ОАЭ приходилось 91,6% экспорта товаров ИКТ из ССАГПЗ и 75,9% соответствующего импорта. Правда, здесь мы можем говорить о процессах реэкспорта, т. к. ОАЭ выступают торговым хабом вследствие особенностей организации его рынка и экономики в целом. Второе место занимает Саудовская Аравия, остальные страны далеко отстают от двух лидеров. Другими словами, в ССАГПЗ имеет место заметная дифференциация стран по уровню торговли товарами ИКТ.

Такое положение стало результатом целенаправленных усилий государства. Так, в «ОАЭ был создан специальный Фонд развития ИКТ, осуществляющий поощрение предпринимательства в этой сфере и взаимодействия научных и коммерческих структур с целью становления сферы ИКТ в качестве самостоятельной национальной отрасли экономики. Наряду с этим был учреждён и специальный венчурный фонд по развитию ИКТ, функционирующий на основе исламских экономических принципов (Injazat Technology Fund E.C.), с капиталом в 50 млн долл. Его цель также состоит в выведении на коммерческий уровень соответствующих проектов» (Гукасян 2015).

В стране функционирует несколько свободных экономических зон (СЭЗ), в том числе Dubai Internet City (с 1999 г.), Dubai Media City (с 2000 г.) и Dubai Silicon Oasis (с 2005 г.), специализирующихся на индустрии ИКТ. Они действуют как международные центры ИКТ-технологий, привлекая крупнейших мировых разработчиков и производителей. Для зарегистрированных в них компаний предусмотрены таможенные льготы и возможность полной репатриации прибыли и капитала. Нулевая ставка корпоративного налога применяется к квалифицируемому доходу компаний, отвечающих установленным требованиям; иной налогооблагаемый доход облагается по ставке 9%¹.

В этой связи можно согласиться с экспертами, полагающими: «Проводимая ОАЭ политика создания инновационных, предпринимательских, научных и промышленных кластеров с активным привлечением специалистов из разных стран позволила стране совершить рывок в данном направлении и оставить другие страны блока позади»². Этот вывод косвенно подтверждают и эмпирические данные.

Экспорт ИКТ-товаров: география и товарная структура

Важное значение для характеристики участия стран ССАГПЗ в мировой торговле ИКТ-товарами имеет географическая и товарная структура этой торговли. География экспорта ИКТ из ССАГПЗ представлена нами в табл. 3. Статистические данные демонстрируют, что к концу рассматриваемого периода основная доля экспорта товаров ИКТ из стран ССАГПЗ приходилась на государства Западной Азии: в 2023 г. её доля составила 73,8%. В регионе растёт спрос на решения в области анализа данных, облачных вычислений, кибербезопасности, а также Интернета вещей в строительстве, на транспорте и в различных отраслях промышленности, в том числе энергетике, химической индустрии и др.

Таблица 3. География экспорта ИКТ: основные регионы – партнёры ССАГПЗ, 2015–2024 гг., млн долл.
Table 3. The geography of ICT exports: the main GCC partner regions, 2015–2024, million dollars

Страна / в том числе	2015	2020	2021	2022	2023	2024
Бахрейн	559	129	163	151	180	...
Азия	531	116	117	143	158	...
Западная Азия	530	111	100	132	142	...
Кувейт	83	78	94	120	221	...
Азия	79	71	94	120	221	...
Западная Азия	77	67	...			...

¹ Federal Tax Authority. Federal Tax Authority Issues Corporate Tax Guide on Free Zone Persons. URL: <https://tax.gov.ae/en/media.centre/news/federal.tax.authority.issues.corporate.tax.guide.on.free.zone.persons.aspx> (accessed 30.08.2026)
² Лазовский С. Инновации Персидского залива. *Стимул*. URL: <https://stimul.online/articles/analytics/innovatsii-persidskogo-zaliva/> (дата обращения: 17.08.2026)

Окончание таблицы 3.

Страна / в том числе	2015	2020	2021	2022	2023	2024
Оман	51	255	206	233	371	...
Азия	38	247	207	200	354	...
Западная Азия	6	222	178	186	300	...
Катар	0	0	4	2	0	...
Азия	...	0	...			...
Западная Азия	...	0	4	0	...	...
Саудовская Аравия	327	513	1158	1790	3156	6878
Азия	252	380	1084	1656	3000	6550
Западная Азия	194	347	1054	1644	2986	6325
ОАЭ	7535	30336	35829	38597	42737	35608
Азия	5638	23424	26046	30567	39785	31256
Западная Азия	2834	14397	14528	26698	30998	29998
ЮВА	21	533	945	1123	1612	1845
Всего экспорт ИКТ	8555	31311	37454	40893	46665	42486*
Азия	6538	24238	27548	32686	43518	37806*
Западная Азия	3641	15144	15864	28660	34426	36323*

Источник: составлено по данным UNCTAD. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.IctGoodsValue> (accessed 17.08.2026) Примечание: итоговые показатели за 2024 г. включают только Саудовскую Аравию и ОАЭ.

Аравийские монархии экспортируют на мировой рынок различные товарные группы ИКТ (табл. 4), но существенно различаются между собой в этой сфере. В то же время структура экспорта стран сходная.

Таблица 4. Структура экспорта товаров ИКТ из стран ССАГПЗ: основные позиции в 2015–2024 гг., млн долл.
Table 4. Structure of ICT exports from the GCC countries: main positions in 2015–2024, million dollars

Страна	Товары	2015	2020	2021	2022	2023	2024
Бахрейн	Компьютеры и периферийные устройства	365	65	99	91	120	...
	Коммуникационное оборудование	80	46	51	48	48	...
	Бытовая электроника	94	10	10	8	8	...
	Электронные компоненты	10	8	3	4	4	...
Кувейт	Компьютеры и периферийные устройства	12	9	15	16	30	...
	Коммуникационное оборудование	66	60	68	91	166	...
	Бытовая электроника	5	9	11	13	25	...
	Электронные компоненты	0	0	0	0	0	...
Оман	Компьютеры и периферийные устройства	28	125	98	137	198	...
	Коммуникационное оборудование	9	95	75	79	152	...
	Бытовая электроника	13	35	33			...
	Электронные компоненты	1	0	0	17	21	...
Катар	Компьютеры и периферийные устройства	0	0	4	...	...	...
	Коммуникационное оборудование	...	...	...	...	...	...
	Бытовая электроника	...	...	...	...	...	...
	Электронные компоненты				...	...	...

Окончание таблицы 4.

Страна	Товары	2015	2020	2021	2022	2023	2024
КСА	Компьютеры и периферийные устройства	183	311	759	1198	2163	4566
	Коммуникационное оборудование	102	144	288	366	835	1456
	Бытовая электроника	26	34	73	137	102	533
	Электронные компоненты	16	24	38	89	56	323
ОАЭ	Компьютеры и периферийные устройства	5561	18556	24906	28357	31256	21989
	Коммуникационное оборудование	1051	8722	9917	8353	8402	8589
	Бытовая электроника	582	2670	371	362	544	2623
	Электронные компоненты	141	388	632	1525	2535	2407

Источник: составлено по данным ЮНКТАД. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.IctGoodsValue> (accessed 17.08.2026)

Существенную долю в структуре экспорта ИКТ из стран ССАГПЗ занимают компьютеры и периферийные устройства, а также коммуникационное оборудование и бытовая техника (см. табл. 4). Это говорит о наличии в регионе относительно новых направлений специализации и даже создании брендов в сфере производства ИКТ. В качестве примера можно привести предприятие Anigma Computers – бренд ОАЭ, специализирующийся на сборке игровых компьютеров. Компания была основана братьями-геймерами, которые вначале собирали игровые ПК в качестве хобби, а затем масштабировали свой опыт в бизнес. Деятельность компании включает продажу (в том числе за рубеж) готовых моделей, сборку ПК на заказ с возможностью выбора компонентов и комплектующих (процессор, видеокарта, объем оперативной памяти и др.). Предприятие использует комплектующие известных брендов, таких как Asus, MSI, EVGA и предоставляет покупателям гарантию на свою продукцию, а также принимает участие в программе Khalifa Fund, которая поддерживает местных предпринимателей в Абу-Даби³. Стоит отметить, что в рамках российско-эмиратского инвестиционного сотрудничества, имеющего немаловажное значение для обеих стран и определённый опыт (Шкваря 2011), в ОАЭ (г. Дубай) с 2023 г. функционирует HYPERPC Middle East – филиал российской компании HYPERPC. Компания специализируется на сборке высокопроизводительных компьютеров премиум-класса для геймеров и творческих профессионалов. Производство характеризуется использованием новейших компонентов, ориентировано на эргономичные решения и индивидуальные требования заказчика. В ассортименте компании представлены игровые модели (Lumen, Cyber, Dynamic), рабочие станции серии G Pro и эксклюзивные компьютеры Concept с системой водяного охлаждения. В офисе в Дубае есть производство и шоу-рум, где клиенты могут наблюдать за сборкой и ознакомиться с готовыми моделями. Компания предлагает услуги кастомизации, апгрейда, технического обслуживания и trade-in⁴.

³ Anigma Computers: www.anigma.com

⁴ HYPERPC Middle East: www.hyperpc.ae

Основными экспортёрами товаров ИКТ остаются ОАЭ и Саудовская Аравия (см. табл. 4), в то время как другие страны региона пока существенно отстают. За 2015–2024 гг. Саудовская Аравия увеличила экспорт компьютеров и периферийных устройств в 24,95 раза, хотя и уступая ОАЭ в стоимостных объёмах практически в 4,8 раза, а Эмираты увеличили вывоз данной продукции в 3,95 раза. Отметим, что темпы роста экспорта снижаются при наращивании его стоимостного объёма. В целом, как показывает наше исследование, в 2023 г. доля товаров ИКТ в общем экспорте стран ССАГПЗ составляла около 4%; в ОАЭ – около 7,5%, в КСА – около 1%, а в остальных странах – менее 1%.

Для повышения ненефтяных, в том числе цифровых, доходов страны ССАГПЗ реализуют различные государственные программы, например, Стратегия ОАЭ в области искусственного интеллекта, которая была запущена в октябре 2017 г.; *Vision 2030* в Саудовской Аравии с её составляющей *National Strategy for Data and Artificial Intelligence (NSDAI)*, воплощаемая в жизнь с 2020 г.; *Bahrain Vision 2030*, в рамках которой действует программа *National eGovernment Strategy*; «Digital Oman Strategy» и Национальная программа цифровой экономики, ориентированная на достижение целей *Oman Vision 2040* и др. Значительную роль в достижении этой цели играют суверенные инвестиционные фонды стран ССАГПЗ, такие как *Public Investment Fund (PIF)* в Саудовской Аравии, *Qatar Investment Authority* и др., которые развивают дата-центры, инвестируют в развитие ИИ-технологий и экосистем, поддерживают стартапы и привлекают глобальных технологических партнёров.

Импорт ИКТ-товаров и его специфика

На рынке импортированных товаров ИКТ в арабских монархиях представлены современное коммуникационное оборудование, компьютеры и периферийные устройства, бытовая электроника и электронные компоненты (табл. 5).

Таблица 5. Структура импорта товаров ИКТ в страны ССАГПЗ: основные позиции в 2015–2024 гг., млн долл.

Table 5. Structure of imports of ICT goods to the GCC countries: main positions in 2015–2024, million dollars

Страна	Товары	2015	2020	2021	2022	2023	2024
Бахрейн	Компьютеры и периферийные устройства	222	212	213	138	155	...
	Коммуникационное оборудование	435	364	402	407	575	...
	Бытовая электроника	86	85	54	50	56	...
	Электронные компоненты	12	12	12	12	11	...
Кувейт	Компьютеры и периферийные устройства	614	562	508	487	505	...
	Коммуникационное оборудование	1552	1290	1300	1386	1402	...
	Бытовая электроника	327	266	260	344	401	...
	Электронные компоненты	42	121	120	165	256	...

Окончание таблицы 5.

Страна	Товары	2015	2020	2021	2022	2023	2024
Оман	Компьютеры и периферийные устройства	234	283	343	257	275	...
	Коммуникационное оборудование	538	997	779	867	1002	...
	Бытовая электроника	120	177	144	123	125	...
	Электронные компоненты	14	54	67	71	79	...
Катар	Компьютеры и периферийные устройства	616	453	441	359	402	...
	Коммуникационное оборудование	1019	788	883	1032	1031	...
	Бытовая электроника	169	205	210	196	211	...
	Электронные компоненты	45	38	190	95	99	...
КСА	Компьютеры и периферийные устройства	2714	2551	2784	2717	2770	3900
	Коммуникационное оборудование	8762	6584	7142	7865	7601	11375
	Бытовая электроника	1389	1177	1184	979	860	985
	Электронные компоненты	188	253	219	100	102	113
ОАЭ	Компьютеры и периферийные устройства	3081	7928	9672	10023	11256	10003
	Коммуникационное оборудование	9281	20935	27945	31402	43857	44246
	Бытовая электроника	1437	3238	3910	4225	5520	5065
	Электронные компоненты	204	539	736	1233	1932	1265

Источник: составлено и рассчитано по данным UNCTAD URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.IctGoodsValue> (accessed 17.08.2026)

Анализируя данные табл. 5, можно констатировать, что коммуникационное оборудование остаётся крупнейшей статьёй импорта товаров ИКТ в большинстве стран ССАГПЗ. Вместе с тем динамика по отдельным странам различается, поэтому приведённые данные сами по себе не позволяют оценить соответствие поставок компьютеров ёмкости рынка или сделать вывод о соотношении электронной коммерции и собственного цифрового производства. Кроме того, следует принимать во внимание необходимость защиты информационных систем и критической инфраструктуры, которая поддерживает спрос на соответствующее оборудование и технологии.

Стоит отметить, что самый высокий в стоимостном выражении импорт компьютеров и периферии в ОАЭ сочетается с наиболее высоким в регионе экспортом товаров ИКТ. Однако агрегированные данные не позволяют установить, какая часть ввоза предназначена для внутреннего потребления, а какая – для реэкспорта.

К числу наиболее востребованных на рынках ССАГПЗ товаров сегмента ИКТ относятся:

- компьютерные и периферийные устройства – настольные персональные компьютеры (ПК), ноутбуки, принтеры, сканеры и другие устройства, использующиеся как в офисной среде, так и в домохозяйствах;
- мобильные устройства и аксессуары – смартфоны, планшеты, прочие гаджеты, а также связанные с ними аксессуары (чехлы, зарядные устройства, наушники и др.). Проникновение мобильной связи и его рост представляет собой очень ценный ресурс для правительств стран ССАГПЗ, на протяжении

ряда лет инвестирующих значительные ресурсы в развитие высококачественных государственных услуг на платформах «электронного правительства» (Abdullah et al. 2018; Belkhir 2025);

- программное обеспечение, включая лицензионные программы и операционные системы, такие как Microsoft Office, Adobe Creative Suite, Windows, MacOS и др.; Указанная позиция не входит в приведённую статистику торговли товарами ИКТ.

- системы безопасности, видеонаблюдения и контроля доступа – домофоны и другие устройства для обеспечения безопасности в офисах и жилищах;

- электроника для дома – телевизоры, аудиосистемы, игровые консоли, домашние кинотеатры и другие цифровые устройства для развлечения и комфорта;

- камеры и видеооборудование – фото- и видеокамеры, дроны и другие устройства для фото- и видеосъёмки;

- жёсткие диски, флэш-накопители и другие устройства для хранения и резервного копирования данных.

На рынках стран ССАГПЗ широко представлены крупные поставщики товаров и услуг ИКТ из США, КНР, Индии и ряда стран ЕС. Крупные американские компании (Apple, IBM, Microsoft, Cisco Systems, Oracle и др.) не только присутствуют, но и активно работают на этих рынках. Широкий спектр цифровых товаров и услуг реализуют китайские компании, включая крупнейшие – Huawei, ZTE, Tencent и Alibaba. Широко поставляет товары Индия, известная своей индустрией программного обеспечения и производством ИТ-услуг: Tata Consultancy Services (TCS), Infosys, Wipro, HCL Technologies стремятся расширить своё присутствие на рынках ССАГПЗ как поставщики цифровых товаров и услуг. Наконец, ряд европейских стран, в том числе Великобритания, Франция, Германия, также экспортируют в арабские монархии свои товары сегмента ИКТ. В регионе базируются давно занявшие свои рыночные ниши крупные ИТ-компании, такие как SAP, Siemens, Ericsson и др.

В то же время в цифровом сегменте ССАГПЗ сохраняются трудности и проблемы, обусловленные не только недостатком квалифицированной отечественной рабочей силы и инвестиций малого бизнеса, но и ограниченным доступом к новейшим технологиям. Например, страны ССАГПЗ не выделяют пока достаточных средств на проведение высококачественных исследований, несмотря на соответствующие декларации и деятельность университетов, СЭЗ и промышленных кластеров. Так, по приводимой в используемом источнике оценке, среднее значение этого показателя у ССАГПЗ составляет 0,6% ВВП, что существенно ниже среднего уровня стран ОЭСР⁵.

⁵ Лазовский С. Инновации Персидского залива. *Стимул*. URL: <https://stimul.online/articles/analytics/innovatsii-persidskogo-zaliva/> (дата обращения: 17.08.2026).

ССАГПЗ на рынке услуг ИКТ

Государства региона активно включаются в международную торговлю услугами ИКТ, и, хотя динамика неравномерна, в целом объёмы торговли услугами ИКТ растут (см. табл. 6). Участники объединения активно взаимодействуют в сфере услуг ИКТ с зарубежными производителями, предоставляющими региону свои решения, и с импортёрами, формируя взаимодействие как между бизнесом^{6, 7}, так и между бизнесом и государством, а также домохозяйствами⁸.

Таблица 6. Динамика международной торговли услугами ИКТ стран ССАГПЗ в 2015–2024 гг., млн долл.

Table 6. Dynamics of international trade in ICT services of the GCC countries in 2015–2024, million dollars

Страны	2015	2020	2021	2022	2023	2024
Экспорт						
Бахрейн	585	908	991	1410	1335	1407
Кувейт	3558	4293	4017	4609	5172	5472
Оман	83	236	241	260	367	...
ОАЭ	...	6698	7406	8005	8198	8596
Импорт						
Бахрейн	47	68	93	533	567	560
Кувейт	116	72	150	103	258	287
Оман	50	512	490	767	572	...
ОАЭ	1100	4302	4139	5279	4456	6946

Источник: составлено по данным UNCTADstat. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.TradeServICT> (accessed 17.08.2026)

Примечание: данные отсутствуют по Саудовской Аравии и Катару; по Оману нет данных за 2024 г.

Более того, если в сфере товаров ИКТ у ССАГПЗ сохраняется отрицательное сальдо торгового баланса, то в сфере услуг ИКТ положительное сальдо в представленные годы отмечалось у Бахрейна, Кувейта и ОАЭ; у Омана с 2020 г. оно было отрицательным (см. табл. 6). В регионе развивается финтех-сектор (в том числе в ОАЭ и Бахрейне) и, соответственно, функционируют цифровые банки (например, *ila Bank* в Бахрейне и *Al Hilal Bank* в ОАЭ), исламские цифровые банковские сервисы (*Nomo*, созданный *Boubyan Bank*, и *Ruya* в ОАЭ), а также цифровые финансовые компании (к примеру, *Emkan Finance* в Саудовской Аравии) (*Asmyatullin, Glavina 2025*). Эти структуры, создающие

⁶ Enterprise E-Commerce in The GCC: A Complete Guide for 2026. *Competenza innovare*. URL: <https://competenza.ae/blog/enterprise-e-commerce-in-the-gcc/> (accessed 17.08.2026)

⁷ How The Digital Commerce Law Reshapes E-Commerce Compliance in The GCC. *BRICS+ New Economy & LEGAL Infrastructure Center*. URL: <https://neweconomy.expert/publications/263214/> (accessed 17.08.2026)

⁸ What Ecommerce Digitization Will Look Like in UAE & GCC by 2026? *Colan Infotech*. URL: <https://colaninfotech.com/blog/gcc-ecommerce-trends-2026/> (accessed 17.08.2026)

престижные и высокооплачиваемые рабочие места для граждан стран ССАГПЗ, предоставляют цифровые банковские услуги и решения для финансового сектора. Вместе с тем статистика табл. 6 охватывает услуги ИКТ и не позволяет непосредственно измерить экспорт финансовых и финтех-услуг.

Благодаря развитой инфраструктуре и стратегическому географическому положению ОАЭ, в частности Дубай, выступают цифровым хабом и ключевым узлом торговли услугами ИКТ.

Помимо цифровых финансовых услуг, через цифровые платформы могут предоставляться образовательные услуги (образовательные онлайн-платформы и контент), а также услуги и решения в сфере «умных городов».

В странах объединения востребованы услуги по обеспечению кибербезопасности и защиты данных и критической инфраструктуры, а также решения в области искусственного интеллекта и облачных технологий. Однако использованная статистика услуг ИКТ не позволяет определить их доли или ранжировать страны-поставщики.

Среди проблем в сфере цифровой торговли следует упомянуть о высокой степени зависимости от иностранных технологий (что противоречит заявленному стремлению к цифровому суверенитету), нехватке отечественных квалифицированных кадров, собственных разработок и технологий. Сохраняются регуляторные вызовы в связи с поддержанием баланса между требованиями исламских норм (например, в финансовом секторе) и современными технологиями, а также цифровые разрывы на страновом и отраслевом уровнях.

Несмотря на наличие ряда проблем, цифровая торговля как элемент цифрового экономического развития выступает одним из приоритетных направлений в странах Залива – направлений, которые могут обеспечить новые и устойчивые финансовые потоки, престижную и высокооплачиваемую работу для молодых граждан стран региона (особенно в сфере цифровых услуг), диверсификацию и респектабельное положение странам региона в мировой системе хозяйства.

Заключение

В странах ССАГПЗ имеет место рост стоимостных объёмов торговли товарами ИКТ – по экспорту и по импорту – при сохранении отрицательного сальдо в данном сегменте, а также рост торговли услугами ИКТ, баланс которой различается по странам. Растёт потенциал развития в этом направлении при сохранении ряда противоречий и проблем. В частности, сохраняется зависимость от глобального рынка технологий, о чём свидетельствует рост объёма импорта товаров ИКТ при отрицательном сальдо регионального внешнеторгового баланса. В ССАГПЗ стремятся к формированию технологического суверенитета, хотя эта цель сложно достижима с учётом комплекса имеющихся региональных факторов, включая образовательные и другие аспекты.

В настоящее время позиции стран ССАГПЗ на мировом рынке товаров ИКТ скромны, объёмы торговли дифференцированы, сальдо торговли отрицательное.

Зафиксировано резкое усиление позиций ОАЭ и Саудовской Аравии за счёт расширения ассортимента и географии торговли товарами ИКТ с внерегиональными партнёрами.

Активизируется международная торговля услугами ИКТ; её сальдо различается по странам. Страны объединения рассматривают себя как региональный (а возможно, и не только) хаб в этой торговле.

Среди ограничений торговых процессов в цифровой сфере мы отмечаем значительную страновую и товарную дифференциацию, «пробелы» в законодательстве, включая лицензирование, а также недостаточную региональную координацию.

Цифровые процессы, в том числе и развитие внешней торговли в данном сегменте, стимулируют региональное сотрудничество. На уровне ССАГПЗ развивается координация национальных подходов в области искусственного интеллекта и цифровой трансформации. Страны Совета совместными усилиями стремятся переосмыслить национальные и региональные возможности в свете новых мировых процессов, что способствует более глубокому сотрудничеству в различных сферах.

Об авторах:

Людмила Васильевна Шкваря – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры мировой экономики ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова». 117997, Российская Федерация, Москва, Стремянный пер., 36. E-mail: destard@rambler.ru

Андрей Васильевич Федорченко – доктор экономических наук, профессор, старший научный сотрудник кафедры мировой экономики МГИМО МИД России, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. Российская Федерация, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76. E-mail: a.fedorchenko@inno.mgimo.ru

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 339.5:004(532+535+536)
Received: February 02, 2026
Accepted: May 25, 2026

International Trade in ICT Goods and Services: The Experience of the GCC Countries

 L.V. Shkvarya¹, A.V. Fedorchenko²
[DOI 10.24833/2071-8160-2026-4-109-61-82](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2026-4-109-61-82)

¹ Plekhanov Russian University of Economics

² Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences

Abstract: Digitalization and the expansion of cross-border exchanges involving information and communication technology (ICT) are becoming increasingly important for the modern global economy. The Gulf Cooperation Council (GCC) countries are actively involved in this process and seek to use digital technologies to diversify economies that remain dependent on hydrocarbon exports. This article examines the scale, dynamics, commodity structure, geographical orientation, and principal constraints of GCC trade in ICT goods and ICT services during 2015–2024. It distinguishes such trade from digital trade, which is defined by international statistical standards as trade that is digitally ordered and/or digitally delivered. The empirical analysis is based primarily on UNCTADstat data and applies comparative and descriptive analysis of time series, growth rates, trade balances, and country shares. Since 2024 data on ICT goods are available only for Saudi Arabia and the United Arab Emirates, 2015–2023 is the latest fully comparable period for the six GCC economies. During this period, GCC exports of ICT goods increased from US\$8.555 billion to US\$46.665 billion, or 5.45 times, while imports rose from US\$33.101 billion to US\$82.483 billion, or 2.49 times. The corresponding world increases were 1.42 and 1.41 times. The GCC share of world ICT-goods exports rose from 0.46% to 1.75%, and its share of imports from 1.60% to 2.84%. The regional trade deficit in ICT goods nevertheless widened from US\$24.546 billion to US\$35.818 billion, although the export-to-import coverage ratio improved from 25.8% to 56.6%. The results also reveal strong country differentiation. In 2023, the UAE accounted for 91.6% of GCC ICT-goods exports and 75.9% of imports; West Asia received 73.8% of regional exports. Data on ICT services are less complete and cover only Bahrain, Kuwait, Oman, and the UAE. Bahrain, Kuwait, and the UAE recorded positive balances in the reported years, whereas Oman had deficits from 2020 to 2023. The findings indicate rapid but highly concentrated growth, accompanied by continuing import dependence, uneven national capacities, and incomplete regional statistics. Greater policy coordination, statistical transparency, investment in skills, research, and domestic production would strengthen the contribution of ICT trade to economic diversification across the six member states collectively over time.

Keywords: GCC, international trade, ICT goods, ICT services, digitalization, digital trade, international economic integration

About the authors:

Lyudmila V. Shkvarya – Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of World Economy, Plekhanov Russian University of Economics. 117997, Russian Federation, Moscow, Stremyanny Lane, 36. E-mail: destard@rambler.ru

Andrey V. Fedorchenko – Doctor of Economics, Professor, Senior Researcher at the Department of World Economy, MGIMO University, and Leading Researcher at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. 119454 Moscow, Russian Federation. E-mail: a.fedorchenko@inno.mgimo.ru

Conflict of interests:

The authors declare the absence of conflict of interests.

References:

Abdullah A., Naser K., Fayez F. 2018. Obstacles toward Adopting Electronic Government in an Emerging Economy: Evidence from Kuwait. *Asian Economic and Financial Review*. 8(6). P. 832–842. DOI: 10.18488/journal.aefr.2018.86.832.842

Albous M.R., Alboloushi B., Lacheret A. 2025. The Future of AI in the GCC Post-NPM Landscape: A Comparative Analysis of Kuwait and the UAE. *Politics & Policy*. 53(6). P. e70084. DOI: 10.1111/polp.70084

Alharbi F.R., Csala D. 2020. GCC Countries' Renewable Energy Penetration and the Progress of Their Energy Sector Projects *Institute of Electrical and Electronics Engineers (IEEE)*. Vol. 8. P. 1986–2002. DOI: 10.1109/ACCESS.2020.3039936

Asmyatullin R.R., Glavina S.G. 2025. Digitalization as a Driving Force for Sustainable Development in the Persian Gulf Countries. *Unconventional Resources*. Vol. 8. P.100231. DOI: 10.1016/j.unres.2025.100231

Belkhir M. 2025. Embracing Digitalization to Accelerate Oman's Economic Transformation: Oman. *Selected Issues Papers*. 25(036). DOI: 10.5089/9798229008273.018

Edquist H., Goodridge J.P., Haskel J. 2019. The Internet of Things and Economic Growth in a Panel of Countries. *Economics of Innovation and New Technology*. 30(3). P. 1–22. DOI: 10.1080/10438599.2019.1695941

Fu X. 2020. Digital Transformation of Global Value Chains and Sustainable Post-Pandemic Recovery. *Transnational Corporations*. 27(2). P. 157–166. DOI: 10.18356/d30d9088-en

IMF, OECD, UNCTAD, WTO. 2023. Handbook on Measuring Digital Trade. Second Edition. Paris; Washington, D.C.; Geneva: OECD Publishing, International Monetary Fund, UNCTAD, WTO. 178 p. DOI: 10.1787/ac99e6d3-en

Leão P., Guinle G., Rocha T.N., Azevedo-Rezende L., Leme Fleury M.T. 2023. The Digitalization Phenomenon and Digital Strategies in Emerging Countries: A semi-Systematic Review. *RAM Revista de Administração Mackenzie*. 24(3). DOI: 10.1590/1678-6971/eramr230059.en

Massalha M. 2025. Drivers and Barriers to ICT Sector Development in the Gulf Cooperation Council: A Policy-Oriented Analysis. *Asian Development Policy Review*. 13(3). P. 336–359. DOI: 10.55493/5008.v13i3.5608

Aidrous I.A.Z. 2026. Analiz konkurentnyh preimushchestv OAE v mirovoj ekonomike s ispol'zovaniem modeli «Romb Portera» [Analysis of the UAE's Competitive Advantages in the Global Economy Using the Porter's Diamond Model]. *Russia and Asia*. 1(35). P. 63–73. (In Russian)

Akimov A.V. 2019. Perspektivy novykh tekhnologij v stranah Blizhnego Vostoka: osnovnye trendy i varianty razvitiya [Prospects of New Technologies in the Middle East: Main Trends and Development Options]. *Oriental analytics*. Is. 3. P. 7–17. (In Russian)

Andreeva E.L., Glukhikh P.L., Krasnykh S.S. 2020. Processy digitalizatsii kak drayver ekonomicheskogo razvitiya: opyt mirovyh i rossijskikh krupnejshih kompanij [Digitalization Processes As a Driver of Economic Development: Experience of the Global and Russian Largest Companies]. *Proceedings of the Far Eastern Federal University. Economics and management*. 2(94). P. 5–23. DOI: 10.24866/2311-2271/2020-2/5-23 (In Russian)

Asmyatullin R.R. 2025. Programmy cifrovoj transformatsii ekonomik Soveta sotrudnichestva arabskikh gosudarstv Persidskogo zaliva [Programs of Digital Transformation of Economies of the Cooperation Council for the Arab States of the Persian Gulf]. *Financial Management*. №1. P. 53–61. (In Russian)

Biryukov E.S., Biryukova O.V. 2016. Osoby ekonomicheskie zony stran SSAGPZ [Special Economic Zones of the GCC Countries]. *Asia and Africa today*. 11(712). P. 28–33. (In Russian)

Filonik A.O. 2020. Arabskij mir: starye disbalansy, novye vyzovy [The Arab World: Old Imbalances, New Challenges]. *East. Afro-Asian societies: History and modernity*. №2. P.106–118. DOI: 10.31857/S086919080009059-1 (In Russian)

Filonik A.O., Baturina V.N. 2022. The Arab World on the Verge of the Energy Transition: Challenges, Ambitions, and Limits to Growth. *Lomonosov World Politics Journal*. 14(2). P. 148–172. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-2-148-172. (In Russian)

Filonik A.O., Isaev V.A., Morozov V.M. 2017. Renewables in Development of the Arab East (Case of Solar energy). *MGIMO Review of International Relations*. 6(57). P. 143–160. DOI: 10.24833/2071-8160-2017-6-57-143-160 (In Russian)

Ghukasyan G.L. 2015. Sektor IKT v usloviyah modernizatsii ekonomik arabskikh stran – eksporterov nefti (novye tendencii) [The ICT Sector in the Context of Modernization of the Economies of Arab Oil Exporting Countries (New Trends)]. *T-Comm: Telecommunications and Transport*. №3. P. 76–81. (In Russian)

Isaev V.A. 2013. Resursnye vojny: nazad v budushchee [Resource Wars: Back to the Future]. *Asia and Africa today*. 2(667). P. 74–75. (In Russian)

Khromova N.G. 2023. The Arab Countries of the Persian Gulf as "New Donors" in the World Economy. *Asia and Africa today*. №6. P. 62–69. DOI: 10.31857/S032150750026138-3 (In Russian)

Kolpakov A.Yu., Zinchenko Yu.V., Galinger A.A. 2023. Perspektivy realizatsii scenariy mirovogo energoperekhoda [Prospects for the Implementation of the World Energy Transition Scenarios]. *Forecasting Problems*. 6(201). P. 138–150. DOI: 10.47711/0868-6351-201-138-150 (In Russian)

Krasnykh S.S. 2022. Teoreticheskie podhody k opredeleniyu sushchnosti cifrovizatsii i tendencii ee razvitiya v mirovoj ekonomike [Theoretical Approaches to Determining the Essence of Digitalization and Its Development Trends in the Global Economy]. *Russia and Asia*. 7(21). P. 87–96. (In Russian)

Krylov A.V., Fedorchenko A.V. 2022. Blizhnij Vostok pered licom staryh problem i novogo vyzova [Middle East in the Face of Old Problems and New Challenges]. *World Economy and international Relations*. 66(3). P. 33–43. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-3-33-43 (In Russian)

Kupchishina E.V. 2018. Evolyuciya koncepcij cifrovoj ekonomiki kak fenomena neoekonomiki [Evolution of Digital Economy Concepts as a Phenomenon of Neo-Economics]. *Public administration. Electronic bulletin*. №68. P. 426–444. (In Russian)

Melyantsev V.A. 2020. Long-term trends in the socio-economic development of Arab countries. *MGIMO Review of International Relations*. 13(5). P. 194–219. DOI: 10.24833/2071-8160-2020-5-74-194-219 (In Russian)

Nureyev R.M., Surkhaev I.D. 2021. Cifrovizatsiya ekonomiki: novaya rol' social'nyh setej [Digitalization of the Economy: the New Role of Social Media]. *Journal of Institutional Research*. 13(2). P. 6–26. DOI: 10.17835/2076-6297.2021.13.2.006-026 (In Russian)

Rusakovich V.I. 2019. Strany SSAGPZ: investicionnaya sostavlyayushchaya tekhnologicheskogo razvitiya [Investment Component of Technological Development of GCC Countries]. *Asia and Africa today*. №5. P. 34–40. DOI: 10.31857/S032150750004747-3 (In Russian)

Smirnov E.N. 2026. Trendy i parametry ustojchivosti global'noj cifrovoj ekonomiki [Trends and Sustainability Parameters of the Global Digital Economy]. *Russia and Asia*. 2(36). P. 6–25. (In Russian)

Solovyova Yu.V. 2020. Nacional'nye sistemy transfera tekhnologij stran – liderov tekhnologicheskogo razvitiya: regional'nye osobennosti stran Azii [National Technology Transfer Systems of the Leading Countries of Technological Development: Regional Features of Asian Countries]. *Asia and Africa today*. №8. P. 44–51. DOI: 10.31857/S032150750010450-7 (In Russian)

Shkvarya L.V. 2011. Rossiya i Strany Zaliva: Investicionnoe Sotrudnichestvo [Russia and the Gulf Countries: Investment Cooperation]. *Asia and Africa today*. 5(646). P. 18–23. (In Russian)

Shkvarya L.V., Frolova E.D. 2022. Comparative Analysis of Foreign Trade Development in the Digital Segment by World Regions. *The Economy of the Region*. 18(2). P. 479–493. DOI: 10.17059/ekon.reg.2022-2-13 (In Russian)

Valiakhetova G.N., Tsukanov L.V. 2022. Cifrovoy vyzov dlya arabskogo mira: faktor integracii ili differenciacii? [Digital Challenge for the Arab World: Integration or Differentiation Factor?] *Vestnik RUDN. International Relations*. 22(2). P. 303–319. DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-303-319 (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Айдрус И.А.З. 2026. Анализ конкурентных преимуществ ОАЭ в мировой экономике с использованием модели «Ромб Портера». *Россия и Азия*. 1(35). С. 63–73.

Акимов А.В. 2019. Перспективы новых технологий в странах Ближнего Востока: основные тренды и варианты развития. *Восточная аналитика*. Вып. 3. С. 7–17.

Андреева Е.Л., Глухих П.Л., Красных С.С. 2020. Процессы дигитализации как драйвер экономического развития: опыт мировых и российских крупнейших компаний. *Известия дальневосточного федерального университета. Экономика и управление*. 2(94). С. 5–23. DOI: 10.24866/2311-2271/2020-2/5-23

Асмятуллин Р.Р. 2025. Программы цифровой трансформации экономик Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива. *Финансовый менеджмент*. №1. С. 53–61.

Бирюков Е.С., Бирюкова О.В. 2016. Особые экономические зоны стран ССАГПЗ. *Азия и Африка сегодня*. 11(712). С. 28–33.

Валиахметова Г.Н., Цуканов Л.В. 2022. Цифровой вызов для арабского мира: фактор интеграции или дифференциации? *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения*. 22(2). С. 303–319. DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-2-303-319

Гуксян Г.Л. 2015. Сектор ИКТ в условиях модернизации экономик арабских стран – экспортеров нефти (новые тенденции). *Т-Сотт: Телекоммуникации и транспорт*. № 3. С. 76–81.

Исаев В.А. 2013. Ресурсные войны: назад в будущее. *Азия и Африка сегодня*. 2(667). С. 74–75.

Колпаков А.Ю., Зинченко Ю.В., Галингер А.А. 2023. Перспективы реализации сценариев мирового энергоперехода. *Проблемы прогнозирования*. 6(201). С. 138–150. DOI: 10.47711/0868-6351-201-138-150

Красных С.С. 2022. Теоретические подходы к определению сущности цифровизации и тенденции ее развития в мировой экономике. *Россия и Азия*. 7(21). С. 87–96.

Крылов А.В., Федорченко А.В. 2022. Ближний Восток перед лицом старых проблем и нового вызова. *Мировая экономика и международные отношения*. 66(3). С. 33–43. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-3-33-43

Купчишина Е.В. 2018. Эволюция концепций цифровой экономики как феномена неэкономии. *Государственное управление. Электронный вестник*. №68. С. 426–444.

Мельянцев В.А. 2020. Долгосрочные тренды социально-экономического развития арабских стран. *Вестник МГИМО-Университета*. 13(5). С. 194–219. DOI: 10.24833/2071-8160-2020-5-74-194-219

Нуреев Р.М., Сурхаев И.Д. 2021. Цифровизация экономики: новая роль социальных сетей. *Журнал институциональных исследований*. 13(2). С. 6–26. DOI: 10.17835/2076-6297.2021.13.2.006-026

Русакович В.И. 2019. Страны ССАГПЗ: инвестиционная составляющая технологического развития. *Азия и Африка сегодня*. №5. С. 34–40. DOI: 10.31857/S032150750004747-3

Смирнов Е.Н. 2026. Тренды и параметры устойчивости глобальной цифровой экономики. *Россия и Азия*. 2(36). С. 6–25.

Соловьёва Ю.В. 2020. Национальные системы трансфера технологий стран – лидеров технологического развития: региональные особенности стран Азии. *Азия и Африка сегодня*. №8. С. 44–51. DOI: 10.31857/S032150750010450-7

Филоник А.О. 2020. Арабский мир: старые дисбалансы, новые вызовы. *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. №2. С. 106–118. DOI: 10.31857/S086919080009059-1

Филоник А.О., Батурина В.Н. 2022. Арабский мир на пороге энергоперехода: вызовы, амбиции, пределы роста. *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*. 14(2). С. 148–172. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-2-148-172.

Филоник А.О., Исаев В.А., Морозов В.М. 2017. Возобновляемые источники энергии в развитии Арабского Востока (на примере становления гелиоэнергетики). *Вестник МГИМО-Университета*. 6(57). С. 143–160. DOI: 10.24833/2071-8160-2017-6-57-143-160

Хромова Н.Г. 2023. Арабские страны Персидского залива как «новые доноры» в мировом хозяйстве. *Азия и Африка сегодня*. №6. С. 62–69. DOI: 10.31857/S032150750026138-3

Шкваря Л.В. 2011. Россия – страны Залива: инвестиционное сотрудничество. *Азия и Африка сегодня*. 5(646). С. 18–23.

Шкваря Л.В., Фролова Е.Д. 2022. Компаративный анализ развития внешней торговли в цифровом сегменте по регионам мира. *Экономика региона*. 18(2). С. 479–493. DOI: 10.17059/ekon.reg.2022-2-13

Новый взгляд на угрозы безопасности и национальные интересы США в период администрации Трампа

 В.П. Назаров

Московский государственный институт международных отношений (университет)

В статье анализируется внешняя и военная политика администрации Трампа в свете опубликованной в декабре 2025 года новой редакции Стратегии национальной безопасности США. Автор доказывает, что, несмотря на противоречивые заявления и некоторые действия главы Белого дома и членов его команды, политика администрации США в целом достаточно последовательна и основана на фундаментальной переоценке угроз национальной безопасности Соединённых Штатов и реконфигурации их национальных интересов в соответствии с новыми реалиями международной обстановки. Сделана попытка спрогнозировать, как будут реализовываться на практике приоритетные направления внешней и военной политики США, в том числе в отношении Китая, государств – членов Европейского союза и НАТО, Российской Федерации и Ближнего Востока, а также в сфере высоких технологий. Ключевым выводом исследования является положение о том, что Вашингтон сознательно отходит от роли «глобального гаранта» однополярного мира, фокусируясь на трёх взаимосвязанных стратегических задачах: во-первых, на консолидации контроля над Западным полушарием как безусловной зоны своих жизненных интересов; во-вторых, на сдерживании Китая в Индо-Тихоокеанском регионе с использованием всей мощи военных союзов и технологического превосходства; и, в-третьих, на реформатировании отношений с европейскими союзниками, которым фактически предлагается взять на себя полную ответственность за собственную безопасность. Автор подчёркивает, что даже кажущиеся противоречивыми действия Трампа – от тарифных войн до резкой критики НАТО – органично вписываются в данную логику и служат инструментами достижения этих целей. Новая расстановка приоритетов национальных интересов имеет долгосрочный характер, поскольку обусловлена не идеологическими предпочтениями отдельной администрации, а фундаментальными сдвигами в глобальном балансе сил, технологическими изменениями и внутренним экономическим положением США. Автор делает вывод о том, что глубокая трансформация американского курса на международной арене, свидетелями которой мы сегодня являемся, будет продолжена и после завершения президентства Трампа, независимо от того, кто придёт ему на смену, поскольку она базируется на объективных факторах, формирующих политику.

УДК 327:351.86(73)

Поступила в редакцию: 02.02.2026

Принята к публикации: 25.06.2026

Ключевые слова: США, Россия, специальная военная операция, стратегия национальной безопасности, национальная безопасность, национальные интересы, политический реализм, стратегическое планирование

Целью данной статьи является анализ внешней политики администрации Трампа и опубликованной в декабре 2025 года новой редакции Стратегии национальной безопасности США (СНБ-2025). В статье исследуется вопрос о том, отражает ли внешняя политика американского президента взгляды определённого крыла Республиканской партии, которое он представляет, или она базируется на осознании фундаментальных изменений в мире, произошедших за последние десятилетия, на переоценке характера угроз национальной безопасности США и новой расстановке приоритетов американских национальных интересов. Соответственно, гипотеза исследования заключается в том, что крупные изменения, которые мы сегодня наблюдаем во внешней и военной политике США, основаны на объективных факторах и учёте реальных тенденций развития международной обстановки, вызревали достаточно давно и потому носят долговременный характер.

Теоретико-методологические основания исследования составляют фундаментальные концепции классического реализма и неореализма, на которых основана теория национальной безопасности и концепт национальных интересов. Политический реализм (Ганс Моргентау, Раймон Арон, Джордж Кеннан) исходит из того, что международные отношения – это прежде всего борьба за власть и влияние между суверенными государствами в условиях международной анархии. При этом национальные интересы, определяемые в категориях силы и безопасности, являются главным мотивом поведения государств. Анархический характер системы международных отношений вынуждает государства полагаться на собственные ресурсы для обеспечения безопасности (Morgenthau 1950).

Неореализм (Кеннет Уолтц, Стивен Уолт) развивает идеи классического реализма, акцентируя внимание на структуре системы международных отношений как определяющем факторе поведения национальных государств. Неореалисты подчёркивают, что реальное соотношение сил в системе – будь то биполярность, однополярность или многополярность – формирует стратегический выбор государств. Концепция баланса угроз дополняет классическую теорию баланса сил, указывая на то, что государства образуют коалиции не просто против сильнейшего, но против того, кто представляет наибольшую угрозу их интересам (Walt 1987). Это тонкое, но важное различие позволяет лучше объяснить логику переоценки угроз и приоритетов национальных интересов, которые лежат в основе политики администрации Трампа (Кокошин 2015).

Внешняя политика администрации Трампа рассматривается автором как целостная система взаимосвязанных элементов. Методология системного анализа позволила выявить основные компоненты анализируемого политического курса (акторы, цели, средства, результаты), проанализировать их взаимодействие и взаимовлияние и прийти к выводу, что кажущиеся противоречивыми заявления и действия Трампа на самом деле являются частями единой логической схемы переоценки угроз национальной безопасности США и изменения приоритетов национальных интересов.

При изучении Стратегии национальной безопасности США 2025 года и публичных высказываний представителей американской администрации использован метод контент-анализа. Он позволил установить, что документ характеризуется снижением роли идеологической составляющей (отсутствием традиционной враждебной риторики в отношении России и Китая), перенесением акцентов с глобальной проекции силы на региональные приоритеты и переоценкой характера угроз национальной безопасности США. Сочетание системного анализа и контент-анализа позволяет преодолеть поверхностное восприятие политики Трампа как хаотичной и непоследовательной, раскрывая её глубинную логику, основанную на объективных факторах изменения международной обстановки.

Использовались также методы прогнозирования и моделирования для определения возможных путей воплощения политических намерений представителей власти в практическом курсе и оценки его вероятных результатов, а также методы формальной логики при формулировании выводов и заключений.

Сегодня мир наблюдает существенные изменения во внешней политике США, которые касаются подхода к конфликту на Украине, отношений с традиционными европейскими союзниками и НАТО в целом, с ближайшими соседями на американском континенте, а также со странами Ближнего Востока и Индо-Тихоокеанского региона. Внешнюю политику республиканской администрации и лично президента Трампа резко критикуют как в самих Соединённых Штатах, так и в общественно-политических кругах стран-союзников и партнёров за отход от политических установок, которые считались непреложными на протяжении многих десятилетий. Действия главы Белого дома на международной арене часто называют хаотичными, непоследовательными, нацеленными на отдельные, рассчитанные на внешний эффект «сделки» вместо целостной политической линии¹.

Вот как, например, характеризует Трампа Т. Кейт – одна из ведущих американских обозревателей при Белом доме: «Подход президента к решению международных проблем с полным основанием можно назвать неизменно

¹ Fernández Alberto Ferreres. How Trump Is Turning U.S. Foreign Policy into His Business Playground. Center for Global Affairs and Strategic Studies, University of Navarra. URL: <https://en.unav.edu/web/global-affairs/how-trump-is-turning-us-foreign-policy-into-his-business-playground> (accessed 01.04.2026).

неортодоксальным, напористым, противоречивым, переменчивым, односторонним и транзакционным... Во многих случаях его отношение к иностранному лидеру играет даже более важную роль, чем традиционные интересы США применительно к данной стране. Трамп любит повторять девиз Рейгана “мир через силу”, но на самом деле его внешняя политика – это “сила без обязательств”»². Сходную оценку даёт известный бразильский политолог, профессор Университета штата Рио-де-Жанейро М. Гомеш Сараива: «Убедительная победа Трампа на президентских выборах в сочетании с разбродом в рядах Демократической партии дали ему легитимность квазиабсолютной власти, позволили президенту бросить вызов основным принципам и традициям внешней политики США в убеждении, что, учитывая центральное положение Америки в мире, он может навязывать другим своё мнение. Более того, Дональд Трамп сосредоточил в своих руках практически все политические решения и не проявляет готовности следовать какому-либо структурированному плану или ходу мыслей»³.

С наиболее резкой критикой Трампа и его администрации выступают представители либерально-глобалистского направления в общественно-политических кругах США и тесно связанных с ними государств, которые считают установку на глобальные и весьма обременительные обязательства США в рамках возглавляемых ими международных институтов (НАТО, «Группа семи», МВФ, ВТО, ВОЗ, Парижское соглашение по климату и пр.) единственно верной и незыблемой. Так, по мнению С. Патрика из Фонда Карнеги за международный мир (фонд внесён в реестр нежелательных организаций в России), «политика Трампа направлена на разрушение существующего миропорядка путём дестабилизации и разрушения хорошо зарекомендовавших себя союзов и институтов международного сотрудничества... Темпераментно капризный и инстинктивно предприимчивый, Трамп не занимается большой стратегией»⁴.

Критика администрации Трампа усилилась в связи с выходом в декабре 2025 года новой редакции Стратегии национальной безопасности США (далее – СНБ-2025). В документе отсутствует традиционная враждебная риторика в отношении России и Китая; одновременно с идеологически окрашенных позиций критикуются европейские союзники США. Органы Европейского союза и лидеры европейских стран обвиняются в подавлении политической оппозиции, ущемлении демократических свобод и национального суверенитета, а также в проведении безответственной миграционной политики на фоне

² Keith T. 2025. A Look at President Trump's Foreign Policy 6 Months into His Second Administration. *NPR*. 21 Jul. URL: <https://www.npr.org/2025/07/21/nx-s1-5471311/a-look-at-president-trumps-foreign-policy-6-months-into-his-second-administration> (accessed 01.04.2026).

³ Saraiva M. Gomes. 2025. Donald Trump's Foreign Policy: A View from the Global South. University of the State of Rio de Janeiro (UERJ). 8 May. URL: <https://gatecenter.org/en/donald-trumps-foreign-policy-a-view-from-the-global-south> (accessed 01.04.2026).

⁴ Patrick S. 2025. Trump Has Launched a Second American Revolution. This Time, It's Against the World. *Carnegie Endowment for International Peace*. 19 Mar.

резкого падения рождаемости. Авторы стратегии утверждают, что «экономический упадок, который переживает Европа, затмевает гораздо более мрачная перспектива уничтожения европейской цивилизации». В силу таких неблагоприятных тенденций «далеко не очевидно, смогут ли некоторые европейские страны иметь достаточно сильные экономики и вооружённые силы, чтобы оставаться надёжными союзниками»⁵.

Положения СНБ-2025 встретили достаточно резкую негативную реакцию в европейских странах. Как сообщает *The Wall Street Journal*, Европу шокировало то, как она описана в новой Стратегии национальной безопасности США⁶. Канцлер ФРГ Мерц назвал «неприемлемыми с европейской точки зрения некоторые положения» данного документа⁷. Многие европейские политологи поспешили представить СНБ-2025 как нечто несущественное и временное. Так, редакционная статья в либеральной французской *Ouest-France* утверждает, что не стоит придавать чрезмерное значение новой стратегии: «Даже если в этом тексте под прицелом оказываются европейцы – а в представлении Дональда Трампа они всё больше превращаются в вассалов, – финальная точка в этой истории ещё не поставлена». Высказывается мнение, что СНБ-2025 является «духовным детищем вице-президента Дж. Вэнса и стоящего за ним круга интеллектуалов»⁸.

Из этого делается вывод, что инициированные Трампом и закреплённые в СНБ-2025 изменения политического курса представляют собой временную аберрацию. Сам Трамп характеризуется как крайне правый популист, сторонник американского изоляционизма, который в силу этих взглядов выбивается из рядов американского истеблишмента. Поэтому после очередных президентских выборов США вернутся, мол, к традиционной евроатлантической стратегии.

Новая оценка угроз национальной безопасности

Прежде всего, следует признать, что СНБ-2025 характеризует снижение роли идеологической составляющей: США декларируют отказ от повсеместного продвижения демократии и навязывания своих политических и социальных моделей странам, имеющим собственные исторические и культурные традиции. Выражая намерение сохранить за собой военное и экономическое лидерство в мире, США более не намерены оставаться «мировым полицейским»,

⁵ *National Security Strategy of the United States of America*. 2025. The White House. Dec. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/12/2025-National-Security-Strategy.pdf> (accessed 01.04.2026).

⁶ Trump's New National-Security Strategy Takes Aim at Europe. 2025. *The Wall Street Journal*. 5 Dec. URL: <https://www.wsj.com/politics/national-security/trumps-new-national-security-strategy-takes-aim-at-europe-22f03581> (accessed 01.04.2026).

⁷ Мерц назвал неприемлемыми некоторые положения новой Стратегии национальной безопасности США. 2025. *РИА Новости*. 9 дек. URL: <https://ria.ru/20251209/kantsler-2060867201.html> (дата обращения: 01.04.2026).

⁸ Ежедневный обзор европейской прессы. 2025. *Eurotopics*. URL: <https://www.eurotopics.net/ru/349639> (дата обращения: 01.04.2026).

сосредоточившись на защите национальных интересов. При этом национальные интересы трактуются узко и охватывают прежде всего Западное полушарие, в отличие от прежних времён, когда в «зону особых интересов США» включался едва ли не весь мир. Такой подход полностью соответствует главному девизу Трампа «Америка прежде всего», который сегодня резко критикуется европейскими либералами и трактуется ими как предательство союзников. Впрочем, нелишне заметить, что принцип первоочередной значимости защиты собственных интересов считается нормой, когда об этом говорят лидеры Франции, Великобритании, Швейцарии или любой другой страны.

В основе декларируемой администрацией Трампа глубокой трансформации внешнеполитического курса лежит серьёзная переоценка угроз национальной безопасности США, прежде всего американским интересам в Европе. По оценке авторитетного американского политолога Джорджа Фридмана, основателя «Стратфор», а ныне – руководителя консультативной фирмы «Джиополитикал Фьючерз», на протяжении последних 80 лет Соединённые Штаты выступали в роли гаранта безопасности своих европейских союзников по НАТО, причём делали это в своих собственных национальных интересах, чтобы не допустить резкого изменения соотношения сил в мире и установления Советским Союзом контроля над всем европейским континентом, поскольку перспектива свободного выхода СССР в Атлантический океан представляла бы прямую угрозу американским морским коммуникациям и, следовательно, национальной безопасности США. СССР распался уже более трёх десятков лет назад, однако все американские администрации, по существу, продолжали вести холодную войну с Россией (Назаров 2024), затрачивая огромные людские, материальные и финансовые ресурсы на обеспечение безопасности на европейском континенте, пытаясь «сдерживать противника, которого уже давно нет, забывая, что Россия – не СССР». Между тем продолжение этих усилий в современных реалиях, по мнению Фридмана, уже несоизмеримо с реальными угрозами безопасности США. К 2025 г., однако, все 32 союзника достигли прежнего ориентира расходов на оборону в размере 2% ВВП, а на саммите НАТО в Гааге был согласован новый ориентир – 5% ВВП к 2035 г. Поэтому актуальный предмет спора связан уже не с выполнением прежнего минимума, а с дальнейшим распределением финансового и военного бремени внутри альянса⁹. Последние четыре с лишним года окончательно убедили администрацию США, что угроза со стороны России для интересов США в Европе является теперь более отдалённой и гораздо

⁹ Friedman G. 2025. U.S. Interests in the Russia-Ukraine War. *Geopolitical Futures*. 23 Aug. URL: <https://geopoliticalfutures.com/george-answers-your-questions-us-interests-in-the-russia-ukraine-war/>; Funding NATO. NATO. URL: <https://www.nato.int/en/what-we-do/introduction-to-nato/funding-nato>; *The Hague Summit Declaration*. NATO. 25 Jun. 2025. URL: <https://www.nato.int/en/about-us/official-texts-and-resources/official-texts/2025/06/25/the-hague-summit-declaration> (accessed 01.04.2026).

менее выраженной. То, что многие лидеры европейских стран называют «предательством интересов Европы Белым домом», в США, напротив, считают проявлением «иждивенчества и стремления проехать за чужой счёт»¹⁰.

Между тем интересы безопасности США и их партнёров по НАТО всё более расходятся. За последние четверть века США неоднократно вели военные операции за пределами европейского театра военных действий, преимущественно в регионе Ближнего и Среднего Востока, при ограниченной поддержке со стороны альянса, за исключением Великобритании. Более того, часть американских союзников резко критиковала эти операции Пентагона, особенно войну в Ираке. По логике администрации Трампа, Североатлантический альянс сегодня являет собой яркий пример несбалансированного партнёрства: США несут тяжёлое бремя ответственности за безопасность своих союзников в Европе, тогда как вклад европейских союзников, по оценке Вашингтона, остаётся недостаточным. Ценность НАТО в глазах Вашингтона падает.

С точки зрения администрации Трампа, значительно расширившийся блок европейских союзников США сегодня вполне в состоянии самостоятельно противодействовать «российской угрозе», взяв на себя ответственность за безопасность на европейском континенте и сдерживание России. Другое дело, что вместо объединённой Европы речь сегодня идёт о трёх десятках государств, каждое из которых имеет собственные национальные интересы, причём восприятие угроз национальной безопасности, например, существенно различается в Польше и странах Балтии, с одной стороны, и во Франции и Италии – с другой. Поэтому европейским союзникам США, по мнению администрации Трампа, вместо упреков в адрес Вашингтона следует работать над тем, чтобы гармонизировать свои интересы, объединить усилия и имеющиеся ресурсы для обеспечения собственной безопасности. Главное – не скатываться в междоусобные конфликты, которыми наполнена вся история европейского континента.

Схожей точки зрения придерживается А.А. Сушенцов, который утверждает, что Трамп пересмотрел свои взгляды на отношения с Россией, осознав тупиковость внешнеполитической стратегии Вашингтона. По его словам, Трамп обвиняет союзников по НАТО в том, что они втянули США в украинский кризис. А.А. Сушенцов подчёркивает, что Трамп фактически признаёт существование многополярного мира и рассматривает Россию не как объект давления, а как соперника, с которым нужно считаться¹¹.

¹⁰ Friedman G. 2026. Betrayal or Exploitation? Why Trump Is Not to Blame for Europe's Predicament. *Geopolitical Futures*. 21 Mar. URL: <https://geopoliticalfutures.com/george-friedman-on-US-european-relations/> (accessed 01.04.2026).

¹¹ Эксперт Сушенцов: Трамп пересмотрел отношения с РФ, поняв тупиковость курса США. 2025. МГИМО. 23 мая. URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/trump-peresmotrel-otnosheniya-s-rf-ponyav-tupikovost-kursa-ssha/> (дата обращения: 01.04.2026).

По мнению администрации Трампа, участие США в оказании помощи Украине должно ограничиваться «поставками американского оружия, оплачиваемыми европейскими союзниками, без использования американских вооружённых сил. Издержки такой политики намного меньше, чем затраты и риски широкой вовлечённости в конфликт, на которые шла администрация Байдена. Для ограничения возможностей России в Европе важны определение шкалы приоритетов в национальных интересах, а также калибровка интереса, риска и стоимости»¹².

Новая приоритизация национальных интересов

Отмеченные корректировки в приоритетах политики США в Европе должны позволить Вашингтону сосредоточить больше усилий на защите американских интересов непосредственно у своих границ, в Западном полушарии, возрождая «доктрину Монро» в редакции Трампа.

СНБ-2025 объявляет первым и главным национальным интересом США поддержание стабильности и безопасности в Западном полушарии, где Соединённые Штаты должны оставаться единоличным лидером, противодействуя не только иностранному «враждебному вмешательству», но и «владению ключевыми активами» внерегиональными державами, с тем чтобы обеспечить США «постоянный доступ к ключевым стратегическим объектам»¹³.

В логике американской администрации, хотя Канада остаётся стабильным партнёром и важнейшей опорой в обороне Арктики, Мексика превратилась в постоянный источник угроз: деятельность организованной преступности, вовлечённой в контрабанду людей, торговлю оружием и наркотиками, подпитывает насилие вдоль границ США и в сочетании с массовой миграцией в США угрожает стабильности Северной Америки. Южнее ситуация ещё более тревожна. Власти Колумбии едва справляются с угрозой наркокартелей и наплывом мигрантов, Эквадор сталкивается с эскалацией насилия, а в Гаити государственные институты крайне ослаблены. В довершение ко всему такие страны, как Венесуэла и Никарагуа, опираясь на поддержку Кубы, проводят активную антиамериканскую политику и сближаются с Россией, сохраняющей военно-технические связи с рядом государств Латинской Америки, и Ираном. Ослабление позиций США на континенте использует Китай, внедряясь в региональную транспортную инфраструктуру, вплоть до попыток включить зону Панамского канала в свой проект «Один пояс – один путь» (Winton 2025). При этом

¹² Friedman G. 2025. U.S. Interests in the Russia-Ukraine War. *Geopolitical Futures*. 23 Aug. URL: <https://geopoliticalfutures.com/george-answers-your-questions-us-interests-in-the-russia-ukraine-war/> (accessed 01.04.2026).

¹³ *National Security Strategy of the United States of America*. 2025. The White House. Dec. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/12/2025-National-Security-Strategy.pdf> (accessed 01.04.2026).

стремление правительства Мулино активизировать американско-панамское военное сотрудничество и предоставить кораблям ВМС США приоритетное право прохода через Панамский канал вызвало массовые протестные акции в Панаме.

В соответствии с положениями СНБ-2025, приоритетное внимание к Западному полушарию должно дополняться усилиями по реализации второго по значимости национального интереса США – обеспечения безопасности и свободы судоходства в Индо-Тихоокеанском регионе и в целом «по всем важнейшим морским путям», включая «безопасные и надёжные цепочки поставок и доступ к критически важным материалам». По образному выражению военного эксперта Университета Либерти Э. Дэйвидсона, администрация США, отказываясь от роли «глобального полицейского», пытается сегодня стать гарантом безопасности морской торговли¹⁴.

Следует отметить, что практическая реализация данного приоритета содержит в себе мощную силовую составляющую, явно ориентированную на сдерживание Китая. Несмотря на провозглашённое в СНБ-2025 стремление США к тесным, взаимовыгодным и сбалансированным экономическим связям с Китаем, а также к прекращению противостояния и военной напряжённости, ряд важных положений документа имеет явную антикитайскую направленность. Речь идёт, в частности, о намерении не допустить одностороннего изменения статус-кво в Тайваньском проливе, «захвата Тайваня» или «настолько невыгодного изменения баланса сил, что оно сделает невозможной оборону этого острова».

С этой целью руководство США намерено серьёзно нарастить усилия, направленные на укрепление американских позиций в Индо-Тихоокеанской зоне, прежде всего на случай вероятного резкого обострения американско-китайского соперничества. Имеется в виду не допустить «повторения Китаем японского сценария декабря 1941 года», когда милитаристская Япония, чтобы прорвать режим жёстких американских экономических санкций против неё, включая полное эмбарго на поставки нефти, предприняла нападение на Перл-Харбор¹⁵.

Ставится задача не допустить «доминирования Китая в Южно-Китайском море» и его контроля над островными цепями в западной части Тихого океана. Ключевое значение в американском стратегическом планировании имеют первая и вторая островные цепи, включающие Японский архипелаг, острова Рюкю, Тайвань, Филиппины и Марианские острова с Гуамом. Более широкую сеть союзников и партнёров США в регионе образуют Япония, Южная Корея, Филиппины, Австралия, Таиланд и Сингапур. США намерены укрепить свои позиции таким образом, чтобы не позволить Китаю существенно ограничить

¹⁴ Davidson A. 2025. Modern Warfighting and the Decline of the Cold War Doctrine. *Geopolitical Futures*. 18 Jul.

¹⁵ Bokhari K. China, Japan and the New U.S. Geostrategy in the Indo-Pacific. *Geopolitical Futures*. URL: <https://geopolitical-futures.com/china-japan-and-the-new-us-geostrategy-in-the-indo-pacific> (accessed 01.04.2026).

Соединённым Штатам свободу судоходства на Тихом океане и, более того, в случае обострения обстановки суметь «запереть» КНР на азиатском континенте, лишив её доступа в Мировой океан.

Для решения этой задачи администрация Трампа намерена существенно нарастить в Индо-Тихоокеанском регионе военную мощь США, а также укрепить систему союзов и многосторонних механизмов безопасности, включая AUKUS (США, Великобритания, Австралия) и QUAD (США, Индия, Япония, Австралия). Ключевыми союзниками США в Тихоокеанской зоне остаются Япония и Австралия, от которых администрация США требует существенного увеличения «вклада в совместную оборону». Особое место занимает Тайвань, который рассматривается в качестве «главного форпоста сдерживания амбиций Пекина». При этом Белый дом намерен действовать в рамках «политики одного Китая»: Тайбэй должен усиливать собственную армию и рассчитывать на военно-техническую и политическую поддержку со стороны США, отказавшись при этом от идеи провозглашения независимости, чтобы не провоцировать КНР.

Кроме того, речь идёт об увеличении числа авианосных ударных групп, укреплении военной инфраструктуры на Гуаме и Гавайях, в Японии и Южной Корее, а также о расширении доступа к объектам совместного использования на Филиппинах, в Сингапуре, Австралии и государствах Океании, более частых развёртываниях передовых десантных групп реагирования, увеличении количества средств дозаправки в воздухе на Гуаме, размещении дополнительных систем разведки, связи и управления, а также противокорабельных ударных средств.

В этом контексте для США также возрастает роль партнёрства с Индией, которая, по американским оценкам, обеспокоена усилением Китая и «могла бы сотрудничать с Вашингтоном в обеспечении безопасности прежде всего в Малаккском и Ломбокском проливах, где военное присутствие США ограничено»¹⁶.

При этом наращивание финансирования Североамериканского и Индо-Тихоокеанского командований США должно происходить за счёт сокращения финансирования Европейского и Центрального командований.

Иными словами, речь идёт о попытке вдохнуть новую жизнь в концепцию адмирала А.Т. Мэхэна, одного из столпов американской геополитики, который ещё в конце XIX века утверждал, что мировое господство Америки будет определяться её способностью контролировать своё побережье, мировые морские пути и содержать военные базы в критически важных проливах (Mahan 1893).

¹⁶ *Annual Threat Assessment of the U.S. Intelligence Community*. 2025. Office of the Director of National Intelligence. Mar. URL: <https://www.dni.gov/files/ODNI/documents/assessments/ATA-2025-Unclassified-Report.pdf> (accessed 01.04.2026).

Следует, однако, отметить, что описанные выше меры по укреплению безопасности в Индо-Тихоокеанской зоне администрация США, в соответствии с положениями СНБ-2025, планирует сочетать с усилиями по снижению военной напряжённости между США и КНР, прежде всего вокруг Тайваня, установлению мер доверия и взаимной сдержанности в военной области. Прогресс на указанных направлениях будет сопровождаться восстановлением нормальных американско-китайских связей и реализацией совместных инвестиционных проектов. В Белом доме рассчитывают, что перспектива сотрудничества с США в важных для Китая экономических областях будет оказывать сдерживающее влияние на развитие российско-китайского партнёрства, тем более в случае возобновления американско-российских связей после завершения конфликта на Украине. На передний план в противостоянии с Китаем предполагается вывести Японию, тем более что новое правительство во главе с Санаэ Такаити проявляет готовность взять на себя эту роль.

Третьим по значимости национальным интересом СНБ-2025 объявляет поддержку американских «союзников в сохранении свободы и безопасности Европы, одновременно восстанавливая её цивилизационную уверенность и западную идентичность». Помимо того, что евроатлантическое партнёрство отодвигается с первого на третий план, позиция администрации Трампа по данному вопросу довольно противоречива. С одной стороны, США декларируют заинтересованность в сильной Европе, способной преодолеть экономический спад и политический кризис, проявить единство в укреплении коллективной обороны, достаточной, чтобы самостоятельно противодействовать «российской угрозе». С другой – сильный акцент, сделанный в СНБ-2025 на развитии двусторонних связей США с европейскими странами, американскую поддержку «патриотических партий» на континенте, выступающих за защиту национальных интересов по образцу администрации Трампа в противовес «наднациональной бюрократии Евросоюза», к которой Белый дом испытывает глубокую неприязнь, может способствовать усилению центробежных тенденций в этом объединении, вплоть до возрождения старых, но не забытых распрей и соперничества в Европе. Впрочем, этот вопрос вряд ли будет приоритетным для администрации США до тех пор, пока ведущие государства Западной Европы сохраняют способность контролировать основные морские порты на континенте и трансатлантические транспортные пути¹⁷.

В СНБ-2025 подчёркивается заинтересованность США в прекращении российско-украинского конфликта, отказ от дальнейшего расширения НАТО и одновременно выражается готовность усилиями американской дипломатии

¹⁷ Friedman G. 2025. On the New U.S. National Security Strategy. *Geopolitical Futures*. 23 Aug. URL: <https://geopoliticalfutures.com/george-answers-your-questions-on-the-new-us-national-security-strategy> (accessed 01.04.2026).

содействовать восстановлению отношений между странами Европы и Россией, которую сегодня «многие европейцы рассматривают как экзистенциальную угрозу». Признётся ненормальной ситуация, при которой «немецкие химические компании строят один из крупнейших в мире перерабатывающих заводов в Китае, где будет использоваться российский газ, который европейские производители не могут получить дома». В документе правительства европейских стран – союзников США осуждаются за то, что они, связывая с конфликтом на Украине «нереалистичные надежды, не желают реализовать стремление населения своих стран к миру, подрывая демократический процесс».

В этом же разделе СНБ-2025 кратко излагается подход к отношениям с Россией, что подчёркивает готовность США после завершения конфликта на Украине выстраивать отношения с Российской Федерацией в общем ряду с другими европейскими странами. Ставится задача «восстановить стратегическую стабильность в отношениях с Россией». Это может означать возобновление диалога по контролю над вооружениями и мерам доверия в военной области, контактов по противодействию терроризму, организованной преступности и ряду других направлений в сфере обеспечения национальной безопасности. Кроме того, Белый дом может быть заинтересован в развитии отношений с Россией в тех областях, которые представляют для США особый интерес: в освоении Арктики, включая использование результатов российских полярных исследований и технологий, в космической области, а также в доступе к некоторым видам минеральных ресурсов России. Такое сотрудничество может рассматриваться как средство ослабления российско-китайского партнёрства.

В то же время, по замыслу администрации Трампа, условия завершения конфликта не должны вести к изменению баланса сил в Европе в пользу России. Для этого Белый дом намерен усиливать давление на обе стороны, угрожая Киеву свёртыванием программ американской помощи Украине, а Москве, напротив, – эскалацией американской вовлечённости в конфликт и дополнительными санкциями. Вариант «сделки», который бы устроил Вашингтон, должен сохранять угрозу безопасности России на её западной границе со стороны Украины, уровень которой мог бы контролироваться Западом. При этом уменьшение американского военного присутствия в Европе и сокращение расходов на его содержание должны происходить по мере усиления способности европейских союзников США самостоятельно обеспечивать собственную безопасность (Petroni 2025).

Четвёртым национальным интересом США в СНБ-2025 назван Ближний Восток, который утратил своё особое значение как важнейший источник энергоносителей для Соединённых Штатов. С учётом сегодняшних реалий приоритетами Вашингтона на этом направлении остаются сдерживание амбиций Ирана, противодействие его ядерной и ракетной программам, пресечение террористических угроз интересам и территории США. Кроме того, приоритетом США в регионе остаётся партнёрство с Израилем и обеспечение его безопасности.

С этой целью американская администрация намерена, в частности, содействовать расширению круга стран, присоединившихся к «соглашениям Авраама», которые направлены на нормализацию отношений мусульманских государств с Израилем.

Наконец, пятым жизненно важным национальным интересом в СНБ-2025 провозглашено сохранение американского технологического лидерства в мире, особенно в области искусственного интеллекта, биотехнологий и квантовых компьютеров. Перед американским разведсообществом ставится задача следить за достижениями за рубежом, чтобы своевременно выявлять технологические прорывы, способные представлять угрозу безопасности США. Иными словами, речь идёт о том, чтобы удержать американское лидерство в научно-технической области, не дать обогнать себя Китаю. Именно с этой целью президент Трамп ввёл высокие тарифы на китайские товары, стремясь оказать давление на экономику КНР, существенно зависящую от экспорта. США также ввели экспортные ограничения на микрочипы и пытаются ограничить доступ КНР к высокотехнологичным производственным цепочкам, необходимым для разработки систем искусственного интеллекта, призванного приумножить экономический и военный потенциал Китая. Эта технологическая гонка между США и КНР особенно явно прослеживается в морском и космическом пространствах.

В этом плане большие надежды глава Белого дома возлагает на Илона Маска, чья компания SpaceX эксплуатирует многотысячную спутниковую группировку Starlink. Новым мегапроектом, широко разрекламированным президентом Трампом, является «Золотой купол» – многоуровневая система противоракетной обороны, предназначенная для защиты материковой части США от баллистических, гиперзвуковых и крылатых ракет, предполагающая использование космических сенсоров и разработку орбитальных перехватчиков для обнаружения и поражения ракет на ранних участках траектории¹⁸.

В числе потенциальных участников проекта «Золотой купол» называются американские компании Space Exploration Technologies Corporation (SpaceX), Anduril Industries и Palantir. Они предлагают администрации США «новую бизнес-модель обеспечения национальной безопасности», которая заключается в том, чтобы правительство «оплачивало по подписке» использование создаваемой системы в военных целях, оставляя её операторам широкие возможности по продвижению своего продукта на рынки (Cuscito 2025).

Одновременно прилагаются энергичные усилия, призванные укрепить позиции США в конкуренции с Китаем в области искусственного интеллекта, где КНР продемонстрировала заметный прогресс с запуском новой модели R1

¹⁸ *The Iron Dome for America*. 2025. Executive Order 14186. The White House. 27 Jan. URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/01/the-iron-dome-for-america/>; *Star Wars Returns: Donald Trump's Quest for Orbital Dominance*. 2025. *The Economist*. 21 May.

в рамках системы DeepSeek. Она позволяет анализировать, обрабатывать и генерировать информацию на основе огромных объёмов данных, решая широкий спектр задач. Параллельно OpenAI и SoftBank при участии Oracle и MGX реализуют проект Stargate; к числу его первоначальных технологических партнёров относятся Arm, Microsoft, NVIDIA, Oracle и OpenAI. Этот с помпой провозглашённый Д. Трампом проект создания нового поколения инфраструктуры искусственного интеллекта призван укрепить лидерство США в данной области, обеспечив им технологический суверенитет и расширив национальные вычислительные мощности. Планируется, что Stargate станет основой для развития общего искусственного интеллекта, способного решать комплексные задачи в таких областях, как здравоохранение, оборона и экономика. Одним из ключевых направлений проекта является создание сети крупных центров обработки данных, которые будут обеспечивать вычислительные мощности для обучения и развёртывания крупных языковых моделей. По словам Ларри Эллисона из Oracle, ИИ-системы, разработанные в рамках Stargate, смогут, например, автоматизировать создание персонализированных мРНК-вакцин против рака всего за 48 часов, что откроет новые горизонты для медицины.

Проект также позиционируется как инструмент экономического роста. Его реализация потребует существенного наращивания мощностей энергогенерации, строительства распределённых по всей стране центров обработки данных, инфраструктуры водоснабжения и охлаждения их энергоёмкого оборудования и пр. Ожидается, что Stargate создаст более 100 000 рабочих мест в сферах строительства, энергетики и ИТ, станет значительным вкладом в провозглашённую Трампом политику «реиндустриализации» США (Cuscito 2025).

Курс на удержание технологического лидерства США, на реиндустриализацию Америки включает в себя также задачу укрепления американских позиций в арктической зоне. Речь идёт об «обеспечении безопасности арктических морских путей, где США существенно отстают от России с точки зрения военного присутствия и возможностей», а также о расширении доступа США к богатейшим ресурсам Арктики¹⁹.

Возрастающий интерес к Крайнему Северу объясняется несколькими факторами. В связи с глобальным потеплением Арктика стала гораздо более доступной для морского транспорта и разработки её природных ресурсов. Северный морской путь может существенно сократить продолжительность перевозок между Европой и Азией по сравнению с маршрутом через Суэцкий канал, а продолжительность навигационного сезона на отдельных его участках увеличивается. Таяние льдов в связи с потеплением климата и технологический

¹⁹ U.S. Coast Guard's Newest Polar Icebreaker Returns to Seattle Following 36-Day Deployment to Bering Sea. 2026. U.S. Coast Guard. 15 May. URL: <https://www.news.uscg.mil/Press-Releases/Article/4494086/us-coast-guards-newest-polar-icebreaker-returns-to-seattle-following-36-day-dep/> (accessed 01.09.2026).

прогресс облегчили доступ к обширным запасам нефти, природного газа и критически важных полезных ископаемых Арктики. Новые мощные ледоколы способны расширить возможности навигации в ранее недоступных водах, а усовершенствованные технологии геологоразведки и морского бурения позволяют добывать ресурсы в самой сложной ледовой обстановке. Растущая доступность Арктики может повлечь за собой обострение соперничества в вопросах прав на рыболовство, разграничения морских пространств и шельфа, в котором, как ожидается, будут участвовать не только приарктические государства, но, например, и Китай.

Значение Арктики возрастает и в связи с теми уникальными военными возможностями, которые она может предоставить. Например, выведение спутников на полярную орбиту существенно повышает эффективность систем связи, разведки, раннего предупреждения, противоракетной и противовоздушной обороны. Это, в свою очередь, влечёт за собой необходимость размещения в регионе объектов космического мониторинга, других военных баз, создания энергетической инфраструктуры для их обеспечения и пр.

В то же время, как указывают результаты слушаний в комитете по иностранным делам Сената, в обозримой перспективе Арктика, скорее всего, останется зоной мирного сотрудничества. Поскольку главный общий интерес в арктической зоне представляют разработка природных ресурсов и транспортировка грузов, эти сферы требуют мирного взаимодействия. Таким образом, следует ожидать, что США сохранят заинтересованность в сотрудничестве в рамках Арктического совета²⁰.

В распоряжении Береговой охраны США находятся три полярных ледокола – Polar Star, Healy и Storis, однако возможности этого флота по-прежнему ограничены. Американские военные эксперты считают национальные интересы США в Арктике достаточно обеспеченными. Эта уверенность базируется на том, что в случае обострения обстановки ВМС США совместно с союзниками по НАТО – Великобританией и Канадой – смогут при необходимости контролировать ключевые подходы к Северному Ледовитому океану: Берингов пролив, ширина которого в самом узком месте составляет около 85 км, и североатлантические проходы между Гренландией, Исландией и Великобританией²¹.

Тем не менее именно в силу стремления усилить американское присутствие в Арктике президент Трамп в ходе визита финского президента А. Стубба в Вашингтон в октябре 2025 года объявил о намерении построить совместно с Финляндией до 11 ледоколов: первые четыре из них изготовят на своих верфях

²⁰ Davidson A. 2025. Military Challenges and Opportunities in the Arctic: New Territories, New Strategy. *Geopolitical Futures*. 12 Mar. URL: <https://geopoliticalfutures.com/military-challenges-and-opportunities-in-the-arctic/> (accessed 01.04.2026).

²¹ *Ibid.*; U.S. Coast Guard's Newest Polar Icebreaker Returns to Seattle Following 36-Day Deployment to Bering Sea. 2026. U.S. Coast Guard. 15 May.

финны, а остальные, при их участии, – уже в США. Не случаен и повышенный интерес Вашингтона к Гренландии, где руководство Пентагона считает необходимым создать базу ВМС, способную обеспечивать круглогодичные операции в приполярной зоне, в дополнение к уже имеющейся базе Космических сил США Питутфик, которая призвана отслеживать угрозы и пуски ракет в Арктике.

Реализация этих планов требует огромных затрат. В бюджетном запросе администрации на 2026 финансовый год расходы на оборону предлагалось увеличить до 1,01 трлн долл.²² Приоритеты военных расходов – Североамериканское и Индо-Тихоокеанское командования, космический противоракетный щит, пограничный контроль, модернизация ядерной триады, беспилотники и боеприпасы.

Заключение

Таким образом, несмотря на внешнюю противоречивость, обусловленную известными личностными особенностями Трампа, политический курс его администрации является достаточно последовательным, системным и логичным. Администрация Трампа фундаментально пересмотрела стратегию обеспечения национальной безопасности, отходя от глобальной проекции силы, которой США придерживались в течение последних 80 лет. По убеждению Белого дома, роль гаранта однополярного мира нанесла ущерб самим Соединённым Штатам, породив иждивенческие настроения союзников и партнёров, переложивших на США бремя обеспечения собственной безопасности и усилившихся за счёт своего патрона. Глобализация привела к деиндустриализации американской экономики, усилила конкурентов и создала опасную зависимость США от противников в лице Китая (Petroni 2025). В интерпретации администрации Трампа к числу важнейших внутренних угроз относятся высокий уровень федерального долга, снижение качества жизни части населения, идеологическая поляризация, затрагивающая СМИ, университеты, органы исполнительной власти и корпорации, а также неконтролируемая миграция, рассматриваемая как фактор роста преступности и общественной нестабильности. Администрация указывает и на недостаточность запасов вооружений и боеприпасов и ограниченные мощности оборонной промышленности; отсюда следует установка на сокращение участия в конфликтах, накопление сил и сосредоточение усилий на главных направлениях – защите североамериканского периметра и укреплении позиций в Индо-Тихоокеанском регионе.

²² *Fiscal Year 2026 Discretionary Budget Request*. 2025. Executive Office of the President, Office of Management and Budget. 2 May. P. 1. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/05/Fiscal-Year-2026-Discretionary-Budget-Request.pdf> (accessed 01.09.2026).

Безусловно, политика Трампа может потерпеть неудачу. Его курс способен претерпеть изменения под влиянием давления со стороны либерального истеблишмента внутри страны и союзников, правящие элиты которых испытывают серьёзную обеспокоенность трансформацией привычного им миропорядка. Антитрамповские настроения могут существенно усилиться и в связи с непопулярной в США американо-израильской военной операцией против Ирана, особенно в случае, если конфликт примет затяжной характер. Многие представители бюрократии Евросоюза и лидеры европейских стран – союзников США исходят из предположения, что СНБ-2025 является продуктом узкой группы активистов МАГА во главе с вице-президентом Вэнсом и поэтому её положения едва ли будут достаточно последовательно реализованы на практике. Они рассматривают курс Трампа как временное отклонение от традиционной евроатлантической стратегии Вашингтона, к которой США, как предполагается, вернутся после следующих выборов.

В целом же, как представляется, следует учитывать, что новый курс администрации Трампа основан на объективных факторах: изменении реального соотношения сил на мировой арене и связанных с этим угроз национальной безопасности США, влекущих за собой коррекцию приоритетов в перечне их национальных интересов. Это даёт основания полагать, что инициированные Трампом новые ориентиры и задачи внешней политики получат продолжение в будущем, в том числе уже при новой администрации США, независимо от её партийной принадлежности. Следует учитывать, что основные направления внешней и военной политики США вырабатываются правящей элитой и поэтому традиционно носят двухпартийный характер; разногласия по принципиальным вопросам обычно наблюдаются в переломные моменты истории, которые имели место, например, в предвоенный период (1930-е годы) и поствьетнамский период (конец 1970-х – начало 1980-х гг.). Очередная ломка сложившегося миропорядка происходит сегодня на наших глазах.

Более того, каждая цель и задача, каждое направление политики, закреплённое в СНБ-2025, вероятно, будут развиты и конкретизированы в системе документов стратегического планирования нижестоящих уровней, в том числе в военной стратегии США (U.S. National Military Strategy), региональных стратегиях, стратегических планах и планах действий по конкретным региональным и функциональным направлениям политики, тем самым закрепляя изменения курса.

Это требует серьёзной работы по оценке реальных угроз, рисков и вызовов национальной безопасности, корректировки национальных интересов и документов стратегического планирования Российской Федерации.

Об авторе:

Владимир Павлович Назаров – доктор политических наук, профессор, МГИМО МИД России; член РСМД. 119454, Москва, проспект Вернадского, 76. E-mail: v.p.nazarov@inno.mgimo.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 327:351.86(73)
Received: February 2, 2026
Accepted: June 25, 2026

A New Perspective on Security Threats and U.S. National Interests under the Trump Administration

 V.P. Nazarov

[DOI 10.24833/2071-8160-2026-4-109-83-101](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2026-4-109-83-101)

MGIMO University

Abstract: This article examines the foreign and defence policy of the Trump administration in light of the new U.S. National Security Strategy published in December 2025. It asks whether the administration's course reflects the preferences of a particular wing of the Republican Party or a broader reassessment of the international environment, the threats facing the United States, and the hierarchy of U.S. national interests. Drawing on classical realism and neorealism, the study combines systemic analysis of the administration's objectives and instruments with qualitative content analysis of the strategy and public statements by U.S. officials. It also uses elements of scenario-based forecasting to assess how the declared priorities may be translated into policy. The article argues that, despite the President's frequently contradictory rhetoric and transactional style, the administration's course displays an underlying strategic logic. Washington is reducing the priority attached to global commitments and concentrating on several interconnected objectives: consolidating U.S. predominance in the Western Hemisphere; containing China in the Indo-Pacific through military alliances, multilateral security arrangements, control of maritime access, and technological competition; restructuring relations with European allies by requiring them to assume a larger share of responsibility for their own defence; limiting direct U.S. involvement in the conflict in Ukraine while preserving the European balance of power; maintaining security commitments in the Middle East without returning to open-ended wars; and retaining U.S. leadership in artificial intelligence, space systems, biotechnology, quantum technologies, and advanced defence capabilities. The article interprets tariff pressure, export controls, demands for higher allied defence spending, the Golden Dome missile-defence initiative, the Stargate artificial-intelligence infrastructure project, and renewed attention to the Arctic as elements of this wider reorientation. Its central conclusion is that the reprioritisation of U.S. national interests is unlikely to end with Trump's presidency. Although the implementation of individual initiatives may change under domestic

and international pressure, the broader shift is rooted in changes in the global balance of power, technological competition, constraints on U.S. resources, and the domestic economic and political situation. These structural factors are likely to influence subsequent administrations regardless of their party affiliation.

Keywords: United States, Russia, special military operation, national security strategy, national security, national interests, political realism, strategic planning

About the author:

Vladimir P. Nazarov – Doctor of Political Science, Professor, MGIMO University; member of the Russian International Affairs Council (RIAC). 76 Vernadsky Prospekt, Moscow, 119454, Russian Federation. E-mail: v.p.nazarov@inno.mgimo.ru

Conflict of interest:

The author declares no conflict of interest.

References:

- Cuscito G. 2025. Assalto all'Oceano Cosmo [He Who Rules the Cosmic Ocean Rules the World Ocean: The Duel between the United States and China]. *Limes, Rivista Italiana di Geopolitica*. 5.
- Friedman G., Shapiro J.L. 2017. Winds of Change. *Horizons: Journal of International Relations and Sustainable Development*. 9. P. 12–22.
- Mahan A.T. 1893. *The Influence of Sea Power upon History, 1660–1783*. Boston: Little, Brown & Co. 557 p.
- Morgenthau H.J. 1950. *In Defense of the National Interest: A Critical Examination of American Foreign Policy*. New York: Alfred A. Knopf. 283 p.
- Petroni F. 2025. The New Creed of the American Revolution. *Limes, Rivista Italiana di Geopolitica*. 3.
- Walt S.M. 1987. *The Origins of Alliances*. Ithaca, New York: Cornell University Press. 321 p.
- Waltz K.N. 1979. *Theory of International Politics*. Long Grove, Illinois: Waveland Press. 251 p.
- Winton S. 2025. America Must Secure Its Influence in the Western Hemisphere. *The National Interest*. 11 Jul.
- Kokoshin A.A. 2015. Natsional'nye interesy, real'nyi suverenitet i natsional'naya bezopasnost' [National Interests, Real Sovereignty, and National Security]. *Voprosy Filosofii [Problems of Philosophy]*. №10. P. 5–19. (In Russian)
- Nazarov V.P. 2024. Natsional'nye interesy vo vneshnei politike Rossii [National Interests in Russia's Foreign Policy]. *MGIMO Review of International Relations*. 17(1). P. 7–21. DOI: 10.24833/2071-8160-2024-1-94-7-21 (In Russian)

Список литературы на русском языке:

- Кокошин А.А. 2015. Национальные интересы, реальный суверенитет и национальная безопасность. *Вопросы философии*. №10. С. 5–19.
- Назаров В.П. 2024. Национальные интересы во внешней политике России. *Вестник МГИМО-Университета*. 17(1). С. 7–21. DOI: 10.24833/2071-8160-2024-1-94-7-21

Партийная идеология и парламентская поддержка военных операций за рубежом

Е.А. Солодов¹, А.М. Мальцев^{1, 2}

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

² ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН

Статья посвящена тому, как партийная идеология влияет на парламентские решения об использовании вооружённых сил за рубежом. Авторы рассматривают парламент не как единое целое, а как пространство взаимодействия правящих и оппозиционных партий. Исследование отвечает на два вопроса: связана ли позиция партии на шкале «левые – правые» с её готовностью поддержать военную операцию и меняется ли эта связь в зависимости от того, находится партия у власти или в оппозиции, а также от характера операции.

Анализ охватывает 1022 парламентских голосования в 21 демократическом государстве в 1990–2019 гг. Выборка включает 305 партий и 5540 наблюдений на уровне «партия – голосование». Уровень поддержки определяется как доля депутатов партии, проголосовавших за рассматриваемое предложение; модели различают голосования о развёртывании и выводе войск. Идеология партий определяется по данным Manifesto Project и Chapel Hill Expert Survey. Применяются дробная логистическая регрессия и бета-регрессия с отдельным учётом частичной, нулевой и полной поддержки.

Результаты показывают, что правые партии чаще поддерживают военные развёртывания, чем левые. Часть моделей указывает на нелинейную зависимость: как крайне левые, так и крайне правые партии проявляют большую сдержанность, чем центристские и умеренно правые силы. Главный вывод касается институционального статуса партии. В оппозиции связь между идеологией и голосованием выражена сильнее. У партий, входящих в правительство, влияние идеологии ослабевает и в некоторых моделях становится статистически незначимым. Этот результат согласуется с предположением о том, что влияние идеологии ослабевает под воздействием правительственной ответственности, коалиционной дисциплины и электоральных рисков, однако непосредственное действие этих механизмов в настоящем исследовании не проверяется.

Результаты для типов операций менее устойчивы. Операции с интенсивными боевыми действиями не усиливают идеологический раскол. Обеспечивающее участие – обучение, военно-техническая и логистическая поддержка – в некоторых моделях чаще одобряется правыми партиями. Гуманитарные операции получают широкую поддержку и сокращают различия между левыми и правыми,

УДК: 329.05:327:355.4

Поступила в редакцию: 24.02.2026

Принята к публикации: 21.04.2026

однако эти эффекты зависят от выборки и способа измерения идеологии. Исследование раскрывает партийные механизмы парламентского мира и показывает, что нахождение партии у власти или в оппозиции объясняет различия в поддержке применения силы надёжнее, чем тип операции.

Ключевые слова: теория демократического мира, теория парламентского мира, военные интервенции, партийная политика, политическая идеология, количественные методы

В последние полтора десятилетия на стыке сравнительной политологии и теории международных отношений активно развивается направление, исследующее связь между идеологической ориентацией лиц, принимающих политические решения (ЛПР), и внешней политикой в сфере международной безопасности. Ранние представления о соотношении внутренней и внешней политики выражались метафорой чистой водной глади, под которой могут «бурлить» политические противоречия: *«politics stops at the water's edge»*¹. Иными словами, предполагалось, что интересы национальной безопасности превалируют над частными предпочтениями политической элиты и иных групп интересов. Тем не менее современные исследования показывают, что внутриполитические расколы существенно влияют на принятие внешнеполитических решений.

Распространённая в литературе точка зрения состоит в том, что партии и политики правого фланга идеологического спектра («ястребы») склонны проводить более агрессивную и конфронтационную политику. К такому выводу приходят качественные сравнительные исследования внешнеполитических ориентаций европейских партий (Noël and Thérien 2008), а также анализ отдельных случаев международных интервенций в Югославии, Афганистане, Ираке и Ливии (Mello 2014). Вместе с тем новейшие исследования нередко дают неоднозначные или противоречивые результаты. Так, масштабное исследование под руководством Вольфганга Вагнера (Wagner et al. 2018) показало, что, хотя правоцентристские партии в парламентах стран Западной Европы чаще всего поддерживают военные операции за рубежом², структура идеологического раскола имеет форму «подковы»: как крайне левые, так и крайне правые партии тяготеют к изоляционизму и отказу от вмешательства во внутренние дела других государств³. Степень идеологического раскола при этом зависит

¹ Известное высказывание Артура Ванденберга – сенатора-республиканца, возглавлявшего Комитет Сената США по международным отношениям в конце 1940-х гг. Ванденберг поддержал интернационалистский курс президента-демократа Гарри Трумэна, что считается важной вехой в формировании межпартийного консенсуса по ряду приоритетов национальной безопасности США.

² То есть чаще поддерживают такие операции при парламентском голосовании.

³ Центристские партии, напротив, сходны между собой по сравнительно высокой поддержке применения вооружённых сил в операциях за рубежом.

от партийной системы страны (Rathbun 2004) и конкретной области внешней политики. Левые партии, например, чаще поддерживают миротворческие и гуманитарные миссии, но скептически относятся к интервенциям, направленным на смену политического режима, а также к противоповстанческим⁴ и контртеррористическим операциям (Saideman 2016; Haesebrouck 2018).

Статья посвящена взаимосвязи между парламентской поддержкой международных военных операций и идеологической ориентацией политических партий. В настоящем исследовании понятие «военная операция» охватывает широкий спектр развёртываний вооружённых сил за рубежом – от высокоинтенсивных боевых операций до операций обеспечивающего и гуманитарного характера (Mello and Saideman 2019). Цель исследования состоит в том, чтобы развить опыт изучения отдельных случаев влияния институциональных и идеологических факторов на участие государств в военных операциях (Haesebrouck and Mello 2020) и выявить обобщаемые закономерности поддержки различных типов международных военных миссий политическими партиями вовлечённых государств.

Факторы и закономерности зарубежных военных операций демократических государств

В современной теории международных отношений влияние внутренней политики государства на формирование внешней политики в сфере национальной безопасности рассматривается преимущественно в рамках теории демократического мира (ТДМ) (Kant 2006).

Исходным положением ТДМ является тезис об отсутствии или, по меньшей мере, чрезвычайной редкости войн между демократиями. К концу 1990-х гг. в академической литературе сформировался консенсус относительно чрезвычайной редкости вооружённых конфликтов между государствами с полноценными демократическими режимами, определяемыми на основании общепринятых индексов демократии. Вместе с тем многочисленные интервенции демократий против недемократических режимов не позволяют распространять этот вывод на внешнеполитическое поведение демократий в целом.

Для объяснения причинно-следственных механизмов «демократического мира» сторонники либерального подхода предлагают несколько взаимодополняющих объяснений. Нормативный механизм апеллирует к ценностному консенсусу относительно необходимости мирного урегулирования конфликтов между демократиями (Maoz and Russett 1993; Russett 1993a; Russett 1993b; Risse-Karpen 1995; Owen 1997). Институциональный механизм акцентирует формальные ограничения, которые процедуры принятия решений в демократиях

⁴ Имеются в виду counterinsurgency missions – операции против повстанческих формирований.

накладывают на исполнительную власть: необходимость одобрения легислатуры, электоральную подотчётность и открытость информационной среды (Bueno de Mesquita et al. 1999; Schultz 2001; Reiter and Tillman 2002). Экономический механизм связывает мир между демократиями с высокими издержками разрушения взаимовыгодных экономических связей и плотной сетью торговой взаимозависимости (Oneal and Russett 1997, 2001; Mansfield and Pollins 2001).

Тем не менее причинно-следственная логика ТДМ остаётся предметом научной дискуссии. По мнению критиков реалистского направления, наблюдаемые закономерности «демократического мира» обусловлены не уникальными чертами демократий, а совпадением интересов безопасности отдельных либеральных государств, устройством международного порядка и балансом сил (Layne 1994). Наиболее радикальный вызов ТДМ бросил в 2003 г. Себастьян Розато, утверждавший, что мир между демократиями, особенно после 1945 г., объясняется общностью стратегических интересов в противостоянии СССР и сохранением американской гегемонии в сообществе западных демократий. По мнению Розато и его сторонников, структурно-институциональные и нормативные концепции демократического мира обычно опираются на «монадическую» логику, выводя миролюбие демократий из устройства их внутренней политики (Rosato 2003). Однако надёжные эмпирические свидетельства имеют диадический характер: демократии крайне редко воюют именно друг с другом. Поэтому остаётся неясным, почему «нормы и институты миролюбия» не действуют, когда демократии односторонне иницируют вооружённые конфликты или интервенции против авторитарных режимов. Кроме того, большинство моделей ТДМ не учитывает реальное устройство процесса принятия решений в демократиях. Возникает разрыв между предполагаемым и непосредственно наблюдаемым поведением демократий в международных конфликтах (Rosato 2003).

Для преодоления этих несоответствий в начале 2000-х гг. политологи-компаративисты обратились к изучению различий во внешней политике демократий в сфере применения военной силы. Целью этих исследований стало «раскрытие чёрного ящика демократии» («unpacking democracy») применительно к конфликтному поведению и использованию вооружённых сил за рубежом. Одна из основоположниц этого подхода Мириам Ф. Элман предположила, что действие институциональных ограничений зависит от сочетания формы демократического правления и соотношения сил между парламентом и исполнительной властью (Elman 2000: 94). На историческом материале она показала, что демократии могут проводить агрессивную внешнюю политику, если исполнительная власть не сдерживается «миролюбиво настроенным» парламентом (Elman 2000: 95).

Последующие исследования продолжили поиск закономерностей в военной политике демократий с различными политическими системами. Так, различия между президентскими и парламентскими системами не оказывают статистически значимого влияния на инициирование вооружённых конфликтов

(Reiter and Tillman 2002; Leblang and Chan 2003)⁵. Вместе с тем были обнаружены свидетельства того, что широкие полномочия парламентов во внешней политике способствуют формированию более сдержанного и миролюбивого внешнеполитического курса (Reiter and Tillman 2002; Clark and Nordstrom 2005). Как и в работе Элман, эти исследования показали, что влияние legislatures зависит от общей конфигурации внутренней политики (Leblang and Chan 2003; Clark and Nordstrom 2005)⁶. Теория «парламентского мира» (ТПМ), объясняющая миролюбие демократий институциональными механизмами взаимодействия законодательной и исполнительной власти, получила широкое распространение в 2010-х гг. (Wagner 2018; Dieterich et al. 2015).

Хотя теория парламентского мира показывает значение институциональной структуры для внешнеполитического поведения демократий, она оставляет открытым вопрос о роли конкретных политических акторов внутри этих институтов. Парламент не является монолитным образованием: его решения, особенно в таких чувствительных сферах, как внешняя политика и безопасность, складываются в результате взаимодействия политических партий, образующих правящие коалиции и оппозицию (Müller and Strøm 1999). При этом влияние партийной идеологии, внутрипартийной динамики, коалиционной политики и электоральных стратегий на внешнюю политику изучено недостаточно.

В рамках поиска механизмов влияния акторов внутри парламентских институтов сформировалось отдельное исследовательское направление, посвящённое воздействию партийной идеологии на внешнеполитические позиции по вопросу применения военной силы. Значимый вклад в его становление внесла монография Брайана Рэтбана (Rathbun 2004), в которой на материале югославского кризиса была показана идеологическая дифференциация внешнеполитического курса. Для левых партий особенно важными оказались гуманистические ценности и международная защита прав человека, тогда как правые партии в большей степени ориентировались на национальные интересы государства.

В 2010-х гг. эти предположения получили обстоятельную проверку в сравнительных исследованиях современных вооружённых интервенций. Патрик Мелло показал, что высокий уровень участия государств в военных операциях обеспечивается различными сочетаниями взаимодополняющих условий: 1) отсутствием конституционных ограничений на применение вооружённых сил⁷; 2) отсутствием у парламента полномочий по предварительному одобрению военных операций («ex ante veto»); 3) доминированием правых

⁵ В частности, военизированных межгосударственных споров (militarized interstate disputes, MIDs).

⁶ На эти процессы, в частности, влияют уровень политического участия гражданского общества и структура партийной системы.

⁷ Например, в форме закреплённого конституцией международного нейтралитета или запрета на инициирование либо поддержку вооружённых интервенций.

партий в исполнительной власти и парламенте; 4) общественной поддержкой конкретной операции; 5) наличием достаточного военного потенциала. Некоторые условия, например первое и последнее, оказываются необходимыми для вовлечения в вооружённый конфликт, тогда как другие действуют лишь как элементы более сложной комбинации (Mello 2012). Модель Мелло провёрялась на примерах операций НАТО в Югославии (1995 и 1999 гг.), вторжений в Афганистан (2001 г.), Ирак (2003 г.) и Ливию (2011 г.), контртеррористической операции «Непоколебимая решимость» (Inherent Resolve) в 2015 г., а также ряда миротворческих миссий ЕС в 2000–2010-х гг. (Mello 2014; Haesebrouck 2017, 2018; Wagner et al. 2018; Haesebrouck and Mello 2020).

Тем не менее результаты этих исследований неоднозначны в отношении роли идеологического фактора. Правые правительства порой вводили существенные ограничения на применение военной силы, как в случае участия Нидерландов в операции в Ливии⁸, тогда как левые правительства, вопреки ожиданиям, нередко поддерживали вооружённые интервенции.

Систематический анализ публичных позиций европейских парламентских партий в сфере внешней политики и национальной безопасности показывает, что высокую поддержку применения военной силы чаще выражают центристские и правоцентристские партии (Wagner 2020). В то же время крайне левые партии обнаруживают сходные изоляционистские и антиглобалистские предпочтения, отвергая различные формы вмешательства во внутренние дела других государств (Wagner 2020). Аналогичная конфигурация наблюдается на оси GAL/TAN⁹: неприятие применения силы сильнее на полюсах, тогда как основная поддержка исходит из центра (Wagner et al. 2018). В демократиях Западной Европы эта взаимосвязь сохраняется, но в посткоммунистических демократиях Восточной Европы становится менее выраженной (Haesebrouck and Mello 2020). Идеологическая поддержка развёртываний зависит и от характера миссии: левые партии чаще одобряют миротворческие и иные гуманитарные операции, тогда как правые – контртеррористические миссии и операции, связанные с насильственной сменой политического режима.

Таким образом, несмотря на значительный объём исследований влияния партийной идеологии на позиции по вопросу применения военной силы, остаётся не вполне ясно, как ценностные предпочтения политических партий взаимодействуют с их институциональным статусом и типом операции. Настоящее исследование направлено на преодоление этого ограничения посредством

⁸ Необходимость сохранить парламентское большинство, зависевшее от поддержки правой «Партии за свободу» (*Partij voor de Vrijheid*), которая формально не входила в коалицию и выступала против интервенции, вынудила правительство ограничить масштаб участия Нидерландов и исключить применение истребителей F-16 для ударов по наземным целям (Frost-Nielsen 2017).

⁹ GAL – зелёные, альтернативисты и либертарианцы; TAN – традиционалисты, авторитаристы и националисты. Подробнее об этом размежевании см. (Коргунюк 2021; Захарова 2026).

комплексного анализа того, как партийная идеология, положение партии в правительстве или оппозиции и характер военной миссии связаны с парламентскими решениями о применении силы.

При этом анализ основывается на двух допущениях. Во-первых, предполагается, что между партиями одной идеологической семьи отсутствуют систематические различия, хотя это справедливо не во всех случаях (Kier 1997). Во-вторых, принадлежность к правящей коалиции рассматривается как важный фактор отношения партии к применению военной силы. Это согласуется с предположением о том, что участие во власти меняет внешнеполитические стимулы политиков и повышает их готовность поддерживать активный курс (Lewis 2017).

В настоящем исследовании «военная операция» определяется как формализованный и санкционированный государством комплекс скоординированных действий вооружённых сил и приданных им структур за пределами национальной территории, направленных на достижение конкретных стратегических, политических или гуманитарных целей в условиях конфликта, кризиса либо кооперативного взаимодействия. Понятие охватывает широкий круг видов деятельности, различающихся по характеру, масштабу, интенсивности применения силы и уровню легитимности.

Тип военной операции, определяемый её целями, методами, уровнем риска, необходимыми ресурсами и международно-правовым статусом, формирует политический контекст, в котором законодательный орган принимает решение об одобрении или отклонении развёртывания войск. Различия между операциями – от высокоинтенсивных боевых действий до низкорискового военнотехнического сотрудничества – являются важным фактором, обуславливающим уровень парламентской поддержки.

Сформулируем исследовательские гипотезы. Под «модерацией» далее понимается эффект, при котором сила или направление связи между идеологией партии и поддержкой развёртывания зависит от значения третьей переменной – статуса партии или типа операции.

H1. При прочих равных условиях смещение партии вправо по идеологическому спектру положительно связано с вероятностью её поддержки парламентского решения о развёртывании вооружённых сил.

Эта базовая гипотеза обобщает наиболее устойчивый вывод предшествующих исследований (Wagner et al. 2018; Haesebrouck and Mello 2020) и служит отправной точкой анализа. Её проверка на расширенной выборке – 1022 голосования в 21 стране за 1990–2019 гг. – и при двух способах операционализации идеологии (CHES и MARPOR) предшествует анализу модерационных эффектов, сформулированных в H2 и H3.

H2. Институциональный статус партии (правящая / оппозиционная) модулирует взаимосвязь между её идеологической позицией и поддержкой применения военной силы: знак и сила эффекта зависят от того, входит ли партия в правительственную коалицию.

Н2.1. Среди оппозиционных партий взаимосвязь между правой идеологией и поддержкой применения силы положительная и статистически значимая (чем правее партия, тем выше доля голосов «за»).

Н2.2. Среди правящих партий связь идеологии с поддержкой военных операций ослаблена; ожидаемое среднее различие между правыми и левыми партиями, входящими в правительство, статистически неотличимо от нуля.

Правящие партии, несущие прямую ответственность за последствия развёртывания войск, включая возможные потери, финансовые затраты и внешнеполитические репутационные издержки, должны демонстрировать более слабую зависимость поддержки применения военной силы от идеологических принципов. Их решения в большей степени определяются соображениями государственного интереса, доступом к закрытой информации, коалиционной дисциплиной и электоральными рисками. Напротив, оппозиционные партии, не отвечающие непосредственно за реализацию операции, могут теснее связывать свою позицию при голосовании с идеологической платформой и использовать этот вопрос для политического позиционирования и критики правительства.

Н3. Специфические характеристики военной операции, определяемые её целями, уровнем риска, легитимностью и ожидаемыми издержками, модулируют взаимосвязь между идеологической позицией партии и её поддержкой применения военной силы.

Идеологические установки партий по вопросу применения силы не являются неизменными и универсальными, а зависят от контекста. Эта гипотеза конкретизируется в следующих предположениях.

Н3.1. Для военных операций с высокой интенсивностью боевых действий (combat) положительный эффект идеологии усиливается: разрыв в поддержке между правыми и левыми партиями становится более выраженным.

Н3.2. Для операций с гуманитарными целями положительный эффект идеологических размежеваний ослабевает (сглаживается за счёт универсалистского консенсуса), вплоть до незначимого среднего различия.

Н3.3. Для операций кооперативного характера – военно-технического сотрудничества, обучения и логистической поддержки союзников – ожидается более слабая идеологическая поляризация, поскольку их поддержка в большей степени определяется прагматическими и союзническими соображениями.

Исследование построено в два этапа и предназначено для проверки гипотез о влиянии партийной идеологии на поддержку военных операций с учётом двух модераторов: институционального статуса партии и типа операции. На первом этапе анализируются базовая взаимосвязь и модерационная роль статуса партии (Н2) посредством серии FLR-моделей на двух выборах, сформированных

по экспертным оценкам и данным партийных программ. Модели включают контрольные переменные и взаимодействие между идеологией и статусом партии. Для проверки устойчивости результатов и учёта особенностей пропорциональной зависимой переменной дополнительно оценивается ZOIB-регрессия в байесовской постановке. На втором этапе проверяется модерация типом операции (H3): отдельно оцениваются FLR-модели для трёх типов миссий (combat, cooperative, humanitarian) с взаимодействиями между идеологией и типом операции, после чего результаты сопоставляются с оценками ZOIB-моделей. Такой дизайн позволяет оценить контекстную зависимость идеологического эффекта и проверить устойчивость выводов к выбору источника данных и статистической модели.

Операционализация переменных

Зависимая переменная – доля поддержки решения о развёртывании вооружённых сил – измеряется на партийном уровне. Показатель рассчитывается не для отдельных парламентариев, а для партии в целом и равен доле членов её парламентской фракции, проголосовавших «за» соответствующее предложение. В голосованиях о выводе войск голос «за» означает поддержку прекращения или сворачивания операции.

Проиллюстрируем расчёт на эмпирическом примере. В 2014 г. при голосовании по вопросу участия Германии в операции «Решительная поддержка» (Resolute Support) из 63 депутатов партии «Союз 90/Зелёные» предложение поддержали 9 парламентариев. Значение зависимой переменной для этой партии составило около 0,14.

Эмпирическая база исследования сформирована на основе данных проекта *Parliamentary Deployment Votes Database*, реализуемого международной командой под руководством Вольфганга Вагнера (Ostermann and Wagner 2023). База включает результаты 1022 парламентских голосований по вопросам развёртывания вооружённых сил в 21 демократической стране за 1990–2019 гг., а также сведения о позициях 305 политических партий – всего 5540 наблюдений на уровне «партия – голосование». Распределение данных существенно неоднородно: на Германию (191 голосование) и Италию (131 голосование) совокупно приходится около четверти всех случаев, тогда как Австралия и Бельгия представлены лишь четырьмя голосованиями каждая – менее 1 % общего массива.

Независимой переменной выступает партийная идеология, операционализированная как положение партии на шкале «левые – правые». Непрерывная шкала от 0 до 10 позволяет учитывать различия в идеологической ориентации. Для повышения надёжности результатов используются два независимых источника оценки партийных позиций – *Chapel Hill Expert Survey* (Jolly et al. 2022) и *Manifesto Project* (Lehmann et al. 2024).

В рамках Chapel Hill Expert Survey систематически собираются экспертные оценки позиций политических партий по широкому кругу вопросов – от европейской интеграции до общих идеологических установок. Преимущество этого источника состоит в возможности отслеживать изменение партийных позиций во времени. Его ограничения связаны с преимущественным охватом европейских стран и более узкими временными рамками наблюдений (1999–2019 гг.).

Данные Manifesto Project основаны на контент-анализе партийных программ и построении интегрального индекса из 26 переменных, отражающих многомерность партийных позиций. К преимуществам относятся широкий географический охват – более 50 стран – и длительный временной ряд (1945–2023 гг.), полностью перекрывающий период наблюдений в основной базе голосований. Вместе с тем методика зависит от периодичности публикации партийных программ, которые обычно появляются в период избирательных кампаний¹⁰. Поэтому она может не фиксировать краткосрочные идеологические сдвиги между выборами.

В исследование включён набор контрольных переменных¹¹, позволяющих учесть основные контекстуальные факторы, потенциально связанные с поддержкой решений о развёртывании вооружённых сил.

Институциональный статус партии (*gov*) кодируется как фиктивная переменная, принимающая значение 1, если партия входила в состав правящей коалиции на момент голосования, и 0 – в противном случае. Включение данной переменной обусловлено тем, что партии, находящиеся у власти, зачастую демонстрируют более высокую склонность поддерживать военные операции (Lewis 2017), что может быть связано с их прямой ответственностью за принятие внешнеполитических решений и/или стремлением избежать репутационных издержек от отказа в поддержке правительственной линии.

Характер голосования (*wthdr*) также представлен фиктивной переменной: значение 1 соответствует голосованию о выводе войск или сворачивании операции, значение 0 – голосованию о первоначальном развёртывании. Решение о развёртывании предполагает принятие новых обязательств и связанных с ними рисков, тогда как решение о выводе войск принимается в отношении уже идущей операции. Переменная позволяет учесть возможную асимметрию партийных стимулов при голосовании по этим двум типам предложений.

Союзнические обязательства (*alliance*) кодируются как дамми-переменная, отражающая членство страны в военном альянсе или двустороннем оборонительном соглашении. Включение этой переменной объясняется

¹⁰ При определении положения партии на идеологическом спектре по показателю RILE использовалась программа выборов, предшествовавших соответствующему голосованию о развёртывании вооружённых сил.

¹¹ Переменные *gov*, *wthdr*, *alliance* и *u postcom* заимствованы из *Parliamentary Deployment Votes Database* (Ostermann and Wagner 2023).

предположением, что страны, связанные союзническими обязательствами, испытывают большее давление в пользу поддержки совместных военных операций. Членство в альянсе может восприниматься как обязательство участвовать в коллективных действиях, а отказ от поддержки – как угроза репутации и долгосрочным союзническим отношениям.

Переменная «историко-политический контекст» (*postcom*) показывает, принадлежала ли страна к советскому блоку и относится ли она к посткоммунистическим демократиям. Её включение основано на предположении, что наследие социалистического периода связано с партийными установками и отношением к участию в военных операциях (Haesebrouck and Mello 2020). Во-первых, партийно-политическое пространство государств Восточной Европы систематически отличается от западноевропейского (Vachudova and Hooghe 2009); в частности, крайне левые силы здесь обычно обладают меньшей электоральной поддержкой. Во-вторых, многие из этих государств сравнительно недавно присоединились к НАТО, и поддержка операций может служить способом демонстрации союзнической надёжности, прежде всего в отношениях с США.

Концентрация власти в правительстве (*herf*) измеряется индексом Херфиндаля – Хиршмана, рассчитанным по долям мест партий в правительственной коалиции; значения варьируются от 0 до 1, причём более высокие значения указывают на большую концентрацию власти (Scartascini et al. 2021). Высокая концентрация облегчает проведение согласованной правительственной линии. При низких значениях власть распределена между несколькими партнёрами по коалиции, что повышает значение межпартийных переговоров и может затруднять выработку единой позиции.

Электоральная поддержка партии (*pervote*) измеряется долей голосов, полученной ею на последних парламентских выборах перед рассматриваемым голосованием (Lehmann et al. 2024). Этот показатель используется как приближённая оценка политического веса партии: позиции крупных и малых партий имеют различное значение для исхода парламентского решения и могут формироваться под влиянием разных стратегических стимулов¹².

Кроме того, в анализ включена институциональная рамка международной миссии, которая операционализирована через набор фиктивных переменных, указывающих на организацию, под эгидой которой проводится развёртывание вооружённых сил:

- операции, санкционированные резолюцией Совета Безопасности ООН;
- операции под руководством НАТО или санкционированные Альянсом;
- операции в рамках Общей политики безопасности и обороны (ОПБО) Европейского союза;

¹² Подробнее о различиях во влиянии политических акторов см. (Tsebelis 2002; Помигуев 2014).

- операции, разрешённые или санкционированные национальным правительством одной из стран-участниц¹³.

Эти переменные позволяют контролировать правовой и политический контекст операции. Одинаковые по содержанию миссии могут приобретать различное политическое значение в зависимости от институционального оформления. Предполагается, что поддержка операции под эгидой авторитетной международной организации может восприниматься как менее рискованная с точки зрения внутривнутриполитической репутации и потому влиять на мотивацию партий при голосовании.

Тип операции¹⁴ также представлен набором фиктивных переменных, классифицирующих миссию по её основной цели и характеру боевых действий:

- операции с чётко выраженными гуманитарными целями, высокой международной легитимностью и низким непосредственным риском – гуманитарная помощь, ликвидация последствий чрезвычайных ситуаций и т. п.;
- операции кооперативного характера – военно-техническое сотрудничество, обучение, логистическая поддержка и т. п.;
- операции с высокой интенсивностью боевых действий и риском потерь (конвенциональная война, борьба с повстанцами).

Эти переменные позволяют учитывать фактическое содержание миссии, поскольку партии могут по-разному относиться к различным типам операций. Предполагается, что операции высокой боевой интенсивности сильнее поляризуют поддержку вдоль идеологического спектра; гуманитарные миссии, напротив, ослабляют идеологические разногласия; кооперативные операции вызывают меньшую идеологическую поляризацию, а их поддержка в большей степени зависит от прагматических и союзнических соображений.

Методы анализа

Зависимая переменная измерена как доля на интервале от 0 до 1. Применение метода наименьших квадратов к таким данным сопряжено с рядом ограничений: линейная модель может давать прогнозы за пределами допустимого

¹³ Голосования о развёртывании вооружённых сил в рамках операций, разрешённых или санкционированных национальным правительством одной из стран-участниц, например операции «Бархан», использованы как базовая категория.

¹⁴ Операции классифицированы по информации из открытых источников. Из-за различий в законодательной практике большинство операций закодировано по целям и задачам кампании в целом, а не по конкретному вкладу каждой страны. В тех случаях, когда такой вклад удалось установить, кодирование проводилось на страновом уровне. Например, участие Королевских ВВС Дании в операции «Сервал» против террористических группировок в Мали отнесено к кооперативному типу, тогда как сама операция – к операциям высокой боевой интенсивности и риска потерь.

интервала, а дисперсия ошибок обычно зависит от уровня условного среднего. Поэтому анализ требует моделей, специально предназначенных для пропорциональных данных.

Для анализа пропорциональных данных разработано несколько специализированных подходов. В настоящем исследовании используются две альтернативные модели: дробная логистическая регрессия и бета-регрессия с инфляцией нулей и единиц. Каждая из них имеет собственные преимущества и ограничения.

Дробная логистическая регрессия (FLR) представляет собой обобщённую линейную модель с логистической функцией связи, оцениваемую методом квазикаксимального правдоподобия для условного среднего пропорциональной переменной (Papke and Wooldridge 1996). Она позволяет моделировать значения на закрытом интервале от 0 до 1, включая граничные наблюдения. Коэффициенты характеризуют изменение логарифма шансов условного среднего, поэтому их непосредственная содержательная интерпретация затруднена. Для представления результатов на шкале исходной переменной необходимо рассчитывать предсказанные значения и предельные эффекты.

Поскольку FLR является нелинейной моделью с логит-функцией связи, коэффициенты линейного предиктора нельзя непосредственно интерпретировать как изменения зависимой переменной. Для содержательного анализа рассчитываются условные предельные эффекты и предсказанные значения на исходной шкале пропорций посредством обратного логит-преобразования при средних значениях контрольных переменных. Доверительные интервалы строятся симуляционным методом: из асимптотического многомерного нормального распределения оценок коэффициентов извлекаются 1000 псевдослучайных векторов, для каждого из которых вычисляется соответствующая величина; 2,5-й и 97,5-й процентиля формируют 95%-й доверительный интервал (King et al. 2000; Zhirnov et al. 2023). Такой подход учитывает нелинейность функции связи и взаимодействия между предикторами; применение формул линейной регрессии могло бы исказить оценку неопределённости.

Альтернативой служит регрессия на основе бета-распределения, определённого на открытом интервале (0, 1). Его форма задаётся параметрами среднего (μ) и точности (ϕ), что позволяет гибко описывать различные распределения пропорциональных данных.

Классическое бета-распределение не включает граничные значения 0 и 1. Поэтому применяется бета-регрессия с инфляцией нулей и единиц (ZOIB) (Ospina and Ferrari 2012), в которой отдельно моделируются вероятность граничного исхода и условная вероятность того, что граничный исход равен 1. В используемой параметризации модель включает следующие компоненты:

- субмодель вероятности граничного исхода – 0 или 1;
- субмодель условной вероятности значения 1 среди граничных исходов;

- субмодели условного среднего и точности распределения для наблюдений внутри интервала (0, 1).

Такое разделение позволяет учитывать смешанную структуру данных. Вместе с тем каждая компонента имеет собственный набор коэффициентов, поэтому результаты следует интерпретировать совместно: один и тот же предиктор может по-разному влиять на среднее значение внутри интервала, вероятность граничного исхода и вероятность полной поддержки.

Структура исследования

Исследование проводится в два последовательных этапа, каждый из которых проверяет отдельный аспект взаимосвязи между партийной идеологией и парламентской поддержкой развёртываний вооружённых сил.

Этап 1: анализ роли институционального статуса партии во взаимосвязи идеологии и поддержки применения военной силы

На первом этапе проверяется гипотеза о том, что институциональный статус партии – правящий или оппозиционный – модулирует связь между её идеологической позицией и поддержкой применения военной силы. Для этого оценивается серия спецификаций FLR-модели на двух выборках, сформированных на основе *Manifesto Project* и *Chapel Hill Expert Survey*. Дополнительно проверяется устойчивость результатов после исключения голосований в парламентах Германии и Италии, на которые приходится около четверти всех наблюдений.

На первом этапе последовательно оцениваются четыре спецификации FLR-модели; полные результаты приведены в табл. 1, а обозначения переменных пояснены в разделе «Операционализация переменных». Модель 1 включает идеологическую позицию партии (RILE), её институциональный статус (gov) и контрольные переменные. Модель 2 добавляет квадратичный член идеологии (RILE²), позволяющий проверить нелинейную форму связи. Модель 3 вводит взаимодействие RILE × gov и тем самым операционализирует гипотезу H2, поскольку даёт отдельные оценки связи идеологии с поддержкой для оппозиционных и правящих партий. Модель 4 объединяет оба расширения и включает RILE, RILE², gov, RILE × gov и RILE² × gov наряду с контрольными переменными. Эта спецификация позволяет одновременно оценить, зависит ли сила, направление и функциональная форма взаимосвязи от институционального статуса партии; ей соответствует столбец M4 в табл. 1.

Для проверки устойчивости результатов на выборке *Manifesto Project* оценивается ZOIB-модель с линейным взаимодействием идеологии и статуса партии, соответствующим модели 3. В отличие от FLR, она позволяет отдельно проанализировать:

- вероятность граничного значения зависимой переменной – полного неприятия или полной поддержки решения;
- условную вероятность полной поддержки среди граничных исходов;

- среднее значение доли поддержки внутри интервала (0, 1);
- точность, то есть степень концентрации распределения доли поддержки внутри интервала (0, 1).

Этап 2: анализ роли типа операции во взаимосвязи идеологической позиции партии и поддержки применения военной силы

На втором этапе исследуется зависимость идеологического эффекта от типа операции. Для этого оцениваются FLR-модели с взаимодействием между идеологической позицией и каждым из трёх типов миссий (*combat*, *cooperative*, *humanitarian*) на двух выборках. Устойчивость результатов дополнительно проверяется после исключения голосований в парламентах Германии и Италии. С теми же спецификациями оцениваются ZOIB-модели.

ZOIB-модели оценивались в байесовской парадигме с использованием пакета *brms* (Bürkner 2017)¹⁵. Явные информативные априорные распределения в коде не задавались; использовались стандартные настройки пакета. Поэтому интерпретация результатов опирается прежде всего на апостериорные оценки и интервалы неопределённости.

Результаты первого этапа исследования

В исследовании оценены двенадцать спецификаций FLR-модели на различных выборках¹⁶, что позволило детализировать связь между идеологической позицией партии и её поддержкой парламентских решений о военном развёртывании. Сопоставление FLR- и ZOIB-подходов дополняет анализ среднего уровня поддержки рассмотрением её внутренней структуры – вариативности позиций, вероятности граничных исходов и полной поддержки (см. табл. 1¹⁷).

Базовая спецификация (модель 1) выявляет положительную связь между смещением партии вправо и вероятностью поддержки военных операций. Результат соответствует распространённому в литературе предположению о большей готовности правых партий одобрять применение военной силы.

¹⁵ Для оценки ZOIB-моделей использовался пакет *brms* (Bayesian Regression Models using Stan) для языка R; вычисления выполнялись методом гамильтонова Монте-Карло через Stan. В опубликованном коде параметр *prior* явно не задаётся, поэтому применяются стандартные настройки пакета *brms*. Конкретные априорные распределения определяются используемым семейством модели и спецификацией её компонентов.

¹⁶ Для моделей 1–4 использованы данные *Manifesto Project*, для моделей 5–8 – сокращённая выборка без Германии и Италии, для моделей 9–12 – данные *Chapel Hill Expert Survey*.

¹⁷ Во всех FLR-моделях использованы робастные стандартные ошибки с кластеризацией по странам, учитывающие возможную гетероскедастичность и корреляцию ошибок внутри стран.

Для диагностики мультиколлинеарности рассчитаны факторы инфляции дисперсии (VIF). Значения VIF для всех предикторов, кроме константы, находятся в диапазоне 1,03–1,37, то есть существенно ниже обычно используемых порогов 5 и 10.

**Таблица 1. Взаимосвязь идеологии политической партии и поддержки развёртыва-
ний вооружённых сил (FLR)***Table 1. The relationship between the ideology of a political party and support for the de-
ployment of the armed forces (FLR)*

Параметр	MARPOR (полная)				MARPOR (без GMY/ITA)				CHES			
	M1	M2	M3	M4	M1	M2	M3	M4	M1	M2	M3	M4
Константа	-2.818** (1.166)	-5.727* (2.985)	-3.434*** (1.246)	-6.740** (3.397)	-2.065* (1.135)	-3.880* (2.175)	-2.780** (1.103)	-4.686** (2.387)	-1.684* (0.961)	-3.507* (1.893)	-1.827** (0.926)	-3.555* (1.963)
Идеология (RILE)	+0.509*** (0.183)	+1.771* (0.973)	+0.636*** (0.190)	+2.073* (1.123)	+0.419* (0.215)	+1.229* (0.717)	+0.570*** (0.200)	+1.426* (0.826)	+0.295* (0.161)	+1.307* (0.732)	+0.353** (0.158)	+1.314* (0.783)
Идеология ² (RILE ²)	–	-0.131 (0.093)	–	-0.150 (0.107)	–	-0.085 (0.071)	–	-0.093 (0.085)	–	-0.105* (0.063)	–	-0.101 (0.068)
Правит. статус (gov)	+1.350* (0.716)	+1.303* (0.714)	+5.413*** (1.617)	+14.723*** (5.374)	+0.798 (0.738)	+0.772 (0.738)	+5.450*** (1.354)	+19.536*** (5.194)	+1.066 (0.910)	+0.809 (0.848)	+3.369*** (1.264)	+3.835 (2.340)
RILE × gov	–	–	-0.821** (0.329)	-4.639** (2.128)	–	–	-0.935*** (0.212)	-6.482*** (2.176)	–	–	-0.429*** (0.130)	-0.890 (0.747)
RILE ² × gov	–	–	–	+0.379** (0.190)	–	–	–	+0.533** (0.207)	–	–	–	+0.056 (0.073)
Голосование о выводе войск	-2.108*** (0.488)	-2.141*** (0.471)	-2.059** (0.451)	-2.046*** (0.448)	-2.189*** (0.663)	-2.226*** (0.644)	-2.165*** (0.631)	-2.121*** (0.612)	-2.343*** (0.771)	-2.316*** (0.714)	-2.287*** (0.732)	-2.272*** (0.695)
Членство в альянсе	+0.021 (0.470)	+0.062 (0.497)	+0.046 (0.463)	+0.104 (0.476)	+0.058 (0.445)	+0.094 (0.457)	+0.088 (0.446)	+0.148 (0.438)	+0.088 (0.501)	+0.250 (0.545)	+0.062 (0.516)	+0.221 (0.565)
Посткомму- нистическая страна	+0.539 (0.383)	+0.492 (0.384)	+0.511 (0.388)	+0.507 (0.396)	+0.326 (0.475)	+0.280 (0.465)	+0.296 (0.481)	+0.330 (0.488)	+0.678 (0.506)	+0.845* (0.456)	+0.633 (0.517)	+0.810* (0.472)
Электораль- ная поддерж- ка партии	+0.025** (0.010)	+0.024** (0.010)	+0.025*** (0.010)	+0.025*** (0.010)	+0.017* (0.010)	+0.016 (0.010)	+0.018** (0.009)	+0.017* (0.009)	+0.030** (0.013)	+0.022 (0.013)	+0.029** (0.013)	+0.023* (0.012)
Концентра- ция власти (NNI)	+0.165 (0.861)	+0.196 (0.941)	+0.213 (0.893)	+0.203 (0.959)	+0.237 (0.786)	+0.247 (0.840)	+0.263 (0.844)	+0.224 (0.889)	+0.086 (0.923)	+0.028 (0.939)	+0.026 (0.929)	-0.056 (0.983)
ООН-мандат	+0.602*** (0.117)	+0.617*** (0.127)	+0.578*** (0.124)	+0.606*** (0.138)	+0.582*** (0.181)	+0.586*** (0.185)	+0.545*** (0.183)	+0.570*** (0.188)	+0.705*** (0.090)	+0.719*** (0.106)	+0.667*** (0.098)	+0.694*** (0.113)
НАТО- операция	+0.075 (0.146)	+0.054 (0.163)	+0.064 (0.153)	+0.061 (0.166)	+0.208* (0.116)	+0.200* (0.120)	+0.204* (0.120)	+0.205* (0.117)	+0.045 (0.167)	+0.014 (0.209)	+0.012 (0.185)	+0.001 (0.218)
ЕС-операция (CSDP)	+0.041 (0.229)	+0.005 (0.232)	+0.031 (0.239)	+0.013 (0.242)	+0.040 (0.234)	+0.015 (0.238)	+0.039 (0.240)	+0.025 (0.241)	-0.282* (0.169)	-0.356* (0.204)	-0.303* (0.172)	-0.352* (0.201)
N	4097	4097	4097	4097	2806	2806	2806	2806	2848	2848	2848	2848
log-lik	-1967.0	-1954.7	-1935.3	-1918.7	-1410.1	-1406.2	-1377.9	-1365.9	-1298.3	-1238.9	-1274.1	-1225.8

Включение квадратичного члена идеологии (модель 2) указывает на возможную нелинейность связи. Коэффициент при RILE сохраняет положительный знак, тогда как коэффициент при RILE² отрицателен; статистическая значимость квадратичного члена, однако, достигается не во всех спецификациях. Эта конфигурация согласуется с вогнутой, близкой к перевернутой U-образной зависимостью: поддержка возрастает по мере смещения вправо, но на крайних значениях спектра рост замедляется и может смениться снижением (см. рис. 1).

Включение взаимодействия между идеологией и институциональным статусом (модель 3) показывает, что положительная связь идеологической позиции с поддержкой развёртывания сильнее среди оппозиционных партий. Для правящих партий наклон заметно слабее, а интервалы неопределённости охватывают широкий диапазон значений, что указывает на частичное сглаживание идеологических различий в правительстве (см. рис. 2).

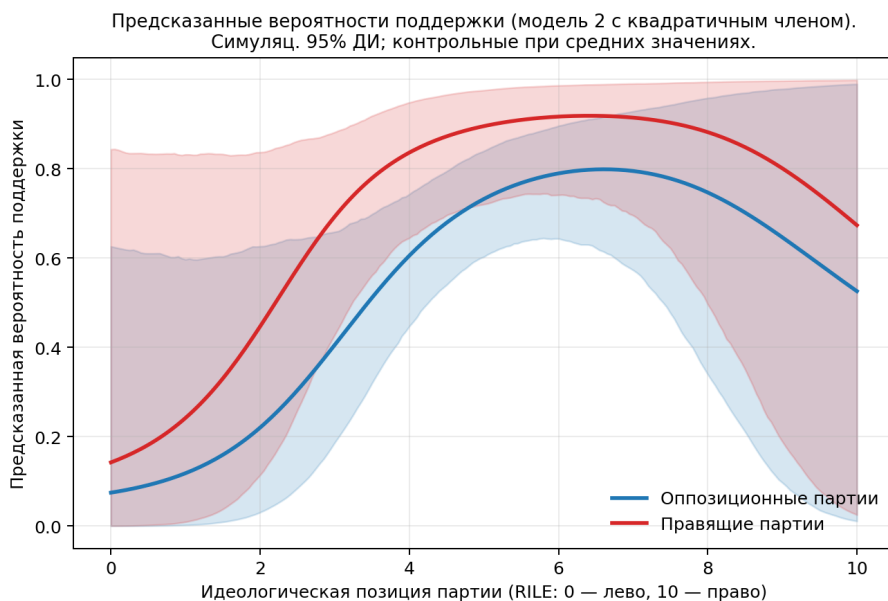

Рисунок 1. Предсказанный уровень поддержки при различной идеологической позиции и институциональном статусе партии (контрольные переменные – на средних значениях)

Figure 1. Predicted support by party ideology and institutional status (controls held at their means)

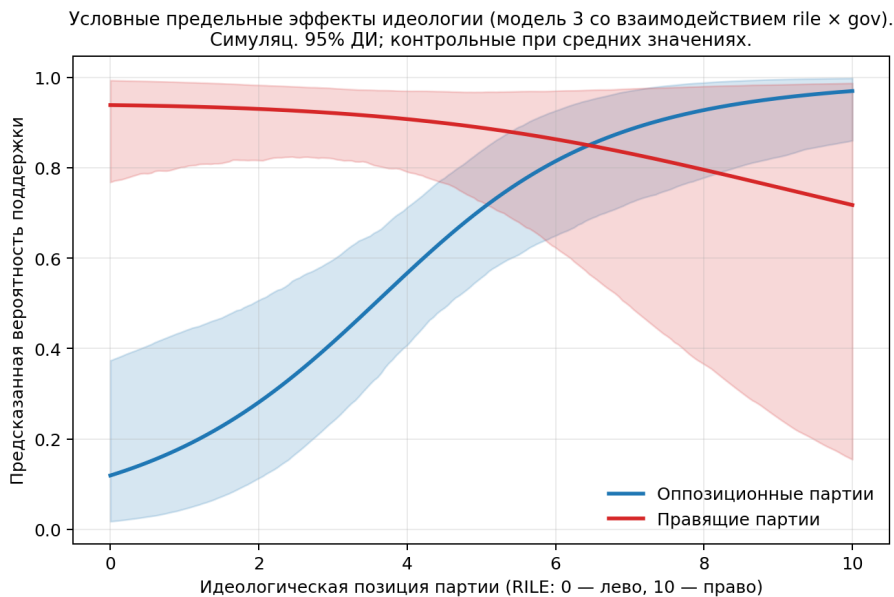

Рисунок 2. Предсказанный уровень поддержки в зависимости от идеологической позиции и институционального статуса партии (контрольные переменные – на средних значениях)

Figure 2. Predicted support by party ideology and institutional status (controls held at their means)

Для проверки устойчивости выводов модели были оценены на сокращённой выборке без Германии и Италии и с альтернативным измерением идеологии на основе *Chapel Hill Expert Survey*. После исключения Германии и Италии направление основных эффектов сохраняется: идеологическая позиция остаётся связана с поддержкой, а правительственный статус ослабляет эту связь. В моделях *CHES* направление взаимосвязи также воспроизводится, однако величина и статистическая определённости отдельных коэффициентов снижаются. Следовательно, результаты не сводятся к влиянию двух наиболее представленных стран, но чувствительны к способу операционализации идеологии.

Модель 4 объединяет квадратичный член идеологии и взаимодействие с правительственным статусом. На полной выборке MARPOR сравнение вложенных моделей по тесту отношения правдоподобий (LRT) показывает, что добавление взаимодействий и квадратичных членов улучшает качество подгонки: $M3 \rightarrow M4 - \chi^2(2) = 33,08, p < 0,001$; $M2 \rightarrow M4 - \chi^2(2) = 71,99, p < 0,001$. Это подчёркивает необходимость учитывать и нелинейность, и зависимость формы связи от институционального статуса. Для выбора между вложенными спецификациями LRT информативнее псевдо- R^2 , которое механически возрастает при добавлении регрессоров.

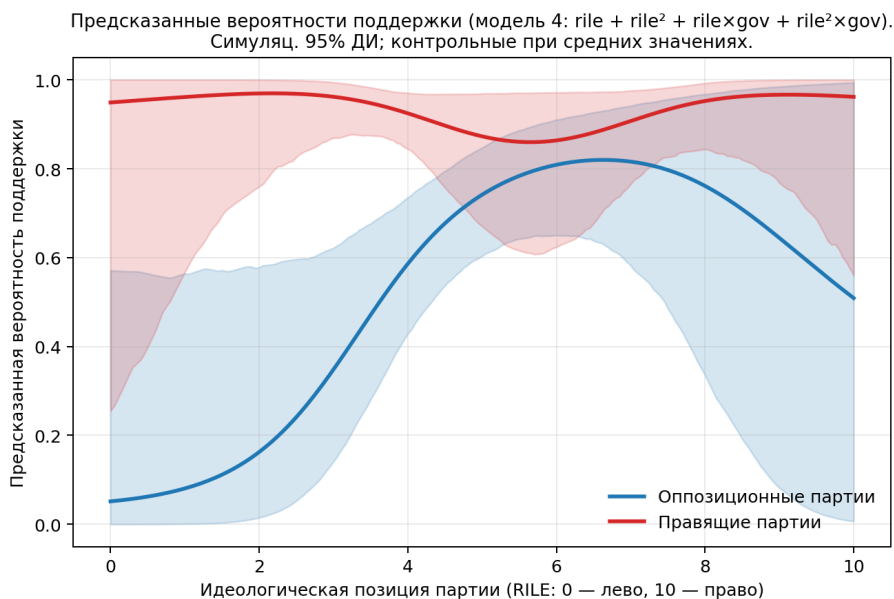

Рисунок 3. Предсказанный уровень поддержки в зависимости от идеологической позиции и институционального статуса партии (контрольные переменные – на средних значениях)

Figure 3. Predicted support by party ideology and institutional status (controls held at their means)

Применение ZOIB-модели углубляет интерпретацию взаимосвязи между партийной идеологией и поддержкой военных развёртываний. В отличие от FLR, ориентированной на условное среднее, ZOIB позволяет отдельно анализировать среднее и точность распределения внутри интервала (0, 1), вероятность граничного исхода и условную вероятность полной поддержки.

Оценки компоненты условного среднего (μ) согласуются с основным результатом FLR. Среди оппозиционных партий наблюдается положительная связь между смещением вправо и уровнем поддержки военных операций. Отрицательный коэффициент взаимодействия RILE $\times$ gov показывает, что для правящих партий эта связь существенно слабее; соответствующий предельный эффект оказывается близким к нулю.

Таблица 2. Взаимосвязь идеологии политической партии и поддержки развёртываний вооружённых сил (ZOIB)¹⁸
Table 2. The relationship between the ideology of a political party and support for the deployment of the armed forces (ZOIB)

Параметр	μ (среднее)	ϕ (точность)	α (Р экстр.)	γ (P=1)
Константа	-1.057 [-1.70; -0.44]	+0.263 [-0.44; +0.92]	+2.723 [+2.16; +3.28]	-3.437 [-4.10; -2.74]
Идеология (RILE)	+0.292 [+0.19; +0.40]	+0.049 [-0.05; +0.15]	-0.114 [-0.20; -0.02]	+0.695 [+0.60; +0.79]
RILE $\times$ gov	-0.234 [-0.39; -0.08]	-0.218 [-0.40; -0.03]	+0.453 [+0.28; +0.62]	-0.938 [-1.19; -0.68]
gov	+2.493 [+1.79; +3.24]	+2.728 [+1.85; +3.60]	-2.108 [-2.95; -1.25]	+6.131 [+4.77; +7.52]

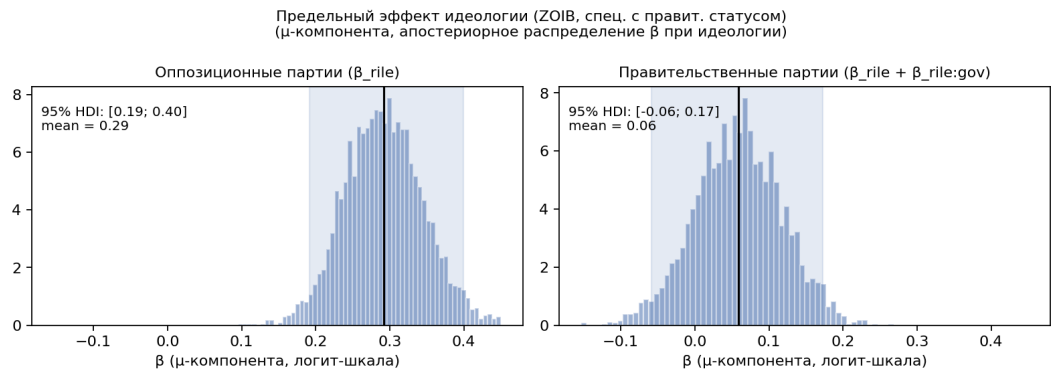

Рисунок 4. Апостериорное распределение предельного эффекта идеологии на условное среднее (μ -компонента ZOIB) для оппозиционных и правящих партий: среднее и 95%-й HDI; контрольные переменные – на средних значениях
Figure 4. Posterior distribution of the marginal effect of ideology on the conditional mean (ZOIB μ -component) for opposition and governing parties: mean and 95% HDI; controls held at their means

¹⁸ В табл. 2 приведены коэффициенты только основных переменных; полные результаты доступны в онлайн-приложении.
Диагностические показатели свидетельствуют о сходимости модели и отсутствии заметных численных проблем: признаков плохого смешивания цепей, недостаточного эффективного размера выборки или нестабильности апостериорных оценок не выявлено.

Параметр точности (ϕ) характеризует концентрацию наблюдений вокруг условного среднего. Для оппозиционных партий его связь с идеологической позицией невелика. Среди правящих партий отрицательное взаимодействие $RILE \times gov$ указывает на увеличение разброса долей поддержки по мере смещения вправо. Этот результат следует понимать как различие в распределении партийных уровней поддержки, а не как прямое измерение дисциплины отдельных парламентариев.

Компонента α описывает вероятность граничного исхода – полного неприятия или полной поддержки. Среди оппозиционных партий смещение вправо связано со снижением вероятности таких исходов. Для правящих партий положительное взаимодействие изменяет направление связи: вероятность граничного исхода возрастает. Этот контраст указывает на различие структуры партийных решений в зависимости от институционального статуса.

Компонента γ описывает условную вероятность полной поддержки среди граничных исходов. Для оппозиционных партий смещение вправо положительно связано с полной поддержкой. Отрицательное взаимодействие $RILE \times gov$ показывает, что среди правящих партий этот идеологический градиент существенно слабее.

Таким образом, ZOIB-модель в целом подтверждает вывод FLR о положительной связи правой идеологической позиции с поддержкой военных операций и показывает, что институциональный статус меняет не только её среднюю величину, но и структуру распределения исходов. Среди правящих партий идеологический эффект на условное среднее ослабляется, тогда как связи с разбросом, вероятностью граничного решения и полной поддержкой отличаются от наблюдаемых в оппозиции.

Результаты подчёркивают многомерность связи идеологии с поддержкой военного развёртывания. Значение и форма этой связи зависят от институционального статуса партии и от того, какая характеристика распределения поддержки рассматривается.

Результаты второго этапа исследования

Оценка девяти FLR-моделей на различных выборах¹⁹ позволяет определить, как тип военной операции изменяет связь между идеологической ориентацией партии и уровнем поддержки развёртывания вооружённых сил (см. табл. 3²⁰).

¹⁹ Для моделей 1–3 использованы данные *Manifesto Project*, для моделей 4–6 – сокращённая выборка без Германии и Италии, для моделей 7–9 – данные *Chapel Hill Expert Survey*.

²⁰ Во всех FLR-моделях использованы робастные стандартные ошибки с кластеризацией по странам, учитывающие возможную гетероскедастичность и корреляцию ошибок внутри стран.

Для диагностики мультиколлинеарности рассчитаны факторы инфляции дисперсии (VIF). Значения VIF для всех предикторов, кроме константы, находятся в диапазоне 1,04–2,03, то есть существенно ниже обычно используемых порогов 5 и 10.

Таблица 3. Взаимосвязь идеологии политической партии и поддержки развёртывания вооружённых сил (FLR)*Table 3. The relationship between the ideology of a political party and support for the deployment of the armed forces (FLR)*

Параметр	MARPOR (полная)			MARPOR (без GMY/ITA)			CHES		
	combat	coop.	human.	combat	coop.	human.	combat	coop.	human.
Константа	-2.914** (1.383)	-1.956** (0.806)	-3.385*** (1.269)	-2.172* (1.294)	-1.459 (0.917)	-2.450** (1.227)	-1.669 (1.073)	-1.501** (0.690)	-1.801* (1.012)
Идеология (RILE)	+0.540** (0.218)	+0.338** (0.134)	+0.612*** (0.198)	+0.455** (0.225)	+0.285 (0.200)	+0.496** (0.244)	+0.298* (0.154)	+0.269* (0.154)	+0.310* (0.175)
Тип: combat	+0.128 (1.451)	–	–	+0.014 (1.202)	–	–	-0.129 (0.819)	–	–
RILE × combat	-0.076 (0.294)	–	–	-0.064 (0.241)	–	–	-0.002 (0.166)	–	–
Тип: cooperative	–	-1.836** (0.856)	–	–	-1.433 (1.016)	–	–	-0.354 (0.556)	–
RILE × cooperative	–	+0.372** (0.154)	–	–	+0.321* (0.185)	–	–	+0.053 (0.068)	–
Тип: humanitarian	–	–	+1.988** (0.850)	–	–	+1.768* (1.000)	–	–	+0.579 (0.497)
RILE × humanitarian	–	–	-0.347* (0.189)	–	–	-0.323 (0.229)	–	–	-0.057 (0.124)
Правит. статус (gov)	+1.345* (0.720)	+1.349* (0.732)	+1.348* (0.721)	+0.791 (0.744)	+0.777 (0.747)	+0.793 (0.737)	+1.061 (0.910)	+1.065 (0.920)	+1.050 (0.899)
Голосование о выводе войск	-2.071*** (0.498)	-2.135*** (0.492)	-2.138*** (0.505)	-2.203*** (0.643)	-2.216*** (0.636)	-2.215*** (0.679)	-2.326*** (0.772)	-2.364*** (0.797)	-2.338*** (0.771)
Членство в альянсе	+0.044 (0.468)	-0.007 (0.501)	+0.017 (0.511)	+0.131 (0.460)	+0.053 (0.454)	+0.075 (0.473)	+0.106 (0.464)	+0.074 (0.477)	+0.048 (0.515)
Посткоммунистическая страна	+0.495 (0.372)	+0.509 (0.384)	+0.540 (0.400)	+0.249 (0.461)	+0.257 (0.458)	+0.338 (0.485)	+0.659 (0.492)	+0.699 (0.478)	+0.700 (0.515)
Электоральная поддержка партии	+0.025*** (0.010)	+0.026*** (0.010)	+0.024** (0.010)	+0.017* (0.009)	+0.018* (0.009)	+0.016* (0.010)	+0.029** (0.013)	+0.030** (0.014)	+0.030** (0.013)
Концентрация власти (НИИ)	+0.190 (0.868)	+0.148 (0.838)	+0.133 (0.859)	+0.189 (0.823)	+0.229 (0.755)	+0.162 (0.799)	+0.109 (0.884)	+0.041 (0.954)	+0.064 (0.929)
ООН-мандат	+0.592*** (0.129)	+0.582*** (0.142)	+0.486*** (0.123)	+0.604*** (0.205)	+0.611*** (0.219)	+0.505*** (0.168)	+0.697*** (0.103)	+0.680*** (0.100)	+0.601*** (0.100)
НАТО-операция	+0.066 (0.146)	+0.154 (0.104)	+0.233** (0.110)	+0.211* (0.114)	+0.223* (0.115)	+0.287*** (0.106)	+0.035 (0.158)	+0.114 (0.132)	+0.185 (0.121)
ЕС-операция (CSDP)	-0.021 (0.230)	+0.166 (0.274)	+0.222 (0.257)	-0.050 (0.310)	+0.044 (0.358)	+0.145 (0.263)	-0.326* (0.176)	-0.197 (0.285)	-0.167 (0.179)
N	4097	4097	4097	2806	2806	2806	2848	2848	2848
log-lik	-1963.6	-1953.7	-1950.4	-1406.5	-1402.9	-1401.9	-1297.5	-1297.1	-1294.7

Результаты показывают, что тип международной операции может изменять связь между идеологией партии и её готовностью поддержать военное развёртывание. Для операций высокой боевой интенсивности взаимодействие RILE × combat статистически не отличается от нуля во всех FLR-спецификациях. Следовательно, такие операции сами по себе не усиливают и не ослабляют идеологический градиент поддержки (см. рис. 5а).

В полной выборке MARPOR взаимодействие идеологии с кооперативным типом операции положительно: различие в поддержке между правыми и левыми партиями становится более выраженным (см. рис. 5б). Однако при альтернативной операционализации идеологии этот эффект ослабевает, поэтому его следует рассматривать как контекстный, а не универсальный.

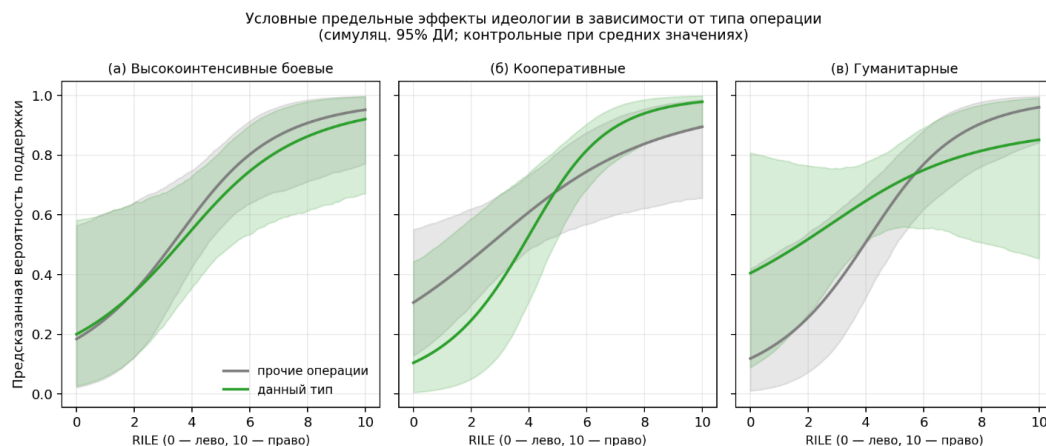

Рисунок 5. Предсказанный уровень поддержки в зависимости от идеологии и типа операции: (а) операции высокой боевой интенсивности, (б) кооперативные, (в) гуманитарные. Симуляционные 95%-е ДИ; контрольные переменные – на средних значениях

Figure 5. Predicted support by party ideology and operation type: (a) high-intensity combat, (b) cooperative, and (c) humanitarian operations. Simulated 95% CIs; controls held at their means

Для гуманитарных операций полная выборка MARPOR показывает положительный основной эффект и отрицательное взаимодействие с идеологией: общий уровень поддержки выше, а различие между правыми и левыми партиями меньше (см. рис. 5в). Вместе с тем устойчивость взаимодействия к изменению выборки и показателя идеологии ограничена, что требует осторожной интерпретации.

Проверка на выборке без Германии и Италии и с показателем идеологии *Chapel Hill Expert Survey* показывает, что базовая положительная связь между смещением вправо и поддержкой операций воспроизводится чаще, чем эффекты взаимодействия. При этом её величина и статистическая определённость различаются между спецификациями.

Гипотезы о систематической модификации идеологического эффекта типом операции получают неоднозначную поддержку. Для операций высокой боевой интенсивности значимого взаимодействия не выявлено. Для кооперативных и гуманитарных миссий эффекты взаимодействия обнаруживаются в отдельных спецификациях, но неустойчивы к смене выборки или способа измерения идеологии. Следовательно, контекстные различия носят скорее фрагментарный, чем универсальный характер.

Таблица 4. Структура поддержки развёртываний при операциях высокой боевой интенсивности (ZOIB; взаимодействие RILE × combat, выборка MARPOR)²¹
Table 4. Components of support for high-intensity combat deployments (ZOIB; RILE × combat interaction, MARPOR sample)

Параметр	μ (среднее)	φ (точность)	α (Р экстр.)	γ (P=1)
Константа	-1.183 [-1.73; -0.65]	-0.475 [-1.15; +0.21]	+1.954 [+1.41; +2.50]	-2.923 [-3.61; -2.20]
Идеология (RILE)	+0.287 [+0.21; +0.37]	+0.142 [+0.05; +0.24]	+0.023 [-0.06; +0.11]	+0.596 [+0.50; +0.70]
RILE × combat	-0.431 [-0.68; -0.18]	-0.605 [-0.86; -0.34]	-0.310 [-0.52; -0.10]	-0.079 [-0.26; +0.10]
combat	+1.783 [+0.50; +3.01]	+2.425 [+1.01; +3.72]	+2.286 [+1.21; +3.42]	+0.309 [-0.59; +1.19]

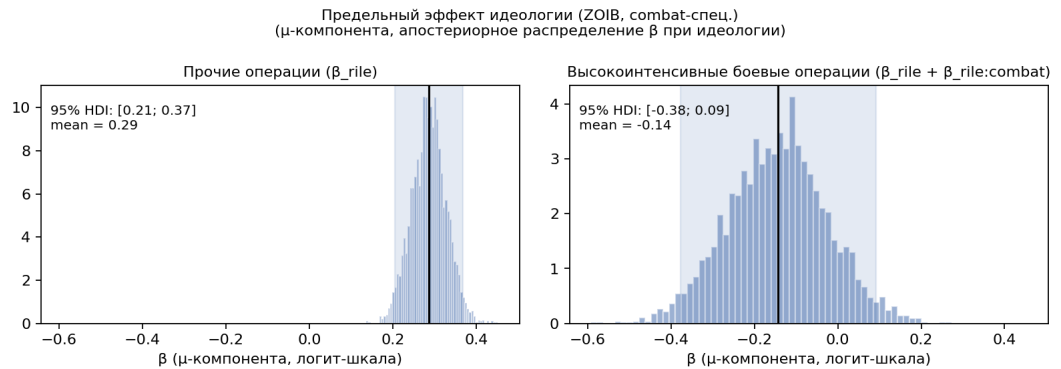

Рисунок 6. Апостериорное распределение предельного эффекта идеологии на μ-компоненту при операциях типа «combat» по сравнению с прочими операциями. Среднее и 95 %-й HDI.

Figure 6. Posterior distribution of the marginal effect of ideology on the μ-component for “combat” operations compared to other operations. Mean and 95% HDI.

ZOIB-подход позволяет дополнить анализ условного среднего исследованием точности распределения, вероятности граничных исходов и условной вероятности полной поддержки. Тем самым он уточняет, как тип операции связан с различными компонентами распределения партийной поддержки.

Для операций высокой боевой интенсивности суммарный предельный эффект идеологии на μ-компоненту оказывается близким к нулю, а его 95%-й HDI включает ноль. Это согласуется с выводом FLR об отсутствии усиления идеологического градиента. Одновременно отрицательное взаимодействие в φ-компоненте указывает на увеличение разброса долей поддержки по мере

²¹ В табл. 4 приведены коэффициенты только основных переменных; полные результаты доступны в онлайн-приложении.

Диагностические показатели свидетельствуют о сходимости модели и отсутствии заметных численных проблем: признаков плохого смешивания цепей, недостаточного эффективного размера выборки или нестабильности апостериорных оценок не выявлено.

смещения вправо, а отрицательное взаимодействие в α -компоненте – на снижение вероятности граничного исхода. В γ -компоненте интервал взаимодействия включает ноль. Таким образом, наиболее надёжный вывод состоит не в росте общего одобрения, а в изменении внутренней структуры распределения поддержки.

Таблица 5. Структура поддержки развёртываний при операциях кооперативного характера (ZOIB; взаимодействие RILE $\times$ cooperative, выборка MARPOR)²²
Table 5. Components of support for cooperative deployments (ZOIB; RILE $\times$ cooperative interaction, MARPOR sample)

Параметр	μ (условное среднее)	ϕ (точность)	α (Р экстр. исхода)	γ (Р полной поддержки)
Константа	+0.488 [-0.20; +1.18]	+1.440* [+0.65; +2.21]	+2.605* [+1.96; +3.27]	-1.886* [-2.62; -1.15]
Идеология (RILE)	-0.015 [-0.12; +0.09]	-0.214* [-0.33; -0.09]	-0.042 [-0.15; +0.07]	+0.394* [+0.29; +0.51]
Тип: cooperative	-2.159* [-2.93; -1.41]	-2.183* [-3.10; -1.26]	-0.776* [-1.52; -0.03]	-2.048* [-2.86; -1.21]
RILE $\times$ Тип: cooperative	+0.453* [+0.29; +0.61]	+0.492* [+0.30; +0.68]	+0.061 [-0.09; +0.21]	+0.388* [+0.22; +0.56]

Среднее апостериорного β и 95%-й HDI; * – HDI не пересекает 0. ZOIB: μ – условное среднее на интервале (0, 1); ϕ – точность распределения, причём более высокое значение соответствует меньшему разбросу вокруг μ ; α – вероятность граничного исхода, то есть полного неприятия или полной поддержки; γ – условная вероятность полной поддержки среди граничных исходов.

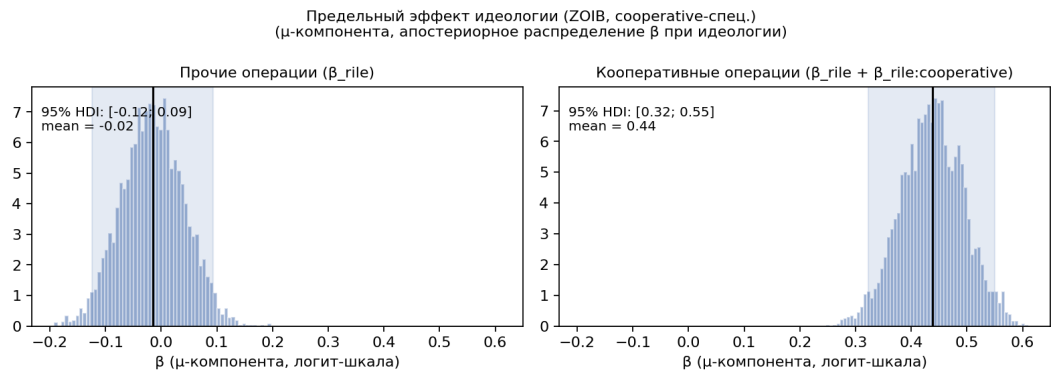

Рисунок 7. Апостериорное распределение предельного эффекта идеологии на μ -компоненту для кооперативных и прочих операций: среднее и 95%-й HDI
Figure 7. Posterior distribution of the marginal effect of ideology on the μ -component for cooperative and other operations: mean and 95% HDI

²² В табл. 5 приведены коэффициенты только основных переменных; полные результаты доступны в онлайн-приложении.
Диагностические показатели свидетельствуют о сходимости модели и отсутствии заметных численных проблем: признаков плохого смешивания цепей, недостаточного эффективного размера выборки или нестабильности апостериорных оценок не выявлено.

Таблица 6. Структура поддержки развёртываний при операциях с гуманитарными целями (ZOIB; взаимодействие RILE × humanitarian, выборка MARPOR)²³
Table 6. Components of support for humanitarian deployments (ZOIB; RILE × humanitarian interaction, MARPOR sample)

Параметр	μ (условное среднее)	φ (точность)	α (Р экстр. исхода)	γ (Р полной поддержки)
Константа	-0.956* [-1.52; -0.37]	+0.400 [-0.28; +1.08]	+2.241* [+1.69; +2.80]	-3.428* [-4.14; -2.73]
Идеология (RILE)	+0.275* [+0.18; +0.37]	+0.013 [-0.10; +0.13]	-0.003 [-0.09; +0.09]	+0.678* [+0.58; +0.79]
Тип: humanitarian	+1.256* [+0.45; +2.05]	+0.612 [-0.35; +1.57]	-0.288 [-1.09; +0.55]	+2.063* [+1.20; +2.93]
RILE × Тип: humanitarian	-0.218* [-0.38; -0.06]	-0.078 [-0.28; +0.12]	+0.039 [-0.12; +0.20]	-0.368* [-0.55; -0.19]

Среднее апостериорного β и 95%-й HDI; * – HDI не пересекает 0. ZOIB: μ – условное среднее на интервале (0, 1); ϕ – точность распределения, причём более высокое значение соответствует меньшему разбросу вокруг μ ; α – вероятность граничного исхода, то есть полного неприятия или полной поддержки; γ – условная вероятность полной поддержки среди граничных исходов.

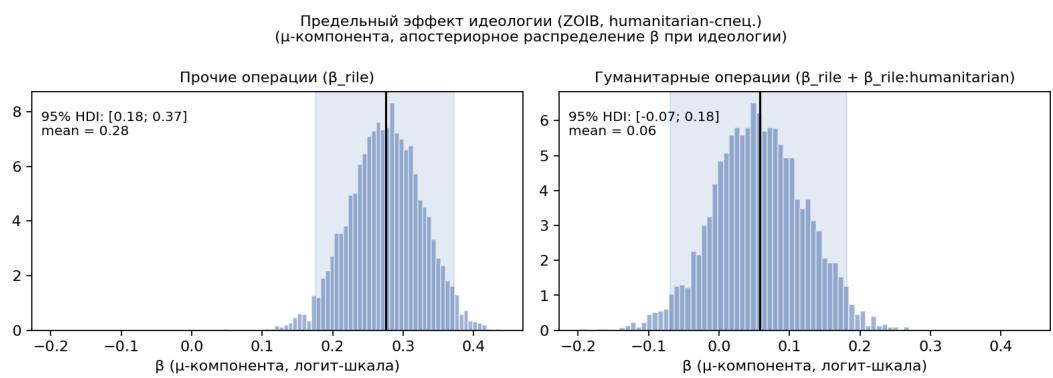

Рисунок 8. Апостериорное распределение предельного эффекта идеологии на μ -компоненту при операциях типа “humanitarian” по сравнению с прочими операциями. Среднее и 95 %-й HDI

Figure 8. Posterior distribution of the marginal effect of ideology on the μ -component for “humanitarian” operations compared to other operations. Mean and 95% HDI

Для кооперативных операций ZOIB-модель выявляет положительное взаимодействие RILE × cooperative в μ -, ϕ - и γ -компонентах. Это означает, что в данной спецификации смещение вправо связано с более высоким условным средним поддержки, большей концентрацией наблюдений вокруг него и большей условной вероятностью полной поддержки. В α -компоненте интервал взаимодействия пересекает ноль, поэтому данных о систематическом изменении

²³ В табл. 6 приведены коэффициенты только основных переменных; полные результаты доступны в онлайн-приложении.

Диагностические показатели свидетельствуют о сходимости модели и отсутствии заметных численных проблем: признаков плохого смешивания цепей, недостаточного эффективного размера выборки или нестабильности апостериорных оценок не выявлено.

вероятности граничного исхода недостаточно. Результат указывает на более структурированную поддержку кооперативных миссий правыми партиями, но его устойчивость ограничена результатами одной операционализации.

Для гуманитарных операций взаимодействие RILE $\times$ humanitarian отрицательно в μ - и γ -компонентах. Идеологический градиент условного среднего и полной поддержки, следовательно, становится слабее, тогда как положительный основной эффект типа операции указывает на более высокий уровень поддержки при низких значениях RILE. Значимых изменений точности распределения и вероятности граничного исхода модель не выявляет. Сглаживание раскола связано прежде всего с уменьшением различий между левыми и правыми партиями.

Полученные результаты частично подтверждают предположение о контекстной обусловленности идеологического эффекта. Тип операции связан с различными формами партийной поддержки – от изменения разброса позиций до усиления консолидации или ослабления идеологической дифференциации. Вместе с тем эффекты взаимодействия для кооперативных и гуманитарных миссий неустойчивы к изменению выборки и способа измерения идеологии, поэтому контекстные модификации следует считать фрагментарными, а не систематическими.

Заключение

Исследование углубляет понимание взаимосвязи партийной идеологии и поддержки военных операций в парламентских системах. Сопоставление FLR- и ZOIB-моделей, а также проверка результатов на альтернативных выборках и при разных способах измерения идеологии позволяют выделить несколько закономерностей.

Во-первых, правые партии в среднем демонстрируют более высокую поддержку военных развёртываний, чем левые. Этот результат согласуется с предшествующими исследованиями (Auerswald and Saideman 2014; Fonck et al. 2019; Massie 2016; Bertoli et al. 2019) и в целом устойчив к изменению состава выборки и способа операционализации идеологии, хотя величина и статистическая определённость эффекта различаются между спецификациями. Речь идёт именно о большей вероятности поддержки развёртываний, а не о прямом доказательстве более конфронтационной внешней политики правых партий.

Во-вторых, результаты подтверждают гипотезу H2 о модифицирующей роли институционального статуса партии. Среди оппозиционных партий положительная связь между смещением вправо и поддержкой выражена сильнее; среди правящих партий она ослабевает, а в спецификациях с квадратичным членом принимает иную нелинейную форму. ZOIB-модель дополнительно показывает различия в разбросе долей поддержки, вероятности граничных исходов и полной поддержки. Эти результаты согласуются с предположением

о том, что правящие партии учитывают ответственность за последствия развёртывания, государственные интересы, коалиционные ограничения и электро-ральные риски (Lewis 2017), хотя сами мотивы непосредственно не измеряются.

В-третьих, результаты частично подтверждают гипотезу НЗ о модерационной роли типа операции. Для операций высокой боевой интенсивности усиления идеологического градиента не обнаружено. В кооперативных миссиях отдельные спецификации указывают на более выраженную и консолидированную поддержку со стороны правых партий. В гуманитарных операциях общий уровень поддержки выше, а различия между левыми и правыми слабее. Однако взаимодействия для кооперативных и гуманитарных операций неустойчивы к смене выборки и показателя идеологии, поэтому контекстные модификации следует трактовать как ограниченные.

Наконец, применение ZOIB-модели позволило выйти за рамки анализа условного среднего. Идеологическая позиция и её взаимодействия со статусом партии и типом операции связаны не только с уровнем поддержки внутри интервала (0, 1), но и с точностью распределения, вероятностью граничного исхода и условной вероятностью полной поддержки. Это подтверждает целесообразность многокомпонентного анализа структуры партийного голосования.

Таким образом, исследование вносит вклад в изучение партийного поведения при принятии внешнеполитических решений. Его методическое расширение состоит в совместном использовании FLR и ZOIB: последняя модель раздельно оценивает условное среднее и точность распределения внутри интервала (0, 1), а также вероятности граничного исхода и полной поддержки. Это позволяет выявлять различия в структуре распределения, недоступные моделям, ориентированным только на средний уровень поддержки.

Важным содержательным вкладом является совместный анализ взаимодействия партийной идеологии с институциональным статусом и типом операции. Авторы также разработали классификацию военных миссий – гуманитарных, кооперативных и операций высокой боевой интенсивности – на основе открытых источников, включая официальные документы, резолюции международных организаций и отчёты по конкретным операциям. Такая типология позволяет точнее учитывать политическое содержание развёртываний, чем более общие бинарные или формальные классификации.

Подводя итоги, выделим три аспекта вклада исследования. Во-первых, систематически анализируется взаимодействие партийной идеологии и институционального статуса, что выявляет различия в формировании поддержки между правящими и оппозиционными партиями. Во-вторых, показано, как ценностно-идеологические различия проявляются применительно к гуманитарным, кооперативным и высокоинтенсивным операциям. В-третьих, на широкой выборке развёртываний воспроизводится ранее обнаруженная нелинейная, близкая к перевёрнутой U-образной связь между положением партий на идеологическом спектре и поддержкой применения силы (Haesebrouck and Mello 2020).

Полученные результаты открывают несколько направлений дальнейших исследований: изучение альтернативных размежеваний наряду с делением на левых и правых (Dassonneville et al. 2024; Koedam et al. 2023); анализ страновых и временных различий, особенно в государствах Восточной Европы и посткоммунистического пространства, где партийные предпочтения могут определяться иными факторами (Vachudova and Hooghe 2009); уточнение механизмов нелинейной связи между идеологией и поддержкой, прежде всего для крайне правых и крайне левых партий.

Об авторах:

Евгений Александрович Солодов – магистр, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, 20. E-mail: easolodov@edu.hse.ru

Артём Михайлович Мальцев – младший научный сотрудник сектора военной экономики и инноваций Центра международной безопасности ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН, 117997, Россия, г. Москва, ул. Профсоюзная, 23; преподаватель Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», 101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, 20. Участник реализуемого на базе МГИМО МИД России проекта РНФ № 22-18-00664-П. E-mail: amalcev@hse.ru

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках проекта «Вооружённое вмешательство как основной способ применения государствами силы в современных международных отношениях» (грант Российского научного фонда №22-18-00664-П).

Приложение

Дополнительная информация, включая исходный код, данные и инструкции по воспроизведению результатов, размещена в репозитории проекта: <https://github.com/eugenisolodof/poles-isolationism>.

Дополнительное методологическое примечание

Стационарным называется временной ряд, распределение которого не зависит от времени: его математическое ожидание и дисперсия постоянны, а автокорреляционная функция зависит только от лага между наблюдениями, но не от их положения на временной оси. В настоящем исследовании ни одна из переменных, имеющих временную структуру, не предполагает автокорреляции, требующей формальной проверки стационарности. Примечание приводится для методологической полноты.

Таблица 7. Список военных операций, включённых в анализ**Table 7. List of military operations used in the analysis**

Название операции	Место развертывания	Страны-участницы
Active Endeavour (Mediterranean Sea)	Mediterranean Sea	CRO; GMY
Active Fence (NATO air defense Turkey/Syria)	NATO allies' territory	GMY; NTH
Afghanistan	Afghanistan	FRN; UKG
AFISMA (Mali)	Africa	DEN; GMY
AFOR (Albania)	Balkans	CZE; DEN; ITA; LIT; NTH; SLO;
ALBA (Albania)	Balkans	DEN; ITA; ROM; TUR
Allied Harmony (North Macedonia)	Balkans	ITA
Amber Fox (North Macedonia)	Balkans	DEN; GMY
anti-Daesh (Iraq)	Middle East	BEL; CAN; DEN; FIN; FRN; NTH; ROM; SPN; UKG
anti-Daesh (Iraq/Kuwait)	Middle East	ROM
anti-Daesh (Iraq/Syria)	Middle East	DEN; GMY
anti-Daesh (Syria)	Middle East	BEL; FRN; GMY; NTH; UKG
Bosnia and Herzegovina	Balkans	USA
CTF 150 (anti-piracy Horn of Africa)	Indian Ocean	DEN
CTF 151 (anti-piracy Horn of Africa)	Indian Ocean	JPN; TUR
CZ-SLK mutual air defense	NATO allies' territory	SLO
Darfur (Sudan)	Africa	GMY
disaster relief (Philippines)	Asia (other than Afghanistan)	ROK
Display Deterrence (Turkey)	NATO allies' territory	NTH
Distinguished Games (NATO, Olympic Games Athens)	NATO allies' territory	CZE
Eagle Eye (Kosovo)	Balkans	CZE; DEN
Eagle Eye (Kosovo) & OSCE mission (Kosovo)	Balkans	ROM
Eagle Eye (Kosovo) & sanctions	Balkans	DEN
Eastern Mediterranean	Mediterranean Sea	DEN
EMASOH (Strait of Hormuz)	Middle East	NTH
Enduring Freedom	Afghanistan	CZE; GMY; LIT; NTH
Enduring Freedom - Maritime Interdiction Operation (Indian Ocean)	Indian Ocean	JPN
Enduring Freedom & Active Endeavor (Mediterranean Sea)	Mediterranean Sea	GMY
Enduring Freedom (Afghanistan)	Afghanistan	ITA; ROK; ROM; SLO
Enduring Freedom (constructors, engineers - Afghanistan)	Afghanistan	ROK
Enduring Freedom (Kyrgyzstan)	Asia (other than Afghanistan)	LIT
Essential Harvest (North Macedonia)	Balkans	GMY
EU operations (Balkans)	Balkans	CZE
EU/NATO operations (Balkans)	Balkans	CZE
EUBAM Rafah (Israel/Gaza)	Middle East	NTH
EUFOR Althea (Bosnia and Herzegovina)	Balkans	CRO; GMY; IRE; SLO
EUFOR Artemis (DRC)	Africa	GMY; NTH; SPN

EUFOR Chad/RCA	Africa	CRO; FRN; GMY; IRE; NTH; SPN
EUFOR Concordia (North Macedonia)	Balkans	CZE; GMY; LIT; ROM; SLO
EUMAM RCA (CAR)	Africa	SPN
EUMM Georgia (Georgia)	Asia (other than Afghanistan)	ITA
EUNAVFOR Atalanta & CTF 151 (anti-piracy Horn of Africa)	Indian Ocean	ROK
EUNAVFOR Atalanta (anti-piracy Horn of Africa)	Indian Ocean	CRO; FIN; GMY; SPN
EUNAVFOR MED (Mediterranean Sea)	Mediterranean Sea	CRO; GMY; IRE; ITA; NTH; SLO; SPN
EUPM (Bosnia and Herzegovina)	Balkans	ROM
EUPOL (Afghanistan)	Afghanistan	NTH
EUTM (Mali)	Africa	BEL; GMY; SLO; SPN
EUTM (Somalia)	Africa	GMY; SPN
Gulf War	Middle East	AUL; CAN; DEN; FRN; ITA; TUR; USA
Gulf War (air transport)	Middle East	ROK
Gulf War (medical)	Middle East	ROK
Harmattan (FRN Libya)	Africa	FRN
Humanitarian Aid Haiti	Caribbean	SPN
IFOR (Bosnia and Herzegovina)	Balkans	CZE; DEN; FIN; GMY; LIT
Implementation of UN sanctioned international embargo against former Yugoslavia	Balkans	DEN
Integrated Police Training Mission Kunduz (Afghanistan)	Afghanistan	NTH
INTERFET (East Timor)	Asia (other than Afghanistan)	IRE
IPTF (Bosnia and Herzegovina)	Balkans	ITA
IPTF (Bosnia and Herzegovina)	Balkans	ROM
Iraq (GMY training of Kurdish forces)	Middle East	GMY
Iraq (Turkish intervention)	Middle East	TUR
Iraq SSR reform	Middle East	SLO
Iraq- US intervention and accompanying Turkish forces into Northern Iraq	Middle East	TUR
Iraq War	Middle East	AUL; CZE; DEN; ITA; JPN; LIZ; NTH; ROM; SLO; UKG; USA
Iraq War (constructor, engineers, medical)	Middle East	ROK
Iraq War (constructor, engineers, medical, extension, end of mission plan of mission)	Middle East	ROK
Iraq War (constructor, engineers, medical, Extension, Reduction Plan)	Middle East	ROK
ISAF (Afghanistan)	Afghanistan	CAN; CRO; CZE; DEN; FIN; GMY; ITA; LIT; NTH; ROK; ROM; SLO; SPN; TUR
ISAF/EUPOL (Afghanistan)	Afghanistan	NTH
KFOR (Kosovo)	Balkans	CRO; CZE; DEN; FIN; FRN; GMY; IRE; LIT; ROM; SLO
Kosovo	Balkans	USA

Kosovo OSCE mission	Balkans	SLO
Libya - OPCW plan for destruction of Libya's chemical weapons	Africa	DEN
Mali	Africa	FRN
MINURCAT (Chad/RCA)	Africa	CRO; URE
MINURSO (Western Sahara)	Africa	CRO; DEN; ROK
MINUSCA (CAR)	Africa	DEN; SPN
MINUSMA (Mali)	Africa	CZE; DEN; GMY; IRE; NTH
MINUSTAH (Haiti)	Caribbean	CRO; ROK
MONUSCO (DRC)	Africa	ROM
NATO (Kosovo)	Balkans	TUR
NATO (mission) headquarters	multiple	CRO
NATO (multiple collective defense ops)	NATO allies' territory	DEN
NATO air defense	NATO allies' territory	SLO
NATO air defense (Baltics)	NATO allies' territory	CZE; DEN
NATO air defense (Iceland)	NATO allies' territory	DEN
NATO air defense (Poland)	NATO allies' territory	SLO
NATO enhanced Forward Presence (Baltics and Poland)	NATO allies' territory	CZE; DEN; SLO
NATO enhanced Forward Presence (Baltics)	NATO allies' territory	CRO; SLO
NATO enhanced Forward Presence (Poland)	NATO allies' territory	CRO
NATO Mission Iraq (NMI)	Middle East	CRO; GMY; SLO
Northern Watch (post-Gulf War)	Middle East	TUR
NRF (NATO Response Force)	NATO allies' territory	CZE
NRF (NATO Response Force) and NATO headquarters	multiple	LIT
Ocean Shield (anti-piracy Horn of Africa)	Indian Ocean	DEN
OSCE observer mission (Nagorno-Karabakh)	Asia (other than Afghanistan)	SLO
Provide Comfort (post-Gulf War)	Middle East	TUR
Provide Comfort II (post-Gulf War)	Middle East	TUR
Resolute Support Mission (Afghanistan)	Afghanistan	CRO; DEN; FIN; GMY; NTH; SLO; SPN
Sahel (French Opération Barkhane)	Africa	DEN
Sangaris (French mission Central African Republic)	Africa	FRN
Sea Guardian (Mediterranean Sea)	Mediterranean Sea	CRO; DEN; GMY
SFOR (Bosnia and Herzegovina)	Balkans	CZE; DEN; GMY; IRE; LIT; ROM; SLO
Sharp Guard, Deny Flight (Bosnia and Herzegovina)	Balkans	GMY
Somalia	Africa	USA
Somalia, maritime	Africa	DEN
Special forces training (UAE)	Middle East	ROK
Syria C-weapons destruction	Middle East	DEN; GMY; UKG
TIPH (Hebron)	Middle East	TUR
UNMIK (Kosovo)	Balkans	ROM
UNAMID (Sudan/Darfur)	Africa	GMY; NTH

UNAMSIL (Sierra Leone)	Africa	CRO
UNAVEM II (Angola)	Africa	ROK
UNAVEM III (Angola)	Africa	ROK
UNDOF (Golan Heights)	Middle East	CRO; IRE; SLO
UNDOF (Israel)	Middle East	CZE
UNFICYP (Cyprus)	Europe (other than Balkans)	SLO
Unified Protector (Libya)	Africa	BEL; CAN; CRO; DEN; ITA; NTH; SPN; TUR; UKG; USA
UNIFIL (Lebanon)	Middle East	CZE; DEN; FIN; FRN; GMY; IRE; ITA; ROK; SLO; SPN; TUR
UNITAF (Somalia)	Africa	TUR
United Nations Standby Arrangement System (UNSAS)	multiple	ROM
United States Security Coordinator (USSC, Palestine)	Middle East	NTH
UN-led operation (North and East Africa)	Africa	LIT
UNMEE (Ethiopia/Eritrea)	Africa	CRO; DEN; ROM; SLO
UNMIBH (Bosnia)	Balkans	ITA
UNMIK (Kosovo)	Balkans	ROM
UNMIL (Liberia)	Africa	CRO; GMY; IRE; SLO
UNMIS (Sudan)	Africa	DEN; GMY
UNMISSET (East Timor)	Asia (other than Afghanistan)	ROK
UNMISS (South Sudan)	Africa	GMY; ROK
UNMOGIP (India/Pakistan)	Asia (other than Afghanistan)	CRO
UNOCI (Ivory Coast)	Africa	FRN
UNOMOZ (Mozambique)	Africa	ITA
UNOMUR (Uganda & Rwanda)	Africa	SLO
UNOSOM (Somalia)	Africa	ITA
UNOSOM II (Somalia)	Africa	GMY; IRE; ITA
UNPROFOR (Bosnia and Herzegovina/Croatia)	Balkans	CZE; DEN; LIT; SLO; TUR
UNSCOM (post-Gulf War)	Middle East	DEN
UNSMIS (Syria)	Middle East	CRO; ITA
UNTAET (East Timor)	Asia (other than Afghanistan)	SLO
UN-Turkey UNSAS agreement	multiple	TUR
Uphold Democracy (Haiti)	Caribbean	USA
war on terror	multiple	ROM; USA
WEU Policing Mostar (Bosnia and Herzegovina)	Balkans	ITA
Yemeni civil war	Asia (other than Afghanistan)	USA

UDC: 329.05:327:355.4

Received: 24 February 2026

Accepted: 21 April 2026

Party Ideology and Parliamentary Support for Military Operations Abroad

 Evgenii A. Solodov¹, Artem M. Malcev^{1,2}
DOI [10.24833/2071-8160-2026-4-109-102-138](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2026-4-109-102-138)

¹ HSE University² IMEMO RAS

Abstract: This article examines how party ideology shapes parliamentary decisions on the use of armed forces abroad. Rather than treating parliament as a single actor, it compares governing and opposition parties. It asks whether a party's position on the left–right spectrum is associated with its willingness to support a military operation, and whether this relationship changes when the party enters government or when the nature of the operation changes.

The analysis covers 1,022 parliamentary votes in 21 democracies between 1990 and 2019. The sample includes 305 parties and 5,540 party-vote observations. Support is measured as the share of a party's legislators voting for the proposal; the models distinguish votes on troop deployment from votes on withdrawal. Party ideology is measured using the Manifesto Project and the Chapel Hill Expert Survey. The analysis uses fractional logistic regression and zero-one-inflated beta regression; the latter distinguishes partial support from complete rejection and unanimous approval.

The results show that right-wing parties are more likely than left-wing parties to support military deployments. Some models indicate a nonlinear pattern: both far-left and far-right parties are more restrained than centrist and moderate right-wing parties. The strongest finding concerns institutional status. The relationship between ideology and voting is stronger among opposition parties. Among governing parties, the effect of ideology becomes weaker and, in some models, statistically insignificant. This pattern is consistent with the influence of governmental responsibility, coalition discipline, and electoral risk, although these motivations are not tested.

Results for operation type are less consistent. Operations involving intense combat do not widen the ideological divide. Support roles – training, defense cooperation, and logistical assistance – receive stronger backing from right-wing parties in some models. Humanitarian operations attract broader support and narrow the gap between left- and right-wing parties, but these effects depend on the sample and the measure of ideology. Overall, whether a party governs or remains in opposition explains differences in support for the use of force more consistently across models than the type of operation. By identifying these party-level mechanisms, the study clarifies the domestic political foundations of parliamentary peace and demonstrates why legislatures should not be treated as homogeneous actors.

Keywords: democratic peace theory, parliamentary peace theory, military interventions, party politics, political ideology, quantitative methods

About the authors:

Evgenii A. Solodov – MA, HSE University, 20 Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russia.

E-mail: easolodov@edu.hse.ru

Artem M. Malcev – Junior Research Fellow, Section of Military Economics and Innovation, Center for International Security, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS), 23 Profsoyuznaya St., Moscow, 117997, Russia; Lecturer, HSE University, 20 Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russia. Project participant RSF No 22–18–00664-P at MGIMO University.
E-mail: amalcev@hse.ru

Conflict of interest:

The authors declare no conflict of interest.

Acknowledgements

This article was prepared within the framework of the project “Armed Intervention as the Principal Form of the Use of Force by States in Contemporary International Relations” (Russian Science Foundation, Grant No. 22-18-00664-P).

References:

- Auerswald D. P., Saideman S. 2014. *NATO in Afghanistan: Fighting Together, Fighting Alone*. Princeton: Princeton University Press, 280 p. DOI: <https://doi.org/10.1515/9781400848676>
- Bertoli A., Dafoe A., Trager R. F. 2019. Is there a war party? Party change, the left-right divide, and international conflict. *Journal of Conflict Resolution*, 4 (62). P. 950–975. DOI: <https://doi.org/10.1177/0022002718772352>
- Bürkner P.-C. 2017. Brms: An R Package for Bayesian Multilevel Models Using Stan. *Journal of Statistical Software*. 1 (80). P. 1–28. DOI: <https://doi.org/10.18637/jss.v080.i01>
- Clark D. H., Nordstrom T. 2005. Democratic Variants and Democratic Variance: How Domestic Constraints Shape Interstate Conflict. *The Journal of Politics*. 1 (67). P. 250–270. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-2508.2005.00316.x>
- Dassonneville R., Hooghe L., Marks G. 2024. Transformation of the political space: A citizens' perspective. *European Journal of Political Research*. 1 (63). P. 45–65. DOI: <https://doi.org/10.1111/1475-6765.12590>
- Dieterich S., Hummel H., Marschall S. 2015. Bringing democracy back in: The democratic peace, parliamentary war powers and European participation in the Iraq war. *Cooperation and Conflict*. 1 (50). P. 87–106. DOI: <https://doi.org/10.1177/0010836714545687>
- Bueno de Mesquita B., Morrow J. D., Siverson R. M., Smith A. 1999. An Institutional Explanation of the Democratic Peace. *American Political Science Review*. 4 (93). P. 791–807. DOI: <https://doi.org/10.2307/2586113>
- Elman M. F. 2000. Unpacking Democracy: Presidentialism, Parliamentarism, and Theories of Democratic Peace. *Security Studies*. 4 (9). P. 91–126. DOI: <https://doi.org/10.1080/09636410008429414>
- Fonck D., Haesebrouck T., Reykers Y. 2019. Parliamentary involvement, party ideology and majority-opposition bargaining: Belgian participation in multinational military operations. *Contemporary Security Policy*. 1 (40). P. 85–100. DOI: <https://doi.org/10.1080/13523260.2018.1500819>
- Frost-Nielsen P. M. 2017. Conditional commitments. Why states use caveats to reserve their efforts in military coalition operations. *Contemporary Security Policy*. 3 (38). P. 371–397. DOI: <https://doi.org/10.1080/13523260.2017.1300364>
- Haesebrouck T. 2018. Democratic Participation in the Air Strikes against Islamic State: A Qualitative Comparative Analysis. *Foreign Policy Analysis*. 2 (14). P. 254–275. DOI: <https://doi.org/10.1093/fpa/orw035>

Haesebrouck T. 2017. NATO Burden Sharing in Libya: A Fuzzy Set Qualitative Comparative Analysis. *Journal of Conflict Resolution*. 10 (61). P. 2235–2261. DOI: <https://doi.org/10.1177/0022002715626248>

Haesebrouck T., Mello P. A. 2020. Patterns of Political Ideology and Security Policy. *Foreign Policy Analysis*. 4 (16). P. 565–588. DOI: <https://doi.org/10.1093/fpa/oraa006>

Kant I. 2006. 'Perpetual Peace'. In *Toward Perpetual Peace and Other Writings on Politics, Peace and History* / I. Kant, eds. by Pauline Kleingeld, New Haven and London: Yale University Press. 67–109 p. DOI: <https://doi.org/10.12987/9780300128109>

King G., Tomz M., Wittenberg J. 2000. Making the Most of Statistical Analyses: Improving Interpretation and Presentation. *American Journal of Political Science*. 2 (44). P. 341–355. DOI: <https://doi.org/10.2307/2669316>

Kier E. 1997. *Imagining War: French and British Military Doctrine between the Wars* / E. Kier, Princeton: Princeton University Press. 250 p.

Layne C. 1994. Kant or Cant: The Myth of the Democratic Peace. *International Security*. 2 (19). P. 5–49. DOI: <https://doi.org/10.2307/2539195>

Koedam J., Binding G., Steenbergen M. R. 2023. Multidimensional Party Polarization in Europe: Cross-Cutting Divides and Effective Dimensionality. DOI: <https://doi.org/10.31219/osf.io/3xsw9>

Leblang D., Chan S. 2003. Explaining Wars Fought by Established Democracies: Do Institutional Constraints Matter? *Political Research Quarterly*. 4 (56). P. 385–400. DOI: <https://doi.org/10.2307/3219800>

Lehmann P., Franzmann S., Al-Gaddooa D., Burst T., Ivanusch C., Regel S., Riethmüller F., Volkens A., Weßels B., Zehnter L. 2024. The Manifesto Data Collection. Manifesto Project (MRG/CMP/MARPOR). Berlin: Wissenschaftszentrum Berlin für Sozialforschung (WZB); Göttingen: Institut für Demokratieforschung (IfDem). DOI: <https://doi.org/10.25522/manifesto.mpps.2024a>

Lewis V. 2017. The President and the Parties' Ideologies: Party Ideas About Foreign Policy Since 1990. *Presidential Studies Quarterly*. 1 (47). P. 27–61. DOI: <https://doi.org/10.1111/psq.12345>

Mansfield E., Pollins B. 2001. The Study of Interdependence and Conflict: Recent Advances, Open Questions, and Directions for Future Research. *The Journal of Conflict Resolution*. 6 (45). P. 834–859. DOI: <https://doi.org/10.1177/0022002701045006007>

Maoz Z., Russett B. 1993. Normative and Structural Causes of Democratic Peace, 1946–1986. *American Political Science Review*. 3 (87). P. 624–638. DOI: <https://doi.org/10.2307/2938740>

Massie J. 2016. Why Democratic Allies Defect Prematurely: Canadian and Dutch Unilateral Pullouts from the War in Afghanistan. *Democracy and Security*. 2 (12). P. 85–113. DOI: <https://doi.org/10.1080/17419166.2016.1160222>

Mello P. A. 2012. Parliamentary Peace or Partisan Politics? Democracies' Participation in the Iraq War. *Journal of International Relations and Development*. 15. P. 420–453. DOI: <https://doi.org/10.1057/jird.2012.11>

Mello P. A., Saideman S. M. 2019. The Politics of Multinational Military Operations. *Contemporary Security Policy*. 1 (40). P. 30–37. DOI: <https://doi.org/10.1080/13523260.2018.1522737>

Mello P. A. 2014. *Democratic Participation in Armed Conflict: Military Involvement in Kosovo, Afghanistan, and Iraq*. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 259 p. DOI: <https://doi.org/10.1057/9781137386519>

Müller W. C., Strøm K. (eds.). 1999. Policy, Office, or Votes? How Political Parties in Western Europe Make Hard Decisions. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511625695>

- Noël A., Thérien J. P. 2008. *Left and right in global politics*. Cambridge: Cambridge University Press. 251 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/cbo9780511790751>
- Oneal J., Russett B. 1997. The Classical Liberals Were Right: Democracy, Interdependence, and Conflict, 1950–1985. *International Studies Quarterly*. 2 (41). P. 267–294. DOI: <https://doi.org/10.1111/1468-2478.00042>
- Oneal J., Russett B. 2001. *Triangulating Peace: Democracy, Interdependence, and International Organizations* / Oneal J., Russett B., New York: W. W. Norton & Company. 393 p. DOI: <https://doi.org/10.2307/20050168>
- Ospina R., Ferrari S. L. 2012. A general class of zero-or-one inflated beta regression models. *Computational Statistics & Data Analysis*. 6 (56). P. 1609–1623. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.csda.2011.10.005>
- Ostermann F., Wagner W. 2023. Introducing the Parliamentary Deployment Votes Database. *Journal of Peace Research*. 2 (61). P. 304–316. DOI: <https://doi.org/10.1177/00223433221116655>
- Owen J. M. 1997. *Liberal Peace, Liberal War: American Politics and International Security*. Ithaca: Cornell University Press.
- Papke L. E., Wooldridge J. M. 1996. Econometric methods for fractional response variables with an application to 401(k) plan participation rates. *Journal of Applied Econometrics*. 11. P. 619–632. DOI: [https://doi.org/10.1002/\(sici\)1099-1255\(199611\)11:6<619::aid-jae418>3.0.co;2-1](https://doi.org/10.1002/(sici)1099-1255(199611)11:6<619::aid-jae418>3.0.co;2-1)
- Rathbun B. C. 2004. *Partisan Interventions: European Party Politics and Peace Enforcement in the Balkans* / B. C. Rathbun, Ithaca: Cornell University Press. 242 p. DOI: <https://doi.org/10.7591/9781501729621>
- Reiter D., Tillman E. R. 2002. Public, Legislative, and Executive Constraints on the Democratic Initiation of Conflict. *The Journal of Politics*. 3 (64). P. 810–826. DOI: <https://doi.org/10.1111/0022-3816.00147>
- Risse-Kappen T. 1995. Democratic Peace–Warlike Democracies? A Social-Constructivist Interpretation of the Liberal Argument. *European Journal of International Relations*. 4 (1). P. 491–517. DOI: <https://doi.org/10.1177/1354066195001004005>
- Rosato S. 2003. The Flawed Logic of Democratic Peace Theory. *American Political Science Review*. 4 (97). P. 585–602. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0003055403000893>
- Russett B. 1993a. Can a Democratic Peace Be Built? *International Interactions*. 3 (18). P. 277–282. DOI: <https://doi.org/10.1080/03050629308434808>
- Russett B. 1993b. *Grasping the Democratic Peace: Principles for a Post-Cold War World*. Princeton: Princeton University Press. 173 p. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctt7rqf6>
- Saideman S. M. 2016. The Ambivalent Coalition: Doing the Least One Can Do against the Islamic State. *Contemporary Security Policy*. 2 (37). P. 289–305. DOI: <https://doi.org/10.1080/13523260.2016.1183414>
- Schultz K. A. 2001. *Democracy and Coercive Diplomacy*. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511491658>
- Scartascini C., Cruz C., Keefer P. 2021. *The Database of Political Institutions (DPI): 2020*. IDB Open Data. DOI: <https://doi.org/10.18235/0003049>
- Jolly S., Bakker R., Hooghe L., Marks G., Polk J., Rovny J., Steenbergen M., Vachudova M. A. 2022. Chapel Hill Expert Survey Trend File, 1999–2019. *Electoral Studies*. 75. 102420. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2021.102420>
- Tsebelis G. 2002. *Veto Players: How Political Institutions Work*. Princeton: Princeton University Press. 320 p.

Vachudova M. A., Hooghe L. 2009. Postcommunist Politics in a Magnetic Field: How Transition and EU Accession Structure Party Competition on European Integration. *Comparative European Politics*. 2 (7). P. 179–212. DOI: <https://doi.org/10.1057/cep.2008.9>

Wagner W., Herranz-Surrallés A., Kaarbo J., Ostermann F. 2018. Party Politics at the Water's Edge: Contestation of Military Operations in Europe. *European Political Science Review*. 4 (10). P. 537–563. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1755773918000097>

Wagner W. 2018. Is There a Parliamentary Peace? Parliamentary Veto Power and Military Interventions from Kosovo to Daesh. *The British Journal of Politics and International Relations*. 1 (20). P. 121–134. DOI: <https://doi.org/10.1177/1369148117745859>

Wagner W. 2020. *The Democratic Politics of Military Interventions: Political Parties, Contestation, and Decisions to Use Force Abroad* / W. Wagner, Oxford: The Oxford University Press. 208 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/oso/9780198846796.001.0001>

Zhirnov A., Moral M., Sedashov E. 2023. Taking Distributions Seriously: On the Interpretation of the Estimates of Interactive Nonlinear Models. *Political Analysis*. 2 (31). P. 213–234. DOI: <https://doi.org/10.1017/pan.2022.9>

Korgunyk Yu. G. 2021. Politicheskiye izmereniya i predmetnyye razmezhevaniya: metodika opredeleniya vzaimosvyazi [Political Dimensions and Issue Divisions: A Method for Determining Interaction]. *Politika*. 3 (102). P. 147–171. (In Russian).

Pomiguyev I. A. 2014. Kontseptsiya veto-igrokov: novyy podkhod v izuchenii form pravlениya [The Veto-Players Concept: A New Approach to Studying Forms of Government]. *Political Science (RU)*. 1. P. 199–210. (In Russian).

Zakharova E. A. 2026. Sotsial'no-politicheskiye razmezhevaniya vo Frantsii: itogi izbiratel'nykh kampaniy 2022–2024 gg. [Socio-Political Cleavages in France during the 2022–2024 Electoral Campaigns]. *Political Science (RU)*. 1. P. 259–280. DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2026.01.12>. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Захарова Е. А. 2026. Социально-политические размежевания во Франции: итоги электоральных кампаний 2022–2024 гг. *Политическая наука*. № 1. С. 259–280. DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2026.01.12>

Коргунков Ю. Г. 2021. Политические измерения и предметные размежевания: методика определения взаимодействия. *Полития*. № 3 (102). С. 147–171.

Помигуев И. А. 2014. Концепция вето-игроков: новый подход к изучению форм правления. *Политическая наука*. № 1. С. 199–210.

Империя перед вызовами модернизации и войны

 И.Э. Магадеев

МГИМО МИД России, Москва, Россия

Рецензия на монографию: Мирзеханов В.С., Ланник Л.В. 2025. В перекрестье имперских проектов. *Pax Ottomanica* от первой конституции до Лозаннского мира. Москва: Издательство «Аспект Пресс».

Ключевые слова: Османская империя, *Pax Ottomanica*, империя, империализм, модернизация, тотальная война, мир-системный анализ, Первая мировая война, Лозаннский мир

Проблематика «империи», понимаемой не только как особый тип государства, но и как форма организации международного порядка, связанная с практиками империализма, в первые десятилетия XXI в. вновь приобрела значимость для целого ряда социальных наук. Неотъемлемой частью современных дискуссий стали переосмысление исторического прошлого и анализ опыта ранее существовавших имперских государств. Наличие во внешней политике современной Турции определённых черт «неоосманизма», о которых нередко пишут исследователи международных отношений, в том числе на страницах «Вестника МГИМО-Университета» (Мехдиев 2016; Аватков 2019; Графов 2022), вводит рецензируемую монографию в это проблемное поле. Подготовленная в рамках Консорциума МГИМО с Институтом всеобщей истории (ИВИ) РАН, книга посвящена различным аспектам истории Османской империи и Турции от первого конституционного периода (1876–1878 гг.) до подписания Лозаннского мирного договора в 1923 г.

В монографии предпринята успешная попытка вписать историю Османской империи и кемалистской Турции в широкий международно-политический контекст. Авторы по-новому раскрывают значение османского имперского пространства, обозначенного ими термином *Pax Ottomanica*, в соперничестве

УДК: 94(560):327

Поступила в редакцию: 17.11.2025

Принята к публикации: 02.03.2026

великих держав и анализируют взаимное влияние стран Запада и Османской империи. Они справедливо предостерегают от сведения положения этой империи исключительно к статусу «полукolonии» (с. 10).

Структура монографии подчинена проблемно-хронологическому принципу. Авторы последовательно анализируют ключевые этапы внутренней и международно-политической истории Османской империи и кемалистской Турции: от правления султана Абдул-Хамида II (1876–1909 гг.) (глава 1) через Младотурецкую революцию 1908–1909 гг. (глава 2) и судьбоносное участие империи в Первой мировой войне (глава 3) до формирования новой, кемалистской Турции в ходе ожесточённой борьбы с Грецией, которую активно поддерживала Великобритания (глава 4).

Теоретико-методологические аспекты

Широта и масштаб поставленных в монографии исследовательских задач, их многогранность, а также обилие фактического материала потребовали от авторов обращения к разнообразному теоретико-методологическому инструментарию. В нём можно выделить три основных компонента: 1) современные историографические направления; 2) подходы теории международных отношений; 3) историко-социологические концепции.

В монографии учтён целый ряд современных историографических тенденций (с. 5–24). Первая из них – транснациональная и сравнительная история империй, в рамках которой развитие отдельных имперских образований рассматривается в широком региональном и международном контексте, в том числе во взаимодействии с другими элементами «макросистемы империй» (с. 6). Так, в книге приведён ряд ценных сопоставлений исторических траекторий Османской и Российской империй (с. 10–12, 23, 26, 281). Речь, разумеется, не идёт об отождествлении их опыта; вместе с тем выверенный анализ отдельных параллелей представляется ценным и заслуживает дальнейшей разработки.

Вторая тенденция – обращение к постколониальным исследованиям (Мирзеханов 2023). Авторы стремятся отказаться от упрощённых дихотомий при осмыслении колониализма и его различных проявлений во взаимодействии стран Запада и *Rax Ottomanica*. К числу таких противопоставлений, нередко искажающих понимание сложных исторических процессов, относятся: колониальные и континентальные империи; традиционные и «отсталые» империи – современные и «прогрессивные»; империя – нация. Османская империя представляет собой в этом отношении показательный пример сочетания элементов, которые лишь на первый взгляд кажутся несовместимыми.

Третье важное историографическое направление, повлиявшее на авторов, – «имперские биографии», то есть, несколько обобщая, стремление учесть роль субъективного фактора в истории и вписать судьбы отдельных деятелей в сложный имперский и межимперский контекст. Одна из примечательных фигур

в этом отношении – военно-морской атташе Германии в Османской империи в 1915–1917 гг., корвет-капитан Г. Хуманн. Уроженец Смирны (Измира) и сын известного археолога, обнаружившего Пергамский алтарь, Хуманн, в отличие от многих немецких военных представителей, глубоко знал османский контекст. Это позволило ему наладить «уникальные связи в младотурецкой среде» (с. 250).

Стремясь придать монографии междисциплинарный характер, авторы обращаются также к подходам теории международных отношений и исторической социологии. Центральное значение для них имеет взаимосвязь факторов, определявших внутреннее развитие Османской империи и её международное положение. Поэтому логично обращение к идеям о системности международных отношений, получившим развитие в отечественной традиции. Вместе с тем предложенная авторами трактовка отдельных форм этой системности – например, апробированный ранее тезис о «Брестской системе международных отношений» (Ланник 2020) – остаётся предметом дискуссий. Учитывая во многих отношениях «промежуточное» положение Османской империи – центра *Pax Ottomanica* и одновременно «полупериферии» по отношению к западным колониальным державам, – вполне оправданным представляется и обращение к мирсистемной теории И. Валлерстайна. Сам Валлерстайн также рассматривал применимость своей макротeorии к истории Османской империи (Wallerstein, Tabak 2000).

В поисках новых интерпретаций

Для работы В.С. Мирзеханова и Л.В. Ланника характерно выраженное стремление пересмотреть и обновить ряд историографических концепций, превратившихся в устойчивые клише. Наиболее очевидный пример – предельно негативное и одностороннее представление о правлении Абдул-Хамида II как о «зулуме» (тур. *zulüm* – деспотизм, тирания, гнёт) (с. 128). Не отрицая негативных тенденций этого периода, авторы предлагают значительно более нюансированную картину. Они обращают внимание, в частности, на относительно гибкую политику монарха в отношении неосманских элит империи (с. 29, 33), небезуспешные попытки облегчить долговое бремя и улучшить условия обслуживания внешнего долга перед ведущими западными державами, прежде всего Францией и Великобританией (с. 54–55), а также на сравнительно успешные реформы армии и флота, продолженные младотурецким режимом (с. 88–89, 172–173).

Вместе с тем авторы не идеализируют ни правление Абдул-Хамида II, ни младотурецкий период. В.С. Мирзеханов и Л.В. Ланник подчёркивают сохранявшуюся зависимость страны от иностранного капитала. Она проявлялась в долговом бремени и проникновении западных компаний в различные сферы жизни Османского государства и общества, включая информационное

пространство и транспортную систему (с. 48, 51, 159). Среди других проявлений зависимости отмечены технологическое и инфраструктурное отставание Османской империи от государств Запада (с. 49–50, 275), а также серьёзные трудности, с которыми центральная власть сталкивалась при обеспечении внутренней связности империи – как в узком, логистическом, так и в широком смысле, предполагавшем консолидацию различных социальных групп и этносов вокруг султана и халифа (с. 43, 202).

Первая мировая война, воспринимавшаяся многими современниками и позднейшими исследователями как образец «тотальной войны» (Strachan et al. 2000), стала тяжёлым испытанием практически для всех основных государств-участников, за исключением, пожалуй, Японии. Особенно тяжёлым и нередко непосильным её бремя оказалось для сравнительно слабых стран, к числу которых относилась Османская империя, официально вступившая в войну в ноябре 1914 г.

И здесь авторы стремятся представить более нюансированную, чем было принято ранее, картину событий, избегая «монохромных оценок поздней Османской империи вообще и младотурецкого режима» в частности (с. 259). Несмотря на мощное давление держав Антанты, включая наступавшую через Армянское нагорье российскую армию и действовавший на коммуникациях в Чёрном море российский флот (Козлов 2013), Порты с переменным успехом продолжала сопротивление на протяжении всей войны. Более того, воспользовавшись революционными событиями в России, Османская империя в 1918 г. совершила рывок в Закавказье. Анализ этого важного и далеко не полностью изученного сюжета отличается особой тщательностью и детализацией (с. 294–328). Здесь сказался значительный опыт авторского тандема, накопленный в более ранних работах (Ланник 2020; Мирзеханов, Ланник 2022; Мирзеханов, Ланник 2023).

И всё же бремя «тотальной войны» и противостояния державам Антанты оказалось для Османской империи непосильным. Дело заключалось не только в просчётах и ошибках государственного и военного руководства, но и в неспособности страны выдержать затяжную войну на истощение при ограниченных социально-экономических ресурсах. Среди показательных свидетельств этого процесса можно выделить резкое сокращение к весне 1917 г. османского импорта – до 4–11,3 %, а экспорта – до 12–25,4 % от довоенного уровня (с. 271)¹; нарастание дефицита продовольствия и основных ресурсов, в том числе угля, необходимых для продолжения войны и функционирования военной экономики (с. 288); критическое состояние инфраструктуры, включая железнодорожные перевозки (с. 202, 282–283).

¹ Авторы приводят не единичные значения, а диапазоны, поскольку используемые в историографии методики подсчёта различаются.

Поражение в Первой мировой войне и попытка держав Антанты навязать Османской империи крайне тяжёлые условия Севрского мирного договора от 10 августа 1920 г. вызвали мощное национальное движение, значительную роль в котором играли армейские офицеры; его победа привела к формированию новой, кемалистской Турции. Анализируя эти события, В.С. Мирзеханов и Л.В. Ланник дистанцируются от ряда устоявшихся историографических нарративов: прежде всего от изображения Кемалистской революции как своеобразного эпоса, в котором М. Кемаль предстаёт главным и едва ли не единственным действующим лицом², а также от представления о полном историческом разрыве между «новой Турцией» и Османской империей.

Авторы убедительно раскрывают преемственность между двумя государствами, не отрицая очевидных различий между национальным кемалистским государством и многонациональной империей, владения которой охватывали Малую Азию, Балканы, Ближний Восток и Северную Африку (с. 75, 98, 344). В.С. Мирзеханов и Л.В. Ланник оспаривают подход, в рамках которого кемализм рассматривается «без должной преемственности с эпохами не только младотурок, но и Абдул-Хамида II» (с. 111).

Следует отметить, что акцент на такой преемственности характерен и для ряда турецких историков, ставящих вопрос о существовании «великой османотурецкой цивилизации» (Çiçek et al. 2000). Одним из неочевидных проявлений этой преемственности авторы считают значение османских побед над силами Британской империи на Галлиполийском полуострове в 1915 – начале 1916 г. (с. 219). Эти победы укрепили уверенность турецких офицеров в собственных силах, сыгравшую важную роль во время последующей греко-турецкой войны 1919–1922 гг. и нового противостояния с державами Антанты.

История Кемалистской революции вписана авторами в широкий международный контекст. Они рассматривают борьбу турецкого национального движения против Греции и держав Антанты, взаимодействие Анкары с дружественными государствами, прежде всего с Советской Россией, а также неоднозначные отношения кемалистов с младотурками, которые отнюдь не сводились к антагонизму.

Особого внимания заслуживает то, как В.С. Мирзеханов и Л.В. Ланник, опираясь на новейшие исследования советско-турецких отношений (Танрыверди 2020; Васильев 2023), раскрывают малоизвестное восточное измерение надежд на «мировую революцию», которые питали в Кремле летом 1920 г. Наступление Красной армии на Варшаву в разгар советско-польской войны сопровождалось усилиями Москвы по активизации антиколониального движения на Востоке.

² Один из примечательных примеров такого подхода – биография М. Кемалья, написанная крайне правым французским политиком и историком Ж. Бенуа-Мешеном, впервые опубликованная в 1954 г. и недавно переведённая на русский язык (Бенуа-Мешен 2025).

Важным проявлением этого курса стал созыв Первого съезда народов Востока в Баку в сентябре 1920 г. (с. 348). В тот период нарком по военным и морским делам РСФСР Л.Д. Троцкий «хотел использовать германскую помощь и младотурецкий опыт для революционизирования Персии, Афганистана и Индии» (с. 355). Определённую роль в этих планах отводили Энвер-паше – одной из ключевых фигур младотурецкого триум-вирата наряду с Талаат-пашой и Джемаль-пашой. Однако впоследствии пути Энвера и советской власти разошлись, а расхождение завершилось открытой враждой. В 1921–1922 гг. Энвер-паша поддержал басмаческое движение в Средней Азии и погиб в 1922 г. (Мышов 2022).

Основные исследовательские проблемы

Многообразие рассмотренного в монографии фактического материала позволяет выделить три сквозные исследовательские проблемы, к которым В.С. Мирзеханов и Л.В. Ланник обращаются с разных ракурсов на протяжении всей работы: 1) вызовы модернизации, с которыми столкнулись Османская империя и кемалистская Турция; 2) испытание войнами; 3) тесная взаимосвязь внутреннего развития государства и его международного положения.

Вопрос о степени модернизации Османской империи неоднократно ставился в историографии (Тюркер 2007). Авторы монографии предлагают на него взвешенный ответ. С одной стороны, они подчёркивают, что стремление к модернизации государства, хотя и понимавшееся по-разному, было характерно не только для младотурок и М. Кемаля, но и для Абдул-Хамида II (с. 109). На этом пути были достигнуты определённые успехи, в том числе в реформировании армии и флота. С другой стороны, масштабы прогресса, достигнутого к 1914 г., не следует преувеличивать. Первая мировая война стала суровым модернизационным испытанием для империй, выдержать которое удалось далеко не всем (с. 189).

Выводы В.С. Мирзеханова и Л.В. Ланника о многообразии обсуждавшихся в Османской империи ответов на вызовы модернизации созвучны положениям так называемой неомодернизационной теории (Э. Тириалян, В. Цапф, П. Штомпка и др.) (Побережников 2001). Наряду с вестернизацией – частичным заимствованием опыта и технологий западных стран, характерным для младотурок и М. Кемаля, – при Абдул-Хамиде II получили развитие идеи «исламской модернизации» (Мирзеханов 2002). Её сторонники подчёркивали «необходимость реформирования социальных, экономических и религиозных институтов с целью их приведения в соответствие европейским, но без подчинения» (с. 108).

Как неоднократно отмечали теоретики модернизации, межгосударственные войны нередко становились проверкой уровня развития государств и, особенно в случае поражения, побуждали их к попыткам совершить модернизационный рывок (Black 1966). Опыт Османской империи вполне вписывается в эту

логику. Более того, почти непрерывная череда кризисов и войн началась для неё не в 1914, а в 1908 г., с Боснийского кризиса. Затем последовали Триполитанская война 1911–1912 гг. с Италией, Балканские войны 1912–1913 гг. и Первая мировая война. Этот продолжительный период завершился лишь в 1923 г., а не в 1918 г. (Leonhard 2018: 42).

Рассматривая эти сюжеты, В.С. Мирзеханов и Л.В. Ланник вновь убедительно показывают опасность «чёрно-белых» оценок и необходимость учитывать противоречивую динамику исторического процесса. Упорное сопротивление Османской империи Италии в ходе Триполитанской войны укрепило в офицерской среде «уверенность в отсутствии качественного превосходства» европейцев и сыграло «важную роль в новом импульсе к усилиям в реформировании армии и флота» (с. 158). Однако во время Балканских войн эта уверенность оказалась пагубной, а Первая мировая война, несмотря на отдельные успехи империи, в итоге показала её неспособность вести длительную борьбу с более сильными противниками. В свою очередь, самоуверенность руководства Греции и Великобритании, усугублённая относительной слабостью британского и французского присутствия в Малой Азии, стала одним из факторов итогового успеха М. Кемаля. Его репутация героя боёв против итальянцев у Тобрука в 1911 г. способствовала последующему восхождению к вершинам власти.

Сближение Османской империи и Германии, оформившееся в союз после заключения договора 2 августа 1914 г., стало показательным примером взаимосвязи внутренней и внешней политики. По мнению турецкого историка М.С. Палабийика, к 1914 г. лидеры младотурецкого триумvirата исходили из того, что союз с Германией давал Османской империи наилучший шанс сохранить территориальные владения, непрерывно сокращавшиеся с 1878 г., и «возможность вернуть территории, потерянные по итогам Триполитанской и Балканских войн» (Palabiyik 2018: 136). Вместе с тем, как справедливо отмечают В.С. Мирзеханов и Л.В. Ланник, «германский фактор» существенно влиял и на внутреннюю эволюцию империи. Это влияние проявлялось в расширении присутствия немецкого капитала, деятельности германских военных представителей, чьи предложения не всегда встречали благожелательный приём у османских офицеров (с. 35, 145, 195–197, 202), а также в использовании Берлином инструментов того, что сегодня назвали бы «мягкой силой». К ним относились миссии немецких археологов, урбанистов и врачей, а также обучение студентов из Османской империи в германских университетах (с. 93, 200, 268). Осmano-германское взаимодействие относится к числу центральных и наиболее подробно разработанных сюжетов монографии.

Дискуссионные вопросы и ограничения

На страницах монографии перед читателем разворачивается многогранная, почти калейдоскопическая история *Rax Ottomanica*. Авторы умело меняют

исследовательскую оптику, анализируя широкий круг проблем. Однако у этой вариативности есть и обратная сторона: читателю не всегда легко определить иерархию факторов и их относительное значение. Отчасти это связано с методологической установкой авторов: «задача историка – не структурировать исторический процесс по умозрительным моделям, жёстким схемам», а исследовать «специфические формы историко-политического бытия, определяемые конкретной временной и пространственной реальностью» (с. 9).

По жанру и содержанию книгу можно отнести к монографиям-обобщениям. Выбрав широкие хронологические рамки, авторы не ставят целью ввести в научный оборот значительный новый корпус исторических источников; их основная задача – предложить новые трактовки ряда известных событий. Этот выбор определяет и особенности изложения. Для монографии характерны выраженный аналитический стиль и приоритетное внимание к авторским тезисам и выводам. Почти неизбежным следствием становится некоторое ослабление нарративной составляющей и преобладание выводов над развёрнутым представлением фактического материала. В результате, с одной стороны, читатель ясно понимает авторскую позицию, а с другой – не всегда получает возможность сопоставить заключения с фактической основой без самостоятельного обращения к дополнительным исследованиям. Обширные, но не чрезмерные сноски указывают возможные направления такого дальнейшего чтения.

В ряде случаев конкретные данные следовало бы снабдить ссылками на соответствующие источники или исследования (с. 54, 55, 92 и др.). Представление об Антанте как о едином и цельном акторе иногда затеняет различия в позициях и действиях входивших в неё государств (с. 279, 292). Особенно заметно это при изложении итогов Лозаннской мирной конференции 1922–1923 гг. (с. 372), выявившей не единство Великобритании и Франции, а серьёзные противоречия между ними. Сопоставление младотурок с большевиками (с. 255) также выглядит спорным или, по меньшей мере, требует более подробной аргументации.

В анализе «внешних факторов», влиявших на судьбу *Pax Ottomanica*, наибольшее внимание уделено Германии и, в меньшей степени, Великобритании. Вместе с тем, по мнению рецензента, более подробного рассмотрения заслуживают отношения Франции с кемалистами в 1920–1923 гг. (Магадеев 2022), а также позиция Италии (Bosworth 1984). Более развёрнутого обоснования требует и выбор верхней хронологической границы – подписания Лозаннского мирного договора 24 июля 1923 г. Хотя значение этого события не вызывает сомнений и справедливо подчёркивается в современной историографии (Genell et al. 2023; Хурolia, Tsirigotis 2025), для исследования истории *Pax Ottomanica* возможны и другие рубежи, например провозглашение Турецкой Республики 29 октября 1923 г. или упразднение Османского халифата 3 марта 1924 г.

Кроме того, монография стала бы доступнее для читателя, если бы авторы кратко пояснили некоторые малоизвестные термины и понятия, оставленные

без комментария, например «анти-Бухлау»³ (с. 138). Вместе с тем нельзя не отметить ряд ёмких и удачных авторских метафор. Так, вступление Османской империи в Первую мировую войну охарактеризовано как «игра вабанк по-неволе» (с. 205), а различные носители немецкой «мягкой силы» – от журналистов до врачей – как «трансляторы смыслов» (с. 198).

Учитывая многообразие и сложность поставленных в монографии проблем, а также особенности её стиля, книга адресована прежде всего специалистам-гуманитариям, а не широкому кругу читателей. Вместе с тем её материалы могут быть успешно использованы в учебном процессе, прежде всего на уровне магистратуры.

Заключение

Можно с уверенностью предположить, что монография В.С. Мирзеханова и Л.В. Ланника станет предметом содержательного обсуждения в академическом сообществе. Поставленные авторами вопросы способны стимулировать научный диалог как между историками разных специализаций – тюркологами, международниками, британистами, германистами, франковедами и др., – так и между представителями смежных дисциплин: политологии, теории международных отношений и исторической социологии.

Презентация книги, состоявшаяся в МГИМО в октябре 2025 г. при участии ведущих экспертов из российских вузов и академических учреждений, сопровождалась содержательной дискуссией⁴. Эту встречу можно рассматривать как приглашение к более широкому обсуждению монографии.

Об авторе:

Искандэр Эдуардович Магадеев – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политики стран Европы и Америки МГИМО МИД России. 119454, Россия, Москва, проспект Вернадского, д. 76. E-mail: iskander2017@yandex.ru.

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 22-18-00011-П, <https://rscf.ru/project/22-18-00011>.

³ То есть дипломатическая договорённость, противоположная по смыслу договорённости, достигнутой министрами иностранных дел Австро-Венгрии А. фон Эренталем и Российской империи А.П. Извольским во время встречи в замке Бухлау (на территории современной Чехии) 2 (15) – 3 (16) сентября 1908 г. Согласно устной договорённости, Россия выразила готовность не возражать против аннексии Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины в обмен на пересмотр режима Черноморских проливов (Агансон 2022: 180).

⁴ Презентация монографии «В перекрестье имперских проектов. Рах Ottomanica от первой конституции до Лозаннского мира». МГИМО МИД России. 24 октября 2025 г. URL: <https://mgimo.ru/about/news/departments/mirzhanov-lannik/> (дата обращения: 14.11.2025).

UDC: 94(560):327
 Received: 17 November 2025
 Accepted: 2 March 2026

Empire Confronting the Challenges of Modernization and War

 Iskander E. Magadeev
[DOI 10.24833/2071-8160-2026-4-109-139-151](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2026-4-109-139-151)

MGIMO University, Moscow, Russia

Book review: Mirzekhanov V.S., Lannik L.V. 2025. *At the Crossroads of Imperial Projects. Pax Ottomanica from the First Constitution to the Treaty of Lausanne*. Moscow: Aspect Press.

Keywords: Ottoman Empire, Pax Ottomanica, empire, imperialism, modernization, total war, world-systems analysis, First World War, Treaty of Lausanne

About the author:

Iskander E. Magadeev – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of European and American History and Politics, MGIMO University. 76 Vernadskogo Prospekt, Moscow, 119454, Russia. E-mail: iskander2017@yandex.ru

Conflict of interest:

The author declares no conflict of interest.

Acknowledgments:

The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-18-00011-P, <https://rscf.ru/project/22-18-00011>.

References:

- Black C.E. 1966. *The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History*. New York: Harper & Row. 207 p.
- Bosworth R.J.B. 1984. Italy and the End of the Ottoman Empire. *The Great Powers and the End of the Ottoman Empire*. Ed. by M. Kent. London: Frank Cass. P. 51–72.
- Çiçek K. et al. 2000. *The Great Ottoman-Turkish Civilization*. Vol. 1. Ed. by K. Çiçek et al. Ankara: Yeni Türkiye. 754 p.
- Genell A.M. et al. 2023. *They All Made Peace – What Is Peace? The 1923 Lausanne Treaty and the New Imperial Order*. Ed. by J. Conlin, O. Ozavci. London: Gingko. 480 p.
- Leonhard J. 2018. The Overburdened Peace: Competing Visions of World Order in 1918/19. *Bulletin of the German Historical Institute*. 62. P. 31–50.
- Palabiyik M.S. 2018. Contextualizing the Ottoman Dynasty: Sultan Mehmed V Reşad and the Ottoman Princes in the Great War. *Monarchies and the Great War*. Ed. by M. Glencross, J. Rowbotham. Cham: Palgrave Macmillan. P. 121–152.
- Strachan H. et al. 2000. *Great War, Total War: Combat and Mobilization on the Western Front, 1914–1918*. Ed. by R. Chickering, S. Förster. Cambridge: Cambridge University Press. 531 p.

Wallerstein I., Tabak F. 2000. The Ottoman Empire, the Mediterranean, and the European World-Economy, c. 1560–1800. *The Great Ottoman-Turkish Civilisation*. Vol. 2. Ed. by K. Çiçek, H. İnalçık. Ankara: Yeni Türkiye. P. 120–127.

Xypolia I., Tsirigotis D. 2025. *The Global 1923 and the Treaty of Lausanne: Peace, Imperialism, and the Eastern Question*. Manchester: Manchester University Press. 234 p.

Aganson O.I. 2022. *V poiskakh ravnovesiia. Velikobritaniia i «balkanskii labirint», 1903–1914 gg* [Searching for a Balance. Great Britain and “Balkan Labyrinth”, 1903–1914]. Saint Petersburg: Aleteia. 362 p. (In Russian).

Avatkov V.A. 2019. Ideinotsennostnyi faktor vo vneshnei politike Turtsii [Ideology and Values in Turkey's Foreign Policy]. *MGIMO Review of International Relations*. 12(4). P. 113–129. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-4-67-113-129 (In Russian).

Benoist-Méchin J. 2025. *Mustafa Kemal: osnovatel novoi Turtsii* [Mustafa Kemal: Founder of the New Turkey]. Transl. and ed. by L.V. Lannik. Saint Petersburg: Vladimir Dal. 471 p. (In Russian).

Grafov D.B. 2022. Strategiia balansirovaniia vo vneshnei politike Turtsii [Strategy of Balancing in Turkish Foreign Policy]. *MGIMO Review of International Relations*. 15(3). P. 115–142. DOI: 10.24833/2071-8160-2022-3-84-115-142 (In Russian).

Kozlov D.Iu. 2013. *Narusenie morskikh kommunikatsii po opytu deistvii Rossiiskogo flota v Pervoi mirovoi voine (1914–1917)* [Disruption of Sea Communications Based on the Experience of the Russian Fleet during the First World War (1914–1917)]. Moscow: Universitet Dmitriia Pozharskogo. 536 p. (In Russian).

Lannik L.V. 2020. *Posle Rossiiskoi imperii: germanskaia okkupatsiia 1918 g.* [After the Russian Empire: German Occupation in 1918]. Saint Petersburg: Evraziia. 528 p. (In Russian).

Magadeev I.E. 2022. “Frantsuzskii faktor” v razvitii Chanakskogo krizisa (sentiabr–oktiabr 1922 g.) [The “French Factor” in the Development of the Chanak Crisis (September–October 1922)]. *Vostok (Oriens)*. 30(1). P. 66–77. DOI: 10.31857/S086919080016116-4 (In Russian).

Mehdiyev E.T. 2016. “Neoosmanizm” v regionalnoi politike Turtsii [“Neo-Ottomanism” in Turkey's Regional Policy]. *MGIMO Review of International Relations*. 9(2). P. 32–39. (In Russian).

Mirzekhanov V.S. 2002. *Ot istorii imperskoi k istorii natsional'noi: osobennosti razvitiia Osmanskogo gosudarstva v Novoe vremia* [From Imperial to National History: Development of the Ottoman State during the Modern Period]. Saratov: SGU Publishing House. 72 p. (In Russian).

Mirzekhanov V.S. 2023. Fenomen kolonializma v mirovoi istorii: temy i tendentsii noveishei istoriografii [The Phenomenon of Colonialism in World History: Themes and Trends in Recent Historiography]. *Istoriya*. 14 (Special Issue). DOI: 10.18254/S207987840025639-1 (In Russian).

Mirzekhanov V.S., Lannik L.V. 2022. Bakinskii krizis v istorii Batumskoi podsystemy: kulminatsiia neudavshikhsia imperskikh proektov, avgust–sentiabr 1918 goda [The Baku Crisis in the History of the Batum Subsystem: the Culmination of the Failed Imperial Projects, August–September 1918]. *Modern and Contemporary History*. 66(5). P. 104–119. DOI: 10.31857/S0130386400224176 (In Russian).

Mirzekhanov V.S., Lannik L.V. 2023. Likvidatsiia batumskoi podsystemy mezhdunarodnykh otnoshenii i ee istoricheskie posledstviia, sentiabr–noiabr 1918 goda [The Dismantling of the Batum Subsystem of International Relations and Its Historical Consequences, September–November 1918]. *Modern and Contemporary History*. 67(1). P. 85–99. DOI: 10.31857/s013038640024696-3 (In Russian).

Myshov N.A. 2022. Likvidatsiia lidera basmachestva Enverpashi [Liquidation of the Bas-machi Leader Enver-Pasha]. *Oriental Archive*. 2(46). P. 85–91. DOI: 10.31696/2072-5795-2022-2-85-91 (In Russian).

Poberezhnikov I.V. 2001. *Teoriia modernizatsii: osnovnye etapy evoliutsii* [Modernization Theory: Stages of Its Evolution]. *Problemy istorii Rossii* [Problems of Russian History]. Vol. 4. Ekaterinburg: Volot. P. 217–246. (In Russian).

Tanryverdi M. 2020. *Otnosheniia mezhdubol'shevikami i mladoturkami posle Oktiabr'skoi revoliutsii* [Relations between Bolsheviks and Young Turks after the October Revolution]. *Russkii sbornik* [Russian Digest]. T. 28. Ed. by O.R. Airapetov et al. Moscow: Modest Kolerov. P. 122–135. (In Russian).

Tiurker T. 2007. *Protsess modernizatsii v Osmanskoi imperii i Rossii i ego otrazhenie v imperskoi i natsionalisticheskoi ideologii* [Modernization in the Ottoman and Russian Empires and Its Reflection in Imperial and Nationalist Ideologies]. Cand. Sci. (History) Dissertation. Moscow: Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University. 134 p. (In Russian).

Vasilev A.D. 2023. *Tsentralnaia Aziia v politike Rossii i Turtsii v XIX – pervoi polovine XX v.* [Central Asia in Russian and Turkish Policies in the Nineteenth and First Half of the Twentieth Centuries]. Dr. Sci. (History) Dissertation. Moscow: Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. 598 p. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Агансон О.И. 2022. *В поисках равновесия. Великобритания и «балканский лабиринт», 1903–1914 гг.* СПб.: Алетейя. 362 с.

Аватков В.А. 2019. Идеино-ценностный фактор во внешней политике Турции. *Вестник МГИМО-Университета*. Т. 12. № 4. С. 113–129. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-4-67-113-129

Бенуа-Мешен Ж. 2025. *Мустафа Кемаль: основатель новой Турции* / пер. с нем., предисл. и примеч. Л.В. Ланника. СПб.: Владимир Даль. 471 с.

Васильев А.Д. 2023. *Центральная Азия в политике России и Турции в XIX – первой половине XX в.* Дисс. ... д-ра ист. наук. М.: Институт востоковедения РАН. 598 с.

Графов Д.Б. 2022. Стратегия балансирования во внешней политике Турции. *Вестник МГИМО-Университета*. Т. 15. № 3. С. 115–142. DOI: 10.24833/2071-8160-2022-3-84-115-142

Козлов Д.Ю. 2013. *Нарушение морских коммуникаций по опыту действий Российского флота в Первой мировой войне (1914–1917)*. М.: Университет Дмитрия Пожарского. 536 с.

Ланник Л.В. 2020. *После Российской империи: германская оккупация 1918 г.* СПб.: Евразия. 528 с.

Магадеев И.Э. 2022. «Французский фактор» в развитии Чанакского кризиса (сентябрь–октябрь 1922 г.). *Восток (Oriens)*. № 1. С. 66–77. DOI: 10.31857/S086919080016116-4

Мехдиев Э.Т. 2016. «Неоосманизм» в региональной политике Турции. *Вестник МГИМО-Университета*. № 2 (47). С. 32–39.

Мирзеханов В.С. 2002. От истории имперской к истории национальной: особенности развития Османского государства в Новое время. Саратов: Издательство СГУ. 72 с.

Мирзеханов В.С. 2023. Феномен колониализма в мировой истории: темы и тенденции новейшей историографии. *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. Т. 14. Специальный выпуск. DOI: 10.18254/S207987840025639-1

Мирзеханов В.С., Ланник Л.В. 2022. Бакинский кризис в истории Батумской подсистемы: кульминация неудавшихся имперских проектов, август–сентябрь 1918 года. *Новая и новейшая история*. Т. 66. № 5. С. 104–119. DOI: 10.31857/S013038640022417-6

Мирзеханов В.С., Ланник Л.В. 2023. Ликвидация батумской подсистемы международных отношений и ее исторические последствия, сентябрь–ноябрь 1918 года. *Новая и новейшая история*. Т. 67. № 1. С. 85–99. DOI: 10.31857/s013038640024696-3

Мышов Н.А. 2022. Ликвидация лидера басмачества Энвер-паши. *Восточный архив*. № 2 (46). С. 85–91. DOI: 10.31696/2072-5795-2022-2-85-91

Побережников И.В. 2001. Теория модернизации: основные этапы эволюции. *Проблемы истории России*. Вып. 4. Екатеринбург: Волот. С. 217–246.

Танрыверди М. 2020. Отношения между большевиками и младотурками после Октябрьской революции. *Русский сборник*. Т. 28. Ред.-сост.: О.Р. Айрапетов и др. М.: Модест Колеров. С. 122–135.

Тюркер Т. 2007. *Процесс модернизации в Османской империи и России и его отражение в имперской и националистической идеологии*. Дисс. ... канд. ист. наук. М.: ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова. 134 с.

БРИКС и контуры многополярного будущего

Е.М. Савичева, Ф.А. Киричко

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

Рецензия на коллективную монографию: Tang H., Wong Yue Shun B. (eds.). 2025. Towards a Future for BRICS+. Hong Kong University Press. 216 p.

Ключевые слова: БРИКС, БРИКС+, Россия, Китай, Индия, Глобальный Юг, многополярность, геополитика, устойчивое развитие, цифровизация

Коллективная монография Towards a Future for BRICS+ («На пути к будущему для БРИКС+») была опубликована на английском языке в 2025 г. издательством Hong Kong University Press совместно с Asia Global Institute при Университете Гонконга. В центре внимания авторов – деятельность БРИКС+¹, анализ его места и роли в мире, а также глобальные и региональные вызовы, стоящие перед ним.

Рецензируемая монография представляет собой комплексное исследование роли БРИКС+ в мировой геополитике, а также в торговой, финансовой, денежно-кредитной и цифровой сферах. Важная особенность труда состоит в том, что авторы отдельных глав – преимущественно исследователи из стран объединения или его государств-партнёров – демонстрируют глубокую погружённость в проблематику и личную заинтересованность в её осмыслении.

Монография нацелена на рассмотрение деятельности БРИКС+ вне упрощённых схем и представлений, прежде всего вне трактовки объединения как якобы антизападного проекта. Во введении редакторы – Хэйвай Тан, экономист, специалист по международной торговле и глобальным производственным цепочкам, и Брайан Вонг Юэ-шун, исследователь в области геополитики,

¹ В рецензируемой монографии термином БРИКС+ обозначается расширенный формат БРИКС после решений 2023–2025 гг., включающий новых членов и партнёрские государства.

политической философии и высоких технологий, – оценивают БРИКС+ как важный формирующийся геополитический феномен (р. 13–14).

Редакторы рассматривают предпосылки появления БРИКС, динамику его развития и расширения до формата БРИКС+; анализируют ключевые параметры деятельности объединения – от геополитической автономии до обмена знаниями, информацией и трудовыми ресурсами между странами; выделяют основные проблемы, стоящие перед ним: исторические конфликты между участниками, неравенство и конкуренцию в экономической сфере, а также внешнее давление, прежде всего со стороны Запада (р. 10–13).

Глобальный Юг

В первой главе «Новый Глобальный Юг в формирующемся мультиплексном мировом порядке» содержится критика сформулированного в западном политическом и экспертном дискурсе после Второй мировой войны термина «третий мир» и подчёркивается, что он не отражал и не отражает истинную сущность Глобального Юга, а также игнорирует глубокие исторические корни государств этого региона. По мнению автора, сегодня развивающиеся страны не пребывают в упадке, как утверждают на Западе, а стремительно превращаются в *Новый* Глобальный Юг – более сильный экономически, институционально развитый и влиятельный. Бóльшая экономическая мощь, тесное взаимодействие стран между собой, активизация дипломатических усилий на всех уровнях, роль связующего звена между Западом и остальным миром – вот отличия *Нового* Глобального Юга от *Старого* (р. 21–22). Автор, А. Ачарья, полемизирует на важную тему – целесообразно ли относить Китай, не являвшийся колонией в классическом смысле, к странам Глобального Юга? Исследователь не приходит к однозначному выводу, но подчёркивает, что отнесение Китайской Народной Республики (КНР) к этому региону значительно повышает глобальный вес этого геополитического конструкта. Вместе с тем, по его мнению, экономическая мощь Китая может привести к формальному разделению Глобального Юга на «могущественный» и «бедный» (р. 35). Здесь, однако, важно сохранить проводимое А. Ачарьей различие между многополярным и мультиплексным мировым порядком. Многополярность по-прежнему предполагает организацию международной системы вокруг нескольких великих держав, тогда как мультиплексность означает рассредоточение лидерства между различными государствами, региональными организациями и другими акторами в зависимости от конкретной области международного взаимодействия. С этой точки зрения БРИКС+ является не новым самостоятельным «полюсом», а одной из нескольких площадок складывающейся более децентрализованной мировой архитектуры.

Именно поэтому содержащиеся в главе оговорки имеют принципиальное, а не второстепенное значение. БРИКС+ не тождествен Глобальному Югу, а его наиболее влиятельные участники нередко руководствуются собственными

интересами, которые не совпадают с интересами менее развитых государств. Расширение объединения способно не только усиливать переговорные позиции Глобального Юга, но и углублять его внутреннее разделение на «могущественный Юг» и «бедный Юг» (р. 34–35). В таком случае возникает вопрос, который автор ставит, но не разрешает окончательно: кто и на каком основании может выступать от имени столь разнородного сообщества? Само по себе увеличение числа участников БРИКС+ ещё не демократизирует глобальное управление. Без механизмов, позволяющих менее влиятельным государствам воздействовать на формирование повестки и распределение ресурсов, критика западной иерархии может сопровождаться воспроизводством новой иерархии уже внутри Глобального Юга. Поэтому БРИКС+ предстаёт в главе не готовым архитектором будущего миропорядка, а одной из площадок, на которых только формируется и оспаривается политическая субъектность Глобального Юга.

Формат БРИКС+

Во второй главе «Расширение БРИКС+ в условиях меняющегося геополитического ландшафта» анализируется расширение объединения через призму новых подходов к геополитике, войне, миру и безопасности. Автор отмечает, что саммиты БРИКС в Йоханнесбурге (2023 г.) и Казани (2024 г.) имели важное значение, поскольку проходили на фоне большого интереса стран Глобального Юга к объединению и разочарования западоориентированными международными институтами (р. 43–44). По мнению автора, председательство в объединении – это не только престижная миссия, но и дипломатическое бремя, требующее от страны-председателя согласования национальных интересов с коллективными целями БРИКС+. Председательство ЮАР в 2023 г. было отмечено разработкой африканской мирной инициативы по Украине и подачей иска против Израиля в Международный суд ООН в связи с военными действиями в секторе Газа. Позиция Претории рассматривается как пример усилий Глобального Юга по утверждению своей субъектности и суверенности, не предполагающей жёсткой привязки ни к Западу, ни к Востоку.

Председательство России в БРИКС в 2024 г. проходило на фоне жёстких западных санкций и попыток изолировать Москву, которые, как подчёркивает автор, не достигли своих целей. Он отмечает, что формат БРИКС+ имеет долгосрочное стратегическое значение для России, поскольку способствует укреплению многополярности, противодействию экономическому давлению Запада и реформированию глобальных институтов (р. 52). Автор приходит к выводу, что глобальное большинство рассматривает БРИКС+ не как антизападную коалицию, а как силу, ориентированную на многополярность и укрепление международной безопасности, в том числе в интересах стран Глобального Юга.

Роль БРИКС+ в глобальной политике

Авторы третьей главы «Геополитика БРИКС+: между институциональным балансированием и хеджированием, а также за их пределами» констатируют, что БРИКС за годы своего существования не только не развалился, но и значительно расширил свои ряды, несмотря на имеющиеся разногласия между его членами. Причина в том, что оно не является объединением с единой идеологией, а представляет собой общую институциональную платформу, на которой страны-члены действуют в соответствии с собственными интересами и задачами. Такую тактику авторы объясняют институциональным балансированием и институциональным хеджированием². Институциональное балансирование заключается в противодействии конкретной осязаемой угрозе, чаще всего в виде конкурирующей державы, от которой исходит прямая и непосредственная опасность, и для её купирования страны объединяются (р. 65–66). Исследователи считают, что данный метод применяют Россия, Китай и, в значительной мере, Индия, то есть основатели БРИКС+ и наиболее значимые члены объединения. Основная же цель институционального хеджирования – смягчение всех неопределённых рисков через проработку запасных вариантов действий, а также следование политике нейтралитета (р. 65–66). Такой тактики придерживаются Бразилия и ЮАР, большинство «новичков», а также страны – партнёры БРИКС+, убеждены авторы (р. 78). Они резюмируют, что интеграционный формат находится на пути успешного развития, поскольку в его рамках сочетаются балансирование угроз и управление рисками. Сила БРИКС+ как раз и состоит в том, что объединение позволяет своим членам добиваться разноплановых целей, но общими средствами и усилиями.

БРИКС+ и Юго-Восточная Азия

Четвёртая глава «Юго-Восточная Азия и БРИКС+: вступать или нет?» посвящена особенностям сотрудничества государств Юго-Восточной Азии (ЮВА) с БРИКС+ и их возможной интеграции в объединение. По мнению автора, БРИКС+ из платформы геоэкономического взаимодействия постепенно превратился в механизм, который позволяет государствам снижать зависимость от западного доминирования. Этому способствовали соперничество США и Китая, а также конфликт на Украине (р. 103–104). Расширение БРИКС в 2024–2025 гг. сделало объединение более представительным, но одновременно усложнило согласование общих целей, считает автор. Рассматривая отношение

² Хеджирование (в экономике) – стратегия управления финансовыми рисками, заключающаяся в страховании инвестиций или активов через открытие противоположных позиций на рынке для компенсации возможных убытков от неблагоприятных ценовых колебаний различных активов.

стран ЮВА к БРИКС+, он выделяет три группы: государства, выступающие против вступления или активного сотрудничества (Филиппины, Вьетнам, Сингапур); страны, проявляющие интерес, но сталкивающиеся с ограничениями (Камбоджа, Лаос, Мьянма); и ключевые партнёры, уже вступившие в объединение или активно с ним взаимодействующие (Индонезия, Малайзия, Таиланд) (р. 106–110). Исследователь подчёркивает, что БРИКС+ открывает для стран ЮВА новые возможности, но одновременно создаёт риски вовлечения в противостояние великих держав. По его мнению, объединение в большей степени ориентировано на реагирование на внешние вызовы, чем на поддержание внутренней сплочённости; поэтому сближение с БРИКС+ для государств региона прежде всего связано с поиском дополнительной внешнеполитической опоры.

Политика стран БРИКС+ в интересах устойчивого развития

В следующей главе «Многосторонность во имя многополярности: дипломатия БРИКС+ в области устойчивого развития» подчёркивается, что климатическая дипломатия объединения и его деятельность в сфере устойчивого развития стали одними из инструментов продвижения многополярного мироустройства. Экологическая политика БРИКС+, нацеленная на предотвращение изменения климата, переход к зелёной энергетике и устойчивому развитию, опирается на коллективную идентичность стран-членов и позволяет оспаривать западную климатическую повестку, пишет исследователь (р. 118). Несмотря на различия в политике отдельных стран БРИКС+ в этой сфере, объединение в целом обладает значимыми переговорными возможностями на международных экологических форумах, заключает автор. При этом он критикует БРИКС+ за недостаточную институционализацию экологического направления, утверждая, что объединению не хватает проработанных инструментов реализации соответствующих решений (р. 125–126). Автор приходит к выводу, что политика БРИКС+ в области климата и устойчивого развития изменила глобальную экологическую повестку, а само объединение стало связующим звеном между развитыми и развивающимися странами. В условиях ослабления глобального доминирования Запада БРИКС+ получает возможность продвигать более справедливую климатическую повестку и плюралистический подход к решению экологических проблем.

Торговые связи объединения

В шестой главе «Основа для расширения торговых связей между членами БРИКС+» авторы констатируют, что усиление торгово-экономической интеграции стран-членов является рациональным и геополитически мотивированным шагом. Они оспаривают тезис о том, что БРИКС+ не обладает реальным экономическим весом, подчёркивая, что темпы роста ВВП его участников превышают

аналогичный показатель стран G7, а к 2040 г. объединение может обогнать «Большую семёрку» по совокупному ВВП (р. 133). Отмечается, что БРИКС+ стремится к многополярному мироустройству, отдавая приоритет экономическому развитию и уделяя особое внимание расширению торговых связей, дедолларизации, созданию альтернативных платёжных систем и изменению цепочек поставок энергоресурсов (р. 139–141). Авторы указывают на вызовы и риски в торгово-экономической сфере, но вместе с тем выделяют перспективы усиления роли стран Глобального Юга в международных экономических отношениях и возможности более тесного сотрудничества с АСЕАН. Таким образом, создание БРИКС стало реакцией развивающихся экономик на доминирование США в глобальной финансово-экономической системе. Главная цель торговой политики объединения – не противостояние Западу, а снижение рисков, связанных с политикой санкций и ограничений, резюмируют исследователи.

БРИКС+ и глобальная финансовая безопасность

В седьмой главе «Глобальная система финансовой безопасности: укрепление основ международной валютной системы» обращается внимание на то, что совокупный госдолг стран мира достиг исторически беспрецедентных показателей, а связанные с этим риски продолжают расти. Из-за неполного отражения уровня государственного долга и неэффективного налогового-бюджетного управления мир приблизился к системному долговому кризису, при этом эффективные многосторонние инструменты для его преодоления практически отсутствуют, указывает автор. Он считает целесообразным создание единого реестра с информацией о долгах всех стран мира и подчёркивает, что прозрачность госдолга является основополагающей для любой международной финансовой системы (р. 152–153). Автор критикует глобальную систему финансовой безопасности (ГСФБ), анализирует региональные механизмы финансирования госдолга и подробно рассматривает функционирование «Пула условных валютных резервов стран БРИКС» (2015 г.) объёмом 100 млрд долл. (р. 163–164). Вместе с тем позиция автора значительно сложнее простого противопоставления финансовых механизмов БРИКС+ Международному валютному фонду. Пул условных валютных резервов действительно был создан в том числе вследствие недовольства участников БРИКС системой квот и управления МВФ. Однако возможность получения более 30% предусмотренного лимита по-прежнему связана с наличием программы Фонда, сам механизм до настоящего времени не применялся, а его ресурсы и институциональные возможности существенно уступают ведущим региональным финансовым механизмам (р. 163–164). В заключении главы автор прямо указывает, что урегулирование долговых кризисов должно опираться на глобальную систему финансовой безопасности, в центре которой остаётся МВФ (р. 168). Одновременно он призывает включить Китай и других новых кредиторов в общую, более прозрачную и предсказуемую систему реструктуризации суверенной задолженности.

Тем самым автор вступает в содержательную полемику с распространённым представлением о финансовой деятельности БРИКС+ как о последовательном выходе из институтов Бреттон-Вудской системы. Возникает более сложный вопрос: является ли объединение создателем альтернативного финансового порядка или коалицией, стремящейся перераспределить права, голоса и ответственность внутри существующего порядка? Аргументация автора скорее свидетельствует в пользу второго ответа. Задача состоит не в демонтаже глобальной системы финансовой безопасности, а в реформировании её управления и одновременном превращении институтов БРИКС+ из преимущественно символических инициатив в реально действующие, прозрачные и совместимые с универсальными механизмами структуры. В этом смысле зависимость Пула условных валютных резервов от МВФ следует рассматривать не только как слабость БРИКС+, но и как свидетельство того, насколько трудно создать с нуля признанные правила финансовой помощи, надзора и распределения рисков.

Национальные инновационные системы стран-членов БРИКС+

В восьмой главе «Национальные инновационные системы (НИС)³ стран БРИКС: сравнение с Южной Кореей» авторы подробно анализируют различия в НИС пяти стран – основателей БРИКС, их готовность к четвёртой промышленной революции, а также проводят сравнение с Южной Кореей. По мнению исследователей, главная движущая сила экономического роста государства – это, прежде всего, его инновационный потенциал. Южная Корея – идеальный пример успешной индустриализации, хотя и запоздалой. Специализация Сеула на развитии технологий короткого цикла сыграла определяющую роль в ускорении догоняющего развития Кореи, а переход в 2000-е гг. к технологиям с более длительным циклом указывает на выход страны на уровень развитой национальной инновационной системы (р. 178–180). Что касается НИС стран БРИКС, то авторы выявляют существенные различия между ними. Китай, например, в целом пошёл по пути Южной Кореи, его экономика высокотехнологична и диверсифицирована, с большой интенсивностью научных разработок. Индию авторы характеризуют как глобальный центр инновационных решений с низкими затратами, а Россию и Бразилию – как страны, НИС которых развиты не в полной мере, но у которых большие перспективы (р. 190–191). ЮАР оценивается как государство БРИКС с самой слабой национальной инновационной системой и низкими инвестициями в разработки. Различия в темпах экономического роста рассматриваемых стран объясняются ощутимыми расхождениями в их НИС, резюмируют авторы.

³ Теоретические предпосылки анализа инноваций восходят к Й. Шумпетеру, однако термин «национальная инновационная система» закрепился в исследованиях К. Фримена, Б.-О. Лундвала и Р. Нельсона в 1980–1990-е гг. Под НИС понимается совокупность институтов и сетей взаимодействия между компаниями, научными организациями, государственными структурами и другими участниками инновационной деятельности.

Цифровизация в БРИКС+

Заключительная глава «Роль цифровой экономики в БРИКС+» посвящена цифровизации национальных экономик объединения; цифровая трансформация рассматривается с геоэкономической и политической точек зрения. Автор констатирует, что развитие цифровой экономики является одной из ключевых стратегических сфер для стран БРИКС+. Подчёркивается неоднородность экономик объединения: между китайской моделью суперприложений, индийской цифровой общественной инфраструктурой, российским цифровым суверенитетом и локализацией, а также гибридными цифровыми экосистемами Бразилии и ЮАР имеются существенные различия (р. 198–200). Именно поэтому цифровое сотрудничество в рамках БРИКС+ остаётся избирательным и фрагментарным. Автор указывает, что индийские ограничения на китайские приложения и сайты, а также тесное IT-сотрудничество Москвы и Пекина препятствуют созданию единого цифрового рынка. Прослеживая динамику развития цифрового сотрудничества – от создания рабочей группы по информационно-коммуникационным технологиям (ИКТ) до функционирования «Института будущей сети БРИКС», – автор критически оценивает проблемы в этой области (р. 201–204). Делается вывод о том, что без укрепления институциональных механизмов и координации внутри объединения цифровое сотрудничество БРИКС+ будет оставаться фрагментарным. Цифровизация при этом рассматривается как инструмент влияния на глобальное экономическое управление.

БРИКС+ между реформой и альтернативой

Последовательное сопоставление глав монографии позволяет увидеть, что её главным предметом является не столько «будущее БРИКС+», сколько принципиальная неоднозначность самого объединения. Редакторы справедливо предостерегают как от апологетического представления о БРИКС+ в качестве готового центра нового справедливого мира, так и от его сведения к антизападной коалиции. Однако отказ от определения объединения как антизападного ещё не означает его политической нейтральности. Стратегическая автономия, которую авторы называют одним из основных мотивов участия в БРИКС+, неизбежно носит относительный характер: государства стремятся обрести автономию по отношению к определённым институтам, валютам, технологическим стандартам и механизмам политического давления, воспринимаемым ими как контролируемые Западом.

Поэтому более продуктивно спрашивать не о том, является ли БРИКС+ «антизападным» вообще, а о том, в каких областях его участники намерены реформировать существующие институты, а в каких – создавать параллельные механизмы. Ответы, предлагаемые авторами монографии, заметно расходятся.

В сфере международной безопасности речь преимущественно идёт о реформировании ООН и более активном посредничестве незападных государств. В торговой и платёжной сферах рассматриваются механизмы снижения зависимости от западной инфраструктуры. В главе о глобальной финансовой безопасности МВФ, несмотря на все претензии к его управлению, сохраняет центральное место. В климатической сфере БРИКС+ описывается одновременно как связующее звено между развитыми и развивающимися государствами и как возможная альтернатива западному лидерству. Следовательно, объединение не придерживается единой модели отношения к существующему порядку: степень его ревизионизма меняется в зависимости от конкретной сферы сотрудничества.

Особенно отчётливо эта неоднозначность проявляется в предложенном Чэн-Чви Куиком и Абдулом Разаком Ахмадом различении институционального балансирования и институционального хеджирования. Типология убедительно объясняет, почему в одном объединении могут сосуществовать Россия и Китай, стремящиеся ограничить влияние США, Индия, вынужденная учитывать одновременно американский и китайский факторы, а также государства, рассматривающие БРИКС+ как дополнительную страховку от неопределённости. Вместе с тем данная концепция вызывает и встречный вопрос. Если одни участники балансируют, другие хеджируют, а некоторые делают и то и другое, обладает ли БРИКС+ собственной коллективной стратегией или лишь предоставляет общую оболочку для несовпадающих национальных стратегий?

Возможно, устойчивость БРИКС+ объясняется именно отсутствием требования к участникам прийти к стратегическому единству. Низкая степень институционализации снижает политическую цену участия, позволяет государствам сохранять свободу манёвра и не обязывает их выбирать между БРИКС+ и другими партнёрствами. Но то же качество ограничивает способность объединения выполнять принимаемые решения. Здесь возникает фундаментальное противоречие между расширением и институционализацией. Чем шире и разнообразнее становится состав БРИКС+, тем выше его представительность, но тем труднее формировать обязательства, выходящие за пределы деклараций. Укрепление наднациональных или постоянно действующих координационных механизмов могло бы повысить результативность сотрудничества, но одновременно лишило бы объединение той гибкости, которая привлекает значительную часть новых участников. Поэтому применительно к БРИКС+ уместнее говорить не об интеграции, а об управлении устойчивым несовпадением интересов.

Отраслевая часть монографии показывает, что реальное значение объединения следует оценивать не по совокупному ВВП участников и не по количеству заявлений, а по его способности производить конкретные международные общественные блага. В климатической сфере совместные декларации и встречи министров подтверждают наличие общей переговорной повестки, но ещё не свидетельствуют о формировании единой климатической политики. В БРИКС+ одновременно входят крупнейший производитель технологий возобновляемой

энергетики (Китай) и несколько ведущих экспортёров углеводородов (Россия, Иран, ОАЭ). Принцип общей, но дифференцированной ответственности может объединять их в переговорах с развитыми странами, однако не устраняет конфликтов вокруг распределения расходов на энергетический переход.

Сходное противоречие обнаруживается в цифровой сфере. Создание общего цифрового пространства требует совместимости платёжных систем, взаимного признания цифровой идентификации, согласования стандартов хранения и передачи данных, а также механизмов разрешения споров. Иными словами, цифровое сотрудничество предполагает некоторое ограничение или совместное осуществление того самого цифрового суверенитета, который отдельные участники БРИКС+ стремятся укреплять. С учётом экономической и технологической асимметрии внутри объединения снижение зависимости от западных платформ теоретически может сопровождаться возникновением новой зависимости – уже от китайской инфраструктуры и технологических решений. Поэтому критерием успешного цифрового сотрудничества должна быть не замена одного центра другим, а формирование совместимой архитектуры, сохраняющей участникам возможность выбора и предотвращающей монополизацию общих механизмов.

Методология главы о национальных инновационных системах позволяет поставить ещё один вопрос – об интеллектуальной и измерительной инфраструктуре исследования самого БРИКС+. Сравнение стран проводится преимущественно на основе американских патентных данных. Такой подход обеспечивает формальную сопоставимость, но одновременно измеряет инновационные системы через их присутствие в правовом и рыночном пространстве США. Небольшое число патентов может свидетельствовать как о слабости национальной инновационной системы, так и о её иной отраслевой структуре, ориентации на внутренний рынок, использовании других форм защиты разработок или ограниченном доступе к американской патентной инфраструктуре. Особенно существенно это различие в условиях санкций и технологической фрагментации. Поэтому Южную Корею целесообразно рассматривать не как универсальную норму развития инновационной системы, а как один из возможных путей технологического догоняющего развития.

С этим связан и почти исключительно англоязычный характер библиографии монографии. Данное ограничение имеет не только источниковедческое, но и концептуальное значение. Постзападный или мультиплексный мир в книге продолжает описываться преимущественно через английский язык, западные академические категории и данные таких институтов, как МВФ, Всемирный банк и Патентное ведомство США. Возникает своеобразный парадокс: политическая и экономическая децентрализация исследуется посредством всё ещё централизованной инфраструктуры производства знания. Дальнейшее изучение БРИКС+ потребует включения русскоязычных, китайских, индийских, арабских, персоязычных, португалоязычных и других научных и политических

дискуссий – не в качестве формального дополнения к англоязычной литературе, а как самостоятельных способов концептуализации объединения.

Таким образом, БРИКС+ можно определить как институт управляемой неопределённости. Его устойчивость пока основана не на общей идеологии, единой модели развития или совпадающей картине будущего, а на способности вмещать различные и иногда противоположные стратегии. Объединению, вероятно, и не следует превращаться в интеграционный проект по образцу Европейского союза. Более реалистичным критерием его состоятельности является избирательная институционализация: способность создавать конкретные механизмы сотрудничества там, где интересы участников действительно пересекаются, не требуя от них полной внешнеполитической солидарности. При этом многополярность станет более справедливым порядком лишь в том случае, если автономия новых «полюсов» будет дополнена правилами, защищающими интересы тех государств, которые полюсами не являются. Ценность монографии состоит в том, что она предоставляет обширный материал для постановки этого вопроса, хотя сами редакторы и авторы отдельных глав не всегда доводят его до окончательного теоретического вывода.

Заключение

Коллективная монография обладает значительной практической и теоретической ценностью и заметно выделяется среди зарубежных англоязычных исследований как специализированный труд, опирающийся на широкий эмпирический материал и междисциплинарный анализ. Работа представляет интерес для востоковедов, специалистов по БРИКС и международным организациям в целом, а также может быть полезна студентам, магистрантам и аспирантам.

Существенным достоинством работы является анализ взаимодействия стран-членов и объединения БРИКС+ в целом с внешними международными акторами – государствами Юго-Восточной Азии, а также сравнение особенностей инновационного развития участников объединения с Южной Кореей.

В целом коллективная монография *Towards a Future for BRICS+* предстаёт значимым трудом, который систематизирует знания о БРИКС+ и основных вызовах, стоящих перед объединением. Важным достоинством книги является стремление рассматривать БРИКС+ вне распространённых представлений о его якобы антизападной направленности, всё чаще встречающихся в европейском и американском экспертном дискурсе.

Об авторах:

Елена Михайловна Савичева – кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения и африканистики факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН). Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.
E-mail: savicheva-em@rudn.ru ORCID: 0000-0001-8617-3508.

Филипп Андреевич Киричко – аспирант, лаборант-исследователь кафедры востоковедения и африканистики факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН). Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.
E-mail: 1142230184@rudn.ru ORCID: 0009-0005-2443-5556 SPIN-код: 9253-5120.

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:

Публикация выполнена в рамках Проекта № 102502-2-000 Системы грантовой поддержки научных проектов Российского университета дружбы народов (РУДН).

UDC 327.7:339.9(100)(049.32)

Received: March 15, 2026

Accepted: June 7, 2026

BRICS and the Contours of a Multipolar Future

 E.M. Savicheva, F.A. Kirichko
[DOI 10.24833/2071-8160-2026-4-109-152-164](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2026-4-109-152-164)

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

Book review: Tang H., Wong Yue Shun B. (eds.). 2025. Towards a Future for BRICS+. Asia Global Institute / Hong Kong University Press. 216 p.

Keywords: BRICS, BRICS+, Russia, China, India, Global South, multipolarity, geopolitics, sustainable development, digitalization

About the authors:

Elena M. Savicheva – Cand. Sci. (History), Associate Professor, Department of Oriental and African Studies, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University. Postal address: 6 Miklukho-Maklaya Street, Moscow, 117198, Russian Federation.
E-mail: savicheva-em@rudn.ru ORCID: 0000-0001-8617-3508.

Filipp A. Kirichko – Postgraduate Student and Research Assistant, Department of Oriental and African Studies, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University. Postal address: 6 Miklukho-Maklaya Street, Moscow, 117198, Russian Federation.
E-mail: 1142230184@rudn.ru ORCID: 0009-0005-2443-5556 SPIN code: 9253-5120.

Conflict of interest:

The authors declare no conflict of interest.

Acknowledgements:

This publication was supported by the RUDN University Scientific Projects Grant System, project no. 102502-2-000.

МГИМО

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ
ДОМ

выпускает учебные
издания по

42

иностранным
языкам:

አማርኛ

АМХАРСКИЙ

English

АНГЛИЙСКИЙ

العربية

АРАБСКИЙ

Afrikaans

АФРИКААНС

বাংলা

БЕНГАЛЬСКИЙ

Български

БОЛГАРСКИЙ

Tiếng Việt

ВЬЕТНАМСКИЙ

ᲒᲠᲚᲠᲚᲚᲚᲚᲚ

ГОТСКИЙ

Ελληνικά

ГРЕЧЕСКИЙ

دري

ДАРИ

Dansk

ДАТСКИЙ

עברית

ИВРИТ

Bahasa Indonesia

ИНДОНЕЗИЙСКИЙ

Español

ИСПАНСКИЙ

Italiano

ИТАЛЬЯНСКИЙ

中文

КИТАЙСКИЙ

조선어 / 한국어

КОРЕЙСКИЙ

ລາວ

ЛАОССКИЙ

Latina

ЛАТИНСКИЙ

Монгол

МОНГОЛЬСКИЙ

Deutsch

НЕМЕЦКИЙ

Nederlands

НИДЕРЛАНДСКИЙ

Norsk

НОРВЕЖСКИЙ

فارسی

ПЕРСИДСКИЙ

Polski

ПОЛЬСКИЙ

Português

ПОРТУГАЛЬСКИЙ

پښتو

ПУШТУ

Română

РУМЫНСКИЙ

Русский

РУССКИЙ

Српски

СЕРБСКИЙ

Kiswahili

СУАХИЛИ

Тоҷикӣ

ТАДЖИКСКИЙ

Türkçe

ТУРЕЦКИЙ

Українська

УКРАИНСКИЙ

اردو

УРДУ

Suomi

ФИНСКИЙ

Français

ФРАНЦУЗСКИЙ

हिन्दी

ХИНДИ

Hrvatski

ХОРВАТСКИЙ

Čeština

ЧЕШСКИЙ

Svenska

ШВЕДСКИЙ

日本語

ЯПОНСКИЙ

УЧЕБНАЯ И НАУЧНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

ПО ТЕМАМ:

•
международные
отношения

•
страны и регионы
мира

•
мировая
экономика

•
международное
право

•
иностранные
языки

mgimo.ru/id

vk.com/mgimoid

books@inno.mgimo.ru